

РОЖДЕСТВО И КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ

уральский ДЕКАБРЬ 1991
СЛЕДОПЫТ

12

Материал В. КОЛОСНИЦЫНА
читайте на 2-й странице

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ. Альбрехт Дюрер.

Слайд ОЛЕГА КАПОРЕЙКО

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудова́й коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

2
**РОЖДЕСТВО И КРЕЩЕНИЕ
ГОСПОДНЕ**

Продолжение рубрики «Христианские праздники». Смысл обрядов рождественских и крещенских вечеров.

В. Колосницын

4
ЖЕЛЕЗНОЕ ДЕЛО УРАЛА

Исторические заметки о возникновении и развитии металлургии на Урале.

В. Довгопол

6
ЧУДАК И МЕЦЕНАТ

Очередной очерк о династии Демидовых, о нравах и жизни.

Н. Мезенин

9
СТИХИ

Н. Шамсутдинов

10

СИДИК НУЖЕН ВСЕМ

Обзор почты, пришедшей в редакцию на очерк «Я вычислил день своей смерти...» об афганском математике.

Е. Ищенко

15
СТИХИ

М. Наумова

16

БАЛЛАДА С ЗАДЕРЖАНИЕМ. Рассказ
Т. Чекакина

22

НЕЗАВИСИМЫЙ ДВОР

Сатирический взгляд на проблему независимости и суверенитета территорий.

Г. Дробиз

23

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»-91

Годовое содержание журнала.

25

**ПОДКИДЫШ. Фантастический
рассказ**

Проблемы контакта и разумности инопланетян.

Т. Груздева

29

**СФЕРА РАЗУМА. Фантастический
роман. Окончание**

С. Слепымин

51

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

Новинки фантастики.

57

«ТЫ ПРОСТО БЫЛ...»

Документальная повесть основателя «Ласкового мая».

С. Кузнецов

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН

(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Екатеринбург,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67

Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзия, публицистика,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в доставочные предприятия
связи по месту жительства,
в отделения и предприятия «Союзпечати»,
Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий»

Сдано в набор 06.09.91.
Подписано к печати 29.10.91.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага газетная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 14,05.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Тираж 405 000 экз.
(1-й завод: 1—200 000).
Заказ 358.
Цена 80 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»,
620219, г. Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

уральский
ДЕКАБРЬ 1991
СЛЕДОПЫТ 12

Рождество и крещение (Богоявление) — двенадцатые праздники. Первый означает явление Христа в мир, а второй — начало его великой миссии спасения человечества. В календаре праздники разделены одиннадцатью днями, а в жизни Христа между ними пролегли 30 ничем не примечательных лет.

Рождество празднуется 25 декабря по старому стилю, 7 января по новому. Но вот вечный вопрос: родился ли вообще Иисус Христос? Вспомним начало романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», беседу Берлиоза с поэтом Иваном Бездомным. «Берлиоз... хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф».

Эти доводы не Булгаковым выдуманы, а взяты им из нашей научно-атеистической литературы 20—30-х годов. Отрицал реальное существование Христа знаменитый французский писатель-атеист Лео Таксиль в своем «Забавном евангелии». Доводы эрудированного Берлиоза фигурируют в атеистической литературе вплоть до нашего времени. Минус более пятидесяти лет, но почти ни одного нового факта против реальности Иисуса Христа не было выдвинуто! Хороша наука, на полвека застывшая в своем развитии!

Что же служило основанием для отрицания реальности Иисуса Христа? Во-первых, сами евангельские повествования. В них нет ни одной даты, в том числе и даты рождения Иисуса. Два евангельских рассказа о рождестве — Матфея и Луки — кажутся очень противоречивыми, что настойчиво констатируют все критики христианства, а особенно сторонники мифологической школы. Да и в рассказе о крещении есть неувязки, которые довольно трудно объяснить.

Во-вторых, полное или почти полное молчание о Христе римских историков того времени. Упоминание его имени Тацитом считалось позднейшей вставкой или пересказом легендарных сведений. Знаменитый абзац в труде иудейско-римского историка Иосифа Флавия признавался грубой фальшивкой, ибо Флавий писал о Христе как о мессии, распятом и воскресшем, что для правверного иудея было совершенно невозможно. Иудаизм до сих пор ожидает мессию, а мессианство Иисуса категорически отрицает.

С одной стороны, вроде бы все логично: евангелия противоречивы, других свидетельств нет, значит и Христа не было. Но христианство-то существует и не только не собирается умирать, как предвещал «научный атеизм», а даже переживает своего рода возрождение. И что любопытно: реальность Мохаммеда (Магомета) «научная» критика признает, как и реальность Будды — принца Гаутамы Шакья Муни, а вот реальность Христа — основателя религии его имени — категорически нет. Не потому ли, что слишком велико влияние религии на духовную жизнь народа, что в Христе видят противника, с которым очень трудно бороться, и лучше сделать вид, что его вообще не было, а образ его возник как обобщение древних мифов об умирающих и воскресающих богах — Осирисе, Аттисе, Адонисе, Митре и т. п.?

И при этом совершенно не замечают, что ничего общего, кроме смерти и воскресения, между Иисусом и этими богами нет; что Христос действует в реальной исторической, географической, социальной и религиозной среде; что спорит он с исторически достоверными фарисеями; что к смерти его приговорили реальные люди той эпохи: первосвященник Каиафа и римский прокуратор Палестины Понтий Пилат. А самое главное — в евангелиях он предстает отнюдь не как мифологический персонаж, а как реальная живая личность с определенным характером и темпераментом, с громадным обаянием, которое чувствовали простые люди — все эти мытари, рыбаки, плотники.

Что же рассказывают евангелия о рождестве христо-

РОЖДЕСТВО И КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Рисунок Николая Мооса

вом и откуда почерпнули два евангелиста свои сведения о рождении Иисуса? Матфей был апостолом, призванным к служению самим Иисусом. Мытарь (сборщик податей), он воспринял правду Христа и последовал за ним. Возможно, что рассказ о рождении он слышал из уст самого Христа, хотя в Евангелии ничего не говорит об этом. Лука же, по христианскому преданию, был учеником апостола Павла, врачом, образованным человеком, знал мать Иисуса, и предание говорит о том, что он написал ее портрет, который стал прообразом всех изображений Богоматери. Вполне естественно предположить, что рассказ о рождестве он слышал из ее уст. В таком случае оба повествова-

ния достоверны, хотя и не совпадают ни в одной детали. При этом надо иметь в виду, что евангелисты написали свои произведения через много лет после событий, и какие-то подробности их могли забыться.

И Матфей, и Лука говорят о том, что Иисус родился в Вифлееме, граде Давидовом, где и должен был, согласно ветхозаветным пророчествам, родиться Мессия. Только Матфей ничего не говорит о том, как оказались в этом городе Иосиф и Мария. Лука же рассказывает, что они пришли туда для прохождения переписи населения, которую проводил римский проконсул Сирии Квириний — лицо историческое. И здесь-то возникает первая трудность. Дело в том, что, по Матфею, Иисус родился в последние годы правления царя Иудеи Ирода Великого, который умер в марте четвертого года до нашей эры. Квириний же проводил перепись, как утверждали историки, в шестом году нашей эры. Получается разница ровно в десять лет!

Но в Евангелии от Матфея есть одно очень важное указание. Он пишет, что в момент рождения Иисуса на небе вспыхнула новая яркая звезда. И вот еще в начале XVI века знаменитый астроном Иоганн Кеплер, открывший законы движения планет, предположил, что звезда эта — слившиеся воедино диски двух планет Юпитера и Сатурна, а может быть, и Марса. Так бывает в дни соединения этих планет, когда они с точки зрения земного наблюдателя находятся на одной линии. По вычислению Кеплера, такое соединение Юпитера и Сатурна было в 747 г. от основания Рима (в 7-м г. до н. э.), а в следующем, 748 г., к великим планетам присоединился Марс. Вероятно, в один из этих годов и родился Иисус, признанный впоследствии Христом, то есть Мессией, помазанником Божиим.

Но Квириний с его переписью шестого года новой эры — как быть с ним? Недавно были обнаружены надписи из Тиволи и Антиохии Писидийской, которые говорят о том, что Квириний был проконсулом Сирии первый раз за несколько лет до начала новой эры. А известный богослов Ф. В. Фаррар, автор одной из серьезнейших книг об Иисусе Христе, указывает, что переписи в то время проводились в течение нескольких лет. Квириний мог начать перепись во время первого своего проконсульства, а кончить уже в дни второго.

Так согласуются данные двух евангелий.

Итак, Иосиф и беременная Мария оказались в Вифлееме, но «не было им места в гостинице», пишет Лука, и они нашли убежище в пещере, служившей хлевом. Там и родился Иисус.

Матфей повествует о том, что Христа пришли приветствовать волхвы (маги) с Востока. По пути в Вифлеем они зашли в Иерусалим, к царю Ироду, чтобы узнать, где родился Царь Иудейский. Встревоженный этим известием, опасаясь, что его потомки будут лишены власти над Иудеей, Ирод послал в Вифлеем воинов с приказом убить всех младенцев в возрасте до двух лет. И сейчас церковь в своем календаре отмечает день избияния младенцев 29 декабря (11 января).

А Иисус счастливо избежал страшной участи, так как ангел Божий предупредил Иосифа и Марию о гонимом злодеянии, и они бежали в Египет, где и пробыли до смерти Ирода.

До тридцати лет Иисус вел обычный для трудового человека образ жизни. По преданию, он, как и его названный отец Иосиф, был плотником и почти ничем не проявлял своей чудесной силы.

В тридцать лет Иисус почувствовал готовность к своей великой и скорбной миссии. И тогда он пришел к Иордану, где его родственник Иоанн уже совершал водное крещение, предвещая явление Мессии и призывая к покаянию. Иоанн и крестил Иисуса. Вот как об этом повествует Матфей: «...крестившись, Иисус тотчас вышел из воды,— и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се,

глас с небес глаголящий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Вот почему крещение иначе называется Богоявлением: именно в момент крещения глас с небес засвидетельствовал божественную сущность Иисуса.

Все эти события, которыми открывается евангельский рассказ, стали сюжетами многочисленных произведений искусства: живописи, музыки, литературы. Они давали великим художникам возможность выразить сложнейший комплекс чувств: радости, умиления, благоговения. С рождением всегда связаны моления о мире на земле, чувства братства и доброжелательности. Можно только радоваться тому, что в России Рождество вновь стало всенародным праздником.

На Руси весь период от рождества до крещения был временем святок — поклонения предкам, которые, как считалось, в это время незримо присутствуют среди живых, поэтому на праздничном столе для них ставили специальные блюда с любимыми их кушаньями. Правда, почему-то считалось, что больше всего они любят кутью!

Святки начинались в сочельник — ночь перед рождеством. Обычай этой ночи прекрасно описаны Н. В. Гоголем в его знаменитой повести. Здесь передано и народное поверье о том, что в эту ночь черти перед своим возвращением в ад стараются соблазнить и погубить чью-нибудь грешную душу. А девушки колятуют (это было принято не только на Украине, но и в России, да и у всех славянских народов), гадают, пытаются узнать свою судьбу. Каких только гаданий не было! Хоронение золота, окличка прохожих, подслушивание, гадание на вещах, курицах, лошадях... Перечень занял бы целую страницу. Лучше вспомним балладу В. А. Жуковского «Светлана»:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег мололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили.
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

В святках удивительным образом слились древние языческие и христианские обычаи и поверья. Церковь на первых порах пыталась бороться с языческими суевериями, но поняла бесполезность этой борьбы и в конце концов смирилась с ними. Только подслушивание у церковных дверей запрещалось как святотатство. А обряд гадания в бане считался непристойным. Он состоял в том, что девушка ночью одна входила в баню, подходила к печке: если к ней прикоснется мохнатая рука, будет богатый жених, если теплая — добрый, а если холодная — злой.

А в крещенье происходило водосвятие — освящение воды в проруби — и купанье в ней, на которое, правда, тогда решались немногие. Но именно отсюда повелись теперешние «моржи». Освященную воду запасали впрок, так как считалось, что она долго не портится (действительно: в охлажденной зимой воде мало микроорганизмов) и обладает очистительными и целебными свойствами.

Со времен Петра I Новый год, раньше отмечавшийся 1 сентября, приблизился к святкам вплотную, что еще увеличило радостное ожидание счастья и добрых перемен жизни. Древние поверья забылись, а радость осталась. И как хочется, чтобы возродились эти веселые праздники, чтобы по домам ходили озорные ряженые, чтобы дети колядовали и славили Христа, чтобы были ночные гаданья, пусть не серьезные, а шуточные, — ведь нам в нашей трудной и голодной жизни так не хватает источников радости!

Виталий ДОВГОПОЛ,
профессор, заслуженный металлург РСФСР

ЖЕЛЕЗНОЕ ДЕЛО УРАЛА

В 1991 году исполняется 290 лет с момента получения первого чугуна на Урале в 1701 году на Каменском (15 октября) и Невьянском (15 декабря) казенных заводах. По воле Петра I было положено начало большой уральской металлургии.

И поныне — это ведущая отрасль народного хозяйства Урала, где выплавляется около половины стали Российской Федерации. Еще в 1576 году, во времена царствования Ивана Грозного, было разрешено отыскивать на Урале и обрабатывать руду.

Развитие уральской металлургии базировалось на большом количестве месторождений железных руд и обилии лесов для выжигания древесного угля, необходимого при восстановлении железа из руды. Это обеспечило появление в далеком прошлом кустарного «мужицкого» железодобывающего промысла. В сыродутных горнах-домницах получали губчатое железо-крицу. Из нагретой до пластического состояния крицы ковкой выжимали шлак, а крицу использовали для производства железных изделий.

Заводское кричное производство появилось лишь в XVII веке. Это — первый в России казенный Ницинский железодобывающий завод на левом берегу судоходной реки Ница. Завод был к тому же на главной Сибирской дороге из Верхотурья в Тюмень и Тобольск. С Урала было легче доставлять железо в Сибирь, которое ранее с большим трудом и до-

рогой ценой привозилось из западных районов страны. К Ницинскому заводу было приписано 16 крестьянских семей, которые и основали Рудную Слободу. В летнее время завод не работал — крестьяне-рабочие занимались хлебопашеством.

Первый металл Ницинский завод выдал в 1631 году. На этом заводе было 4 домницы, в которых сыродутным способом с применением ручных кожаных мехов производили крицу. Годовое производство сварочного железа составляло не более 45 тонн. Завод просуществовал около полувека.

В 1669 году предприниматель-плавильщик Дмитрий Тумахов построил в верховьях реки Нейвы железодобывающий завод, известный под названием Федковский, который просуществовал около двух десятилетий.

Далматовский монастырь в 1682 году построил на речке Каменке железодобывающий завод, который в 1701 году был взят в казну. В 1700—1701 гг. на Каменке сооружалась плотина и строился Каменский, а на Нейве в 1699—1701 гг. — Невьянский вододействующие доменные и передельные казенные заводы. Невьянский завод в марте 1702 года по указу Петра I был передан тульскому оружейным дел мастеру Никите Демидову, который завез мастеровых людей из Тульской и Московской губерний. Демидовыми в XVIII веке на Урале было построено 28 доменных и передельных заводов из 112 в этот период.

Почти полтора столетия движущей силой заводских механизмов была энергия воды. Заводы сооружались у запруженных рек. Кроме того, многие реки использовались для сплава нужного заводам леса, а также металла и металлических изделий.

В 1702 году введен в действие Уктусский, а в 1704 году Алапаевский доменные и передельные казенные заводы. Всего в первой четверти XVIII века было построено на Урале 15 заводов, в том числе 7 государственных и 8 частновладельческих. В 1725 году на долю Урала от общероссийского производства чугуна приходилось более восьмидесяти процентов.

Бурный рост металлургического производства на Урале вызывался нуждами Северной войны (1700—1721 гг.), когда ввоз шведского железа в Россию был прекращен, а старая металлургическая база в центральной России и в районах Северо-Запада не могла резко увеличить производство металла из-за ограниченности чистых железных руд и леса для углежжения.

Около двухсот лет Урал был основной металлургической базой России. В это время практически все виды вооружений и гражданской продукции в стране производились из уральского металла. Только один Каменский завод во время войны с шведами, с 1702 г. по 1709 г., изготовил 854 орудия и свыше 27 тыс. пудов снарядов, а во время войны с наполеоновской Францией в 1812—1814 гг. поставил русской армии 1415 пушек, единорогов и мортир. Отливка пушек на Каменском заводе была прекращена после ввода в эксплуатацию Пермского пушечного завода (середина 60-х годов XIX века). Невьянский завод в больших количествах изготавливал стрелковое оружие, но — не только это. Здесь в 1735 году была введена в эксплуатацию первая в стране фабрика по производству кос, а 1902 году построена первая в России драга для добычи золота.

За счет Урала Россия с начала тридцатых годов XVIII века занимала первое место в мире по выплавке чугуна и держала это первенство до начала XIX века. В середине XVIII века на долю Урала приходилось около 1/3 мирового производства железа, которое в больших количествах вывозилось за границу. Так, промышленная революция XVIII века в Англии обеспечивалась главным образом уральским металлом. В эти годы уральское железо было важнейшей статьёй русского экспорта, уральская металлургия была самой передовой в мире. В 1800 году средняя производительность уральской доменной печи со-

ставляла около 90 тыс. пудов, а английской — 65 тыс. пудов. В 1740 году на Невьянском заводе была построена самая крупная в мире доменная печь, и в 1743 году впервые в мире было применено прогрессивное для того времени двух-фурменное дутье, что значительно повышало производительность доменных печей.

Уральское железо под маркой «Старый соболь» было известно всему миру. Оно было таким «мягким» и «добрым», что его сравнивали с мехом соболя.

В решении съезда горнопромышленников Урала в конце XIX века отмечалось, что в течение двухсот лет вся Россия пахала и жала, ковала, копала и рубила железом Урала. Она носила на груди кресты из уральской меди, ездил на уральских осях, стреляла из ружей уральской стали, пекла блины на уральских сковородках, брэнчала уральскими пятаками в кармане. Урал удовлетворял потребности всего русского народа, изготовляя продукцию применительно к его надобностям и вкусу. И, можно добавить, оснащал армию и флот оружием.

И далее горнопромышленники сетовали: «...И за эту его вековую службу он был в один прекрасный день забыт и заброшен».

Да, развитие капитализма обеспечило быстрый рост металлургического производства на юге России, где в конце XIX века сложились более благоприятные условия для развития черной металлургии, и он обогнал Урал — по выплавке чугуна. На долю Урала приходилось в 1890 году — 32,1, а в 1913 году — 21,7 процента от общероссийского производства чугуна.

Более 250 лет добывают железную руду на месторождениях горы Высокой и горы Благодать, а теперь уже четверть века ведется разработка горы Качканар, где имеются мно-

гомиллиардные запасы титаномагнетитовых ванадийсодержащих руд, разрабатываются и другие, менее значительные месторождения, но всего этого не хватает, и около 15 млн. тонн руды ежегодно завозится с Курской магнитной аномалии и даже с Кольского полуострова.

Уже в начале Великой Отечественной войны, когда южная металлургия оказалась на оккупированной территории, а металлургия центра находилась в прифронтовой полосе, вся тяжесть обеспечения металлом военной индустрии и всего народного хозяйства легла на предприятия Урала и Сибири. Весьма трудное положение с обеспечением металлом сложилось в конце первого года войны. На долю Урала приходилось, в сравнении с союзным производством, чугуна — 62, стали — около 50 и проката — более 50 процентов. За счет пуска оборудования, эвакуированного с юга и из центра страны, а также строительства новых объектов вторая угольно-металлургическая база окрепла и превратилась в могучую силу, сыгравшую большую роль в военной и экономической победе советского народа над фашистской Германией и ее сателлитами.

Через два года «молниеносной» войны один фашистский печатный орган писал: «Нам кажется чудом, что из необъятных советских степей встают все новые массы людей и техники, как будто какой-то великий волшебник лепит из уральской глины в любом количестве большевистских людей и технику». Да, такое «чудо» стало возможным благодаря народу, ставшему на защиту своего Отечества, самоотверженному труду металлургов и других труженников Урала, которые не из глины, а из добротной уральской стали изготовляли для фронта военную технику во все возрастающем количестве. В годы Великой Отечественной войны Урал давал около 60 % производства черных металлов и до 40 %

продукции военной промышленности всей страны. Все средства борьбы с врагом, начиная от саперной лопаты и кончая танками, орудиями и снарядами, изготовлялись преимущественно из металла, выплавленного на уральских и сибирских заводах. Так, каждый второй снаряд был сделан из уральской стали, две трети артиллерийских орудий и танков выпущены на Урале и одеты в уральскую броню.

В послевоенные годы продолжался рост металлургического производства на Урале. Были построены новые предприятия: Орско-Халиловский металлургический комбинат (ОХМК), Серовский ферросплавный завод и на базе Северского металлургического завода — Северский трубный завод. Вводились новые, увеличивались существующие мощности на действующих предприятиях, велась их реконструкция, создавались и внедрялись передовые технологии.

В 1990 году на Урале произведено: чугуна — 27, стали — 43, готового проката — 30 млн. тонн. На долю Урала приходится более одной четвертой части союзного производства черных металлов. И такое соотношение сохранится на далекую перспективу. Нужно уделить большое внимание использованию новых безотходных технологий; утилизации всех отходов производства, защите природы, механизации и автоматизации технологических процессов, повышению качества металла, что равнозначно наращиванию новых производственных мощностей.

Отмечая 290-летие выплавки первого чугуна на Урале, нужно помнить, что уральская металлургия имеет большие заслуги перед нашей Родиной. Она — гордость нашего Отечества.

Рисунок
Сергея Григорькина

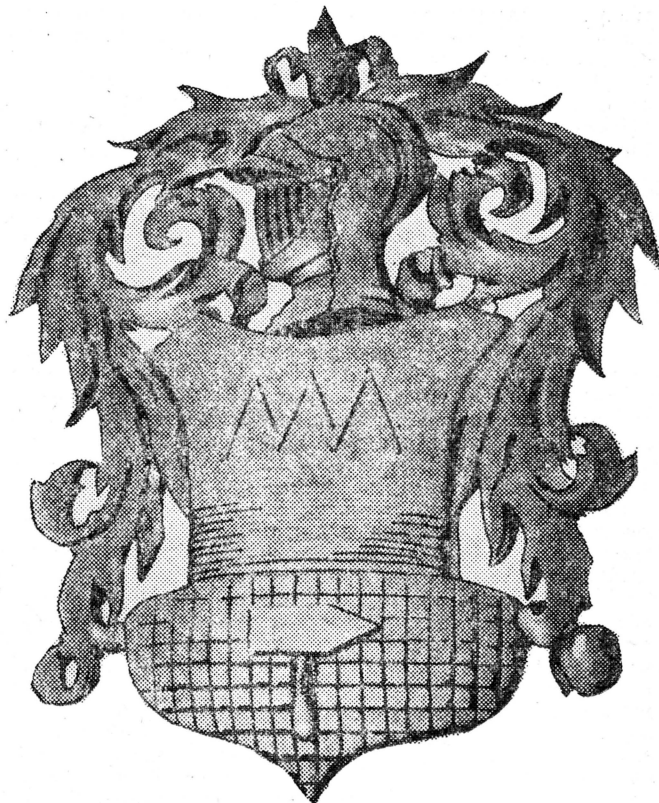

ДОЛЯ НАСЛЕДСТВА. Детство и отрочество Прокопий Акинфиевич Демидов провел в семье отца на Урале, в фамильной вотчине близ Соликамска. Он, как и два его брата, не получил систематического образования. Путешествуя по заводам Урала и Алтая, приобрел деловые навыки и любовь к природе. Посланный отцом в Москву обучаться нужным наукам и освоиться в кругах «золотой молодежи», Прокопий не захотел возвращаться к делам. Проводил время в праздности, был скор на попойки и дикие выходки на потеху всей Москве. Когда по завещанию отца соликамская вотчина отошла к Григорию, Прокопий покинул Урал и до 1748 года жил в Туле, занимаясь цветоводством. Затем поселился в Москве. И здесь он много времени посвящал естествознанию и цветоводству, но это не мешало ему заниматься коммерческими государственными делами.

По наследству Прокопию Акинфиевичу досталась Невьянская часть, куда вошли пять уральских железных заводов: Невьянский, Быньговский, Шуралинский, Верхнетагильский и Шайтанский, три завода на Волге и пристань на Урале. В вотчинах, перешедших к нему, состояло 3845 душ крестьян мужского пола, 79 приказчиков и служителей. Ему досталось шесть домов — в Казани, Чебоксарах, Ярославле, Кунгуре и Тюмени.

Владея огромными богатствами, Прокопий мало занимался заводами, которые и помимо его вмешательства приносили огромный доход. Этот барин был более известен чудачествами и совсем не походил на своих энер-

**Николай
МЕЗЕНИН**

ЧУДАК И МЕЦЕНАТ

гичных предков — деда Никиту и жестокого отца Акинфия. Он вел праздную жизнь в столицах, разъезжал по Европе и ни разу не удосужился побывать на своих заводах. Когда Берг-коллегия обратилась к заводчикам с запросом, не имеют ли их заводы «каких тягостей», то ответ Прокопия Демидова занял всего полстранички: «В тамошних заводах,— писал он,— быть мне не случилось и затем, какие оные заводы имеют тягости, и какое к тому вспомоществование потребно — ныне я показать не могу».

НЕВЬЯНСКОЕ ЗОЛОТО. В 1763 году стало известно о невянском золоте. К приехавшему в Невьянск князю А. А. Вяземскому явились приписанные к заводу крестьяне Савва Третьяков и Семен Сивков и предъявили «приисканные ими в одном месте рудные каменья, похожие на золотую руду». Находка представляла государственный интерес, и Вяземский около десяти фунтов этой руды увез в Петербург. По указанию из столицы Горная канцелярия вызвала рудоискателей в Екатеринбург и сняла с них допрос. Копию допроса сразу же тайно переслали Прокопию Демидову.

Для разведки золота Горная канцелярия послала в Невьянск поисковую команду во главе с бергаузёром Павлом Зыряновым. Но путь поисковикам преградили Демидовы. На городской площади около церкви их встретил сын заводчика Акакий Прокопьевич со своими людьми. После расспросов о причине их появления он приказал объявителей золотосодержащих руд «бить немилостиво». Разведка месторождения была сорвана. После рапорта Зыря-

нова о «разбойном нападении» Горная канцелярия направила Демидову «настрожайший Ея Императорского Величества Указ» и потребовала объяснения, но П. А. Демидов попросту игнорировал этот «настрожайший» указ.

Вместе с тем озлобленный вмешательством верховной власти, Прокопий Демидов поспешил продать свои уральские заводы купцу Савве Яковлеву за восемьсот тысяч рублей. Новому владельцу передавались не только заводы, но и готовая продукция, которую покупатель принимал с уступкой по 20 коп. с рубля. Наличные деньги, имевшиеся в заводских конторах, оставались за Демидовым.

Сделка состоялась в 1769 году и была для Демидова выгодной. Общая стоимость всех проданных заводов достигла к 1768 году 177 тыс. руб., а проданы они были Яковлеву с землей, лесами, рудными богатствами и людьми за 800 тыс., т. е. в 4,5 раза дороже.

Отобрание в казну алтайских заводов и продажа Яковлеву Невьянской части наследства явились наиболее крупными потерями демидовской собственности в XVIII веке. Позже Демидовы, если возникала такая надобность, продавали заводы родственникам, стараясь не выпускать недвижимости из круга своей семьи, столь сильно разросшейся.

ЧУДАЧЕСТВА БОГАЧА. Заводчики Демидовы оставались предпринимателями-крепостниками, продолжали строить заводы, покупать вотчины и угнетать крепостных. Но у династии появляются и новые черты: Демидовы стремятся войти в состав знати, «одворяниться», среди них по-

являются типичные для той эпохи расточители, тратившие огромные средства на празднества, дворцы, сады и великолепную обстановку.

Особенно прославился богатством и чудачествами Прокопий Акинфиевич Демидов. Его дом в Москве на Басманной улице был обит снаружи железом для безопасности от пожаров. Внутренняя отделка дома соответствовала колоссальным богатствам хозяина. Ослепляла масса золота, серебра и самородных камней. На стенах, обитых штофом и бархатом, красовались редкие картины. Зеркальные окна и лестницы были уставлены заморскими растениями. Мебель из пальмового, черного и розового дерева поражала своей тончайшей, как кружево, резьбой. Дом был набит коллекциями, книгами, картинами и мраморами.

Прокопий умел при случае надевать различные личности. В Петербурге он слыл просвещенным меценатом, в Москве — набожным благотворителем. За морем, в земле английской, в нем видели опытного и предприимчивого промышленника. По всему миру ходили слухи о его чудачествах. Раз выехал на чистокровных рысаках, а упряжь на них веревочная, как у последнего мужика. Кучер же одет в парчу пополам с дерюгой. В 1778 году устроил в Петербурге народный праздник, где вино и яства были в таком изобилии, что от беспорядочного пьянства умерло и погибло до полутысячи человек.

В другой раз Прокопий скупил в столице всю пеньку — хотел проучить англичан, которые не оказали ему должного уважения, когда он ездил за товаром — не пожелали сбавить цены. Заморские покупатели прождали до конца года, но Прокопий предпочел пеньку сгноить. Он мог заключить нелепое пари за баснословные деньги. Например, предлагал тысячу рублей тому, кто пролежит в его доме в постели целый год. Или выписал из Европы очки для своих кучеров, форейторов, слуг. И вот вся челядь в очках выезжала на московское гулянье. Хозяин ехал в ярко-оранжевой колыхае, запряженной цугом, состоящим из двух маленьких лошадок в корне, двух огромных в середине и двух крошечных сзади. Горд был Демидов-внук, самолюбив и богат.

Близкий ко двору Екатерины II и коротко знакомый со многими вельможами, Прокопий Демидов охотно снабжал своих приятелей значительными суммами. В Турецкую войну 1768—1774 годов он ссудил русскому правительству на военные нужды 4 млн. руб. В письме из Амстердама писал Екатерине II о планах коммерческой конторы по обмену русской валюты на иностранную, доказывая финансовую ее выгоду. По возвращении из чужих краев Демидов подал правительству мысль о заведении в России ссудной кассы и содействовал своими капиталами осуществлению этой затеи. Екатерина II в знак особой признательности, в основном за его пожертвования, произвела Прокопия, не имевшего никакого чина, прямо в действительные статские советники.

МЕЦЕНАТ И ЖЕРТВОВАТЕЛЬ. В 1740 году по ручению и на средства П. А. Демидова казак Кирша Данилов собрал «Древние русские стихотворения». Первый сборник русских былин был записан на горнозаводском Урале. Оригиналом записей владел Прокопий Акинфиевич. Он известен как один из самых видных общественных благотворителей. На его 1 млн. 107 тыс. руб. было возведено крупнейшее общественное здание того времени — Воспитательный дом в Москве на набережной реки близ Кремля. Особенно содействовал он просвещению в стране. Современники говорили, что Демидовы осыпали золотом юный Московский университет. По распоряжению тогдашнего министра просвещения графа Разумовского в 1822 году имена братьев Прокопия, Никиты и Григория Демидовых были начертаны золотыми буквами на первой доске, вывешенной в университете. На открытие народных училищ Прокопий пожертвовал 100 тыс. руб.

Демидову было уже за шестьдесят, когда он дал чет-

верть миллиона, чтобы на этот капитал завести в Москве первое в Европе Коммерческое училище. Планы строились большие: обучать учеников иностранным языкам, арифметике, бухгалтерии, географии, коммерческой корреспонденции. Были приглашены воспитатели, преимущественно иностранцы, обучавшие европейскому обхождению — на случай, если их воспитанникам придется торговать в Европе. Одно не учли: учеников в Москве было мало. Приходилось набирать в Петербурге и партиями отсылать в Москву. Лишь император Павел I нашел простое решение: приказал перевести Коммерческое училище в Петербург, где и ученики под рукой, и надзирать удобнее. Ушел в столицу и демидовский капитал. Однако в разгар ново-

введенный Александра I московское купечество на свои средства возобновило Коммерческое училище, которое получило те же права, что и петербургское. К тому времени Прокопий Акинфиевич уже скончался.

Но тот же Демидов известен и печальными примерами, так сказать, антимеценатства. В 1775 году ему задалжал две тысячи рублей первый русский драматург и поэт А. П. Сумароков. Демидов повелел описать дом поэта. Чиновники, чтобы унижить писателя, здание, стоившее 16 тыс. руб., оценили в 901 руб. 16 коп., за какую сумму его и продали. Возможно, на поведение верноподданного вельможи повлиял тот факт, что у Сумарокова произошел конфликт с московским главнокомандующим П. С. Салтыковым. Императрица Екатерина II приняла сторону Салтыкова, а Сумароков ответил издевательским письмом. Все это осложнило его общественное положение.

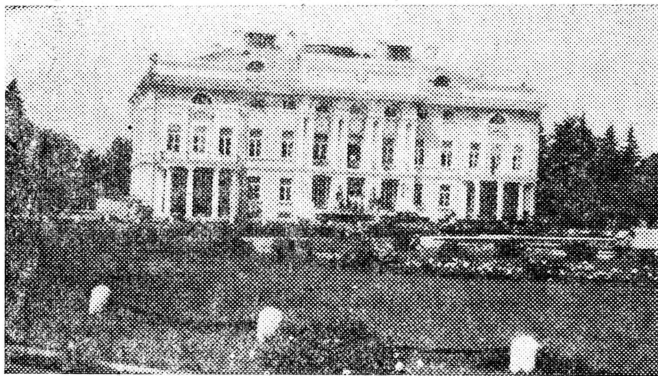
Поэт от людской подлости, как он сам говорил, «упал духом и запыл». Вскоре он умер в страшной нищете.

Известно барское, пренебрежительное отношение Демидова к зодчему В. И. Баженову, которому было передано проектирование нового здания Московского университета. Интриги Демидова, пожертвовавшего значительные суммы на постройку, помешали архитектору выполнить задуманное.

ХАРАКТЕР. Д. Г. Левицкий — великолепный мастер парадного портрета — оставил произведения, отличающиеся большими композиционными и живописными достоинствами. К ним относятся и портрет П. А. Демидова, хранящийся в Третьяковской галерее.

Прокопий Акинфиевич изображен не в парике, а в домашнем халате и колпаке, без звезд, орденов и лент. На столе видим вещи, показывающие нам Демидова-садовода. Тут и ученый груд по ботанике, и луковицы редкого растения, и огородная лейка... Выразительно лицо Прокопия, человека, чей незаурядный ум и широта натуры сочетались с ничем не прикрытым самодурством.

В нем причудливо переплетались крайности. Он без-

застенчиво злоупотреблял той властью, которую давало ему баснословное богатство, и позволял себе всякие издевательства над зависимыми от него людьми. Но от других Демидовых его отличала приверженность передовым просветительским взглядам своего времени.

Расходуя миллионы на украшение своего роскошного жилища, он в то же время призывал свою дочь к скромности и умеренности. «Не будь спесива, мамонолюбива и жадна,— писал он ей,— вместо роскоши помогай недостаточным». В это же время в адрес приказчиков шли тирады такого рода: «Вы, архибестии, смелотчаянные, двуголовые и сущие клятвopеступники и ослушники... за все генеральные дурности и неправды... такие уже вам плети достанутся».

Своими выходками Прокопий Демидов явно старался бросить вызов окружающему его обществу и высмеять пороки русского дворянства, которым и сам был подвержен. Быть может, единственной и неизменной его любовью была любовь к природе. Он занимался изучением жизни пчел, о которых оставил специальные сочинения. В течение 20 лет собрал замечательный гербарий, переданный позже Московскому университету.

НЕСКУЧНЫЙ САД. В течение ряда лет П. А. Демидов приобретал землю у нескольких московских владельцев. К этим владениям был куплен двор с домом Ф. И. Соймонова, известного навигатора и картографа. Сохранилась «челобитная» дворянина П. А. Демидова, жены его Матрены Антиповой от 10 апреля 1756 года о том, что они хотят построить «каменные палаты». Имеется и резолюция: «Дозволяется строиться согласно приложенному плану архитектора Яковлева».

Теперь этот демидовский Нескучный дворец, декорированный белым мячковским известняком,— памятник архитектуры середины XVIII века.

При жизни владельца он был заставлен тысячами клеток с пернатыми. Любопытна чудеса сюда ездила вся московская знать. Бывали живописцы, литераторы, государственные деятели, ученые мужи. После смерти владельца дворец принадлежал графам Орловым. Потом здание вместе с угодьями купил Николай I и поселил в нем супругу Александру Федоровну. После революции уникальный памятник истории превратили в музей. Люди приходили сюда, чтобы познакомиться с богатейшими коллекциями изысканной мебели. Говорят, здешняя мебель подказала Ильфу и Петрову сюжет «Двенадцати стульев». В 1934 году в здании разместился Президиум АН СССР. После многих лет долготерпения пришел, наконец, срок переезда штаба советской науки в новое здание. А в Нескучном дворце, расположенном на Ленинском проспекте столицы, решено разместить Центр гуманитарных знаний. Над его концепцией сейчас работает специально созданная группа, в которую вошли ведущие ученые-гуманитарии.

В бытность Прокопия Демидова усадьба Нескучного дворца славилась знаменитым ботаническим садом. Прокопий, увлекаясь коллекционированием экзотических растений, после смерти брата Григория перевез в Москву наиболее редкие растения из его уральской коллекции.

Доступ в сад был открыт для всех. Популярность ему прибавляли эксцентрические выдумки хозяина. Однажды вместо гипсовых копий римских статуй он расставил на клумбах вымазанных мелом мужиков, которые окликались всех, кто осмеливался сорвать цветок. Слух о живых статуях взбудоражил Москву, в сад валом повалил народ. Тогда-то и возникло название — Нескучный сад.

В саду Демидова ежегодно составлялись «травники» (гербарии), куда входили многочисленные растения его сада. Травниками снабжались «охотники и любители ботаники». Каталог сада в 1781 году составил академик Паллас. Он упоминает пять террас, спускавшихся к реке, и восемь оранжерей, на них расположенных. Эти оранжереи были предназначены не только для «сочных растений и дерев из теплых стран», но и специально для «рощения семян» и тянулись на целых полверсты.

После смерти П. А. Демидова ботанический сад в Москве постепенно пришел в запустение. Прямые наследники, сыновья, садом не интересовались. Исполняя волю покойного, его вдова обратилась к Екатерине II с просьбой передать сад в ведение Московского университета, но получила отказ. Новые владельцы имени также не обращали внимания на сад, и как ботанический он погиб. Только часть редких растений из него пересадили в университетский сад.

В 1920-х годах краеведы Л. П. Александров и В. Л. Некрасов писали: «Лучше всего была бы восстановлена память о первом ботаническом саде России... если бы Нескучный сад, украшенный памятниками Демидову и Палласу, был обращен в большой ботанический сад... и служил целям просвещения, знакомя с разнообразной флорой России».

Прошла долгая жизнь богача и мецената. От первой жены он имел трех сыновей: Акакия, Льва и Аммоса, от второго брака — четырех дочерей. Недовольный своими сыновьями, воспитывавшимися в Гамбурге, отец держал их почти в нищете. Только по приказу Екатерины II, которой стало известно положение сыновей миллионера, он вынужден был обеспечить каждого из них тысячу крепостных душ крестьян. Несмотря на то, что Прокопий Акинфиевич жил далеко не экономно и мало вникал в хозяйственные дела, он все-таки оставил детям значительный капитал, превышающий три миллиона рублей.

На снимках: герб Демидовых; портрет П. А. Демидова кисти Д. Г. Левицкого; Нескучный дворец.

Николай
ШАМСУТДИНОВ

ТРЕТЬЯКОВ

I
С голубизной крошечной споря,
Распадным золотом горят
Тяжелоконные зори
В студеных недрах декабря.
Дневные тени тяжелеют,
И в назревающей ночи
Смиренно, вздох тая, белеют
Берестяные люльки...

Чьи? —

В них спят без просыпа годами —
В брожении шишиг лесных,
Качаются под облаками
Останки кладбищ родовых.
Столетиями торили предки
Дорогу в хмурую тайгу.
Поныне дряхлые запреты
Путь к их погостам стерегут.
В тяжелых чашах, где замшелы
Законы хвойной тишины,
На жизнь пришельца самострелы
Ревниво настроены.
Будь осторожен! — в чаще мгlistой
Опасность дремлет, и едва
Заденешь жилку — смерть —

со свистом —

Метнет из мрака тетива.
Но и предание сомлело,
И, встарь прессованный в слова,
Страх истлевает, как истлела
Всевидающая тетива.
И — пришлый люд обрел свободу.
Да разве — велики дела... —
Страшна стальному вездеходу —
Реликт романтики! — стрела?
Болото из-под траков хлещет —
В миру зверей, дерев и трав
Он гусеницами скрежещет,
В небытие осинник вмяя.

II

Мягко теплится вздох коровы,
Дом покоем объят. Заплот...
В тесном погребке Третьякова
Влит сохатый в матерый лед.
И картошка дородней брюквы,
На боку — так грузна! — лежит,
Лупоглаза, таращится клюква
Из кадушки...
Он крепко шит
И удачлив, хозяин. Скука
Не гостила в его дому.
Что хвороба ему? — а ну-ка,
Одолей его!
Ко всему,
Он, несейтой душой продрогнув,
Просквозил вездеходом лес
И нащупал в тайге дорогу
К тайным капищам: алчный блеск
Темный взор застеклил — мерцая,

Словно бы забирая в плеч,
Искушением отливая,
Чернобурки текли со стен.
Цепко соболь слепил, развернут,
Как порочный цветок, топя
Руки в мягком тепле, продернут
Через душу.

Уйдя в себя,
Иливая мерцаньем льдистым,
Словно вмяты в глубокий сон, —
В золотом забытьи — мониста
Еще царских рублей... И он
Рвал руками, как рвет зубами,
Задыхаясь... (Морозец жег).
И счастливо тучнел мехами,
Сытым звоном давая, мешок.
Возвращался назад — с добычей!
Промелькнули подлесок, гать.
Суть прогоркла — дремучь обычной
Навалиться, урвать, отнять,
Хоть и с кровью!

А за спиной,
В тесном кузове, невесом,
Мертвый в малице — под луною
Восковым голубел лицом.
А машина тайгу месила,
Мертвой силою налита, —
И ломало то го, и било
С скрежещущие борта.
У шоссе, где столбик дремлет,
Третьяков, круто сбросив газ,
Спрыгнул с гусеницы на землю
Борт откинул и грубо — «Ща-ас...» —
Подхватил страшный груз и ловко
Наземь выволол, прислонил
Поямо к столбику и веревкой,
Чтоб не шлепнулся, прихватил,
Влез в кабину... Блеснули траки
Под луной, как клыки собаки...
Грохот дизеля. Чадный зной.
И растаял мертвец во мраке
С голосующею рукой.
Фары полночь вспорили... Грузно
У фигурки, качнувшись, встал
Жаром пышущий, крутопузый,
В темной копоти, самосвал.
И шофер, торопя — «Живее!» —
Брякнул дверцей, но увидал
В лунном мороке, цепenea,
Этот мертвый, слепой оскал.
И рванул иступленно дверцу,
Мутно путаясь в рычагах, —
Так зашлось заполошно сердце,
Что багровая тьма в глазах...
И — умчался.

А фары снова
Прошивали лесную ночь,
Прожигая мрак. И любого
Ужас гнал, изнурая, прочь.
И мертвец в спину им смеялся,
Восковым голубел лицом...
И наутро гудела трасса,
Небылицы плода, о нем.
В них — запальчивых, грубых,
вздорных —

Меньше яви, да больше слов.
Но, усмешкой лицо задержав,
Чем-то мучился Третьяков.
Отмахавши ночную смену,
Он в раздумиях увязал,
Ибо знал этим слухам цену,
И себе — тоже цену знал.
...Вновь разматывала дорога
Свой грохочущий свиток, и все ж
Дрогла в темных глазах тревога,

И в руках просыпалась дрожь.
Чтоб отхлынуло, отпустило,
Он присел у смурной воды.
Но — отчаянней — боль скулила,
Не предчувствие ли беды?
И вот тут-то под вечер в раму
Тихо стукнули — опала,
В сердце торкнулась телеграмма:
«...папа умер... сынок...»
Земля —
Во смятенной траве — рванулась,
Запрокинувшись, из-под ног,
И багровая тьма сомкнулась
Над душой —

«...приезжай...

сынок...»

...Потянуло с болот — зимою,
И, оплавленно забытьем,
Не отцово лицо — чужое
Нарывало испугом в нем.
И ползли, пламенея, траки
На промозглый оскал — с лица
Голосующего во мраке
Оскверненного мертвеца.
В изнуряющей круговерти
Он прошел, Третьяков, огнем
По кольцу бытия и смерти,
Разомкнувшемуся на нем.
Воспаленную память мучил,
Но не выполз из забытья,
Обревевшее созвучье
Воллощая —

«СУДЬБА — СУДЬЯ».

Пусть жестоко, но в наказанье,
Вмят морщинами страшный след
Позатмившегося сознания,
Горько вписываясь в сюжет.

III

Река струится, мысли вороша:
...высокий дом... заплот...

скамья... старуха...

Что ищет в них смятенная душа —
До полного изнеможенья духа?
Прозрачный день обманут в

листопад,

Напоена заря медовой ленью.
И листья, обжигающие взгляд,
Неслышно опадают в размышленья.
Что, горькая старуха, жизнь твоя?
Юдоль

какую выбрала дорогу?

Не уходя за грань небытия,
Ты все молитвы обращаешь к Богу...
Здесь в обиход щемящий включены
Твои молитвы, слезы — все едино.
И кажется, вокруг растворены
Последний вздох,

последний возглас —

сына.

Судьба набрякла болью, и едва ль
Поймешь ее, если судить поспешно.
И лето на излете, там, где даль
За холмиком согбенным безутешна.
И эти дни неслышно облетят...
Старуха, что же все-таки страшнее,
Чем пережить, творя помин, дитя
И дни влачить, душою цепenea?
Воспоминаний призрачны права...
На холмике, превозмогая тленья,
Давно себя осмыслила трава,
Покальвая память, продолженьем
Его — не претворенных в благо —

сил,

Которые распад не загасил...

Пасмурным сентябрьским утром я шагал от станции метро «Лубянка» (бывшая «Площадь Дзержинского») мимо постаментов, на котором вместо железного Феликса как-то понуро свисал трехцветный флаг, в сторону Сверчка переулочка, в посольство республики Афганистан. Брел медленно, припадая на правую ногу. Путь по улице Кирова, Кривоколенному и Армянскому переулочкам был неблизким, а тут еще боль в колене... Но какой пустячкой была эта боль по сравнению с той, что захлестнула меня буквально с головой, выплеснувшись из сотен писем, переданных мне редакцией...

«Потеряв всякую надежду на чью-либо помощь, вдруг в июльском номере журнала «Уральский следопыт» прочитала статью «Я вычислил день своей смерти...» Я знаю, Сидик, что Вы очень заняты, и все-таки осмелилась обратиться к Вам с просьбой о помощи. Дело в том, что 14 марта 1990 г. около 17.30 мы с сыном, вернувшись с работы, встретились в своем дворе. Я пошла проводить старенькую маму, а когда минут через 40 возвратилась, сын был уже мертв. Скончался мой ребенок от острой, полной потери крови. Его, видимо, кто-то поджидал: зашел, вонзил нож, порезав бедренную аорту у моей кровинушки, закрыл дверь... Дорогой Сидик! Жизнь моя, и без того безрадостная и безнадежная, с тех пор превратилась в ад крошечный. Не хочу ходить на работу, не хочу никого видеть, не хочу ни с кем разговаривать. Не хочу жить на свете! Единственное место, куда постоянно тянет, — кладбище... Господи, за что такое наказание? Моего отца убили фашисты во время войны. Кто убил моего сына в мирное время, в «гуманной» стране? Слепну от слез. Моя мама (бабушка Алеши) отгоревала, 29 мая умерла. Три года назад я похоронила мужа. Видя мои страдания, знакомые и друзья говорят, что занимаюсь самоубийством... Помогите, если сможете! Поверьте, это не жажда крови. Я помню заповедь «Будь милосерден» и все могла бы простить, но не убийство ребенка. Пусть наступит возмездие! Помогите мне ради Христа! Да сохранит и благословит Бог Вас, Вашего сына и жену Вашу. С искренним уважением и надеждой на помощь Альбина Алексеевна В., г. Орск».

И если бы письмо подобного содержания было единственным. В памяти настойчиво встают и другие призывы отчаявшихся людей. «Меня постигло огромное горе: 7 июля 1991 г. в Ленинграде зверски убита моя единственная 20-летняя дочь — студентка 3 курса Технологического института. Вместе с ней лишены возможности жить я и моя престарелая мама. Девочка была единственной отрадой и целью в наших жизнях. Наши ее через 18 суток после убийства, улики следственные органы не обнаружили. Чтобы спасти еще чьих-то дочерей, найти убийцу-маньяка необходимо. Люди добрые, помогите мне выполнить долг матери перед памятью дочери, помогите связаться с Мохаммадом Сидиком!» Зоя Васильевна К., г. Брест. И Михаил Васильевич А. из г. Березники Пермской области надеется с помощью Сидика выяснить истинные обстоятельства гибели своего сына — студента-первокурсника. Хотя автор письма по образованию юрист, сотрудник правоохранительных органов, но в перспективе милицейского дознания верит не очень. Вот и хотел бы послать математику исходные данные убитого сына и двух подозреваемых, доказательства против которых, увы, нет.

Думаю, что ученый не откажется бы провести соответствующие расчеты, хотя призывов о помощи множество.

«Просим, чтобы Сидик помог в нашем горе. 11 июня 1991 года ушла из дома и не вернулась наша племянница Аня Ягупова. Ей 14 лет, она сдавала экзамены за 9-й класс. Где-то около часа дня она вышла из дома, и больше ее никто с тех пор не видел. Помогите найти Аню!» Надежда Михайловна К., г. Златоуст Челябинской области. «Помогите найти сына, пропавшего 20 октября 1990 года», — взывает Н. М. Иванова из г. Белореченска Краснодарского края». «Установите, жив ли мой муж, уехавший на станцию техобслуживания 29 мая», — закликает Роза Яковлевна Е. из Кабардино-Балкарии.

Помощь Сидика нужна и О. Н. Зубовой из Кургана — нужно рассчитать, виноват ли ее муж в том тяжком преступлении, за которое отбывает наказание. С аналогичной просьбой обращается и Наталья Ивановна Р. из Рудного, муж которой уже отсидел 8 лет, но за свое ли преступление? Анна Григорьевна К. из Экибастуза Павлодарской области хотела бы разобраться в обстоятельствах гибели своего мужа.

Поскольку при опознании останков многие приметы не совпали, она надеется, что муж жив. Асю Михайловну Х. из Новокузнецка тревожит судьба ее сына, а еще она просит ученого выяснить, превысил ли ее бывший муж пределы необходимой обороны или же совершил преступление с умыслом. В. И. Терентьеву из Старого Оскола Белгородской области мучит вопрос: сколько было суждено жить ее сыну Сергею, трагически погибшему в июне текущего года, и нет ли в этом вины его товарищей по работе? А вот Валентина Генриховна Ш. из Барнаула хотела бы с помощью Сидика установить человека, который украл у ее невестки 500 рублей, полученных на детей-близнецов...

За всеми письмами — людские судьбы, оказавшиеся на изломе. «Никогда я не обращалась ни в одну редакцию, а сейчас заставила острая необходимость», — пишет Ирина Юрьевна С. из г. Балаково Саратовской области. — Я вас умо-

ляю передать Мохаммаду Сидику мое письмо. У меня нет другого выхода: моему ребенку предстоят две операции с промежутком в 6 месяцев. Сыну около 2-х лет, есть надежда, что все в организме восстановится естественно, но врачи настаивают на операциях. Вы для нас та единственная соломинка, за которую хватается утопающий... Сидик, умоляю Вас, посчитайте, сможет ли у Данилки все само восстановиться? Могу ли я надеяться, что мой сынишка не будет неполноценным, если я не дам разрешения на операции? Вы — человек от Бога — помогите простым людям!» С похожей просьбой относительно дочери, которой предстоит операция на сердце, обратилась Лариса Павловна Ф. из Бийска...

Горе людское неизмеримо, а причины его так разнообразны. «Уважаемая редакция! Понимаю, что таких писем, как мое, будет много, но ничего не могу с собой поделаться. Да, я из тех, кто хочет знать свою судьбу, правда, не из праздного любопытства. Я устала от боли, сопутствующей мне уже много лет, устала надеяться и верить. Несколько лет назад (не помню точно, годы боли всегда кажутся длиннее), когда мне было лет 10, открылась рана на ноге. А потом вынесли приговор: «Неизлечимо». И в 18 лет я — инвалид. Четыре стены, костыли... Так было и так будет! С этим нашла силы смириться, но, видимо, не до конца. Хочу знать свою судьбу, чтобы или надеяться на лучшее, или убить надежду. Это жестоко по отношению к себе, я знаю, но это нужно, чтобы жить... Да хранят Вас, Сидик,

Евгений ИЩЕНКО

СИДИК
НУЖЕН
ВСЕМ

вечные звезды!» Марина К., пос. Вычегодский Архангельской области.

«Я не являюсь подписчицей журнала, потому вдвойне благодарна судьбе за то, что она предоставила мне возможность познакомиться с публикацией о Сидике Афгане, — сообщает Зоя Александровна А. из г. Степногорска Целиноградской области. — Спасибо за встречу с космическим человеком, за понятный язык нового видения мира, человека будущего. Жду отчета о новых встречах с Сидиком... Прошу принять участие в моей судьбе. С детства признана безнадежным инвалидом из-за атрофии скелетных мышц, хотя родилась нормальным ребенком. К своим физическим страданиям я привыкла, но очень тяжело видеть мучения папы со мной — без посторонней помощи жить не могу: если меня поставят, то я немного постою. Папе 67 лет, и все реже нам помогает наш оптимизм. Сохраняю надежду на исцеление. Прошу Сидика определить причину моей болезни и найти доктора, который бы меня вылечил»...

Жительница Саратовской области поддерживает Сидика в том, что человек должен знать свою судьбу и отпущенный ему срок. «Пусть даже светлых моментов будет не так много, но ведь и внезапности «черных» дней не станет, они не вызовут такого отчаяния», — пишет она М. С. Афгану. Сообщают ему и о более сложных ситуациях. Лидия Васильевна К. из Усть-Каменогорска пишет, что население города стало заложником бериллиевого производства, что их травил и травят свинцом, титаном, мышьяком и другими тяжелыми и легкими металлами. Какова судьба местных ребятишек? «У нас в городе беда, — вторит ей Зинаида Константиновна Ф. из Братска. — Дети Падунского района начали лысеть, уже зафиксировано 80 случаев, а врачи не знают, от чего, от каких-то вредных газов или воды. Если бы Вы посчитали, составили прогноз для города... Помните, если когда-нибудь Вам нужна будет помощь «маленьких» людей, смело на нее надейтесь. Они не отвернутся и всегда придут на помощь». «Вам не приходилось рассчитывать любовь? — спрашивает Е. В. Дульская у Сидика и переходит к более животрепещущим проблемам: — Мы живем на Сахалине. Жизнь на острове все тяжелее, а Федоров все говорит и говорит. Стоит ли что-либо за его словами? Что будет с нашим островом? Он самый красивый на свете, а весь в помойках! Он очень богатый, а мы так бедны. И что станет с Курилами? Душа болит...» И в то же время несколько отчаявшихся женщин хотели бы получить от математика прогноз: станут ли они матерями и когда. (Мы бы им посоветовали обратиться в клинику доктора Цзяна, где лечат и от бесплодия. См.: «Уральский следопыт», 1990, № 9, 1991, № 6).

Н. А. Дрыгина из Магадана и другие читатели журнала хотели бы ознакомиться с трудами М. С. Афгана и интересуются: намерены ли «Уральский следопыт» поддерживать связь с уникальным математиком и публиковать о нем материалы? Потому, думается, пора познакомиться читателей с теми новыми данными, которые я узнал о Сидике за прошедшее время. В первый раз я выдвинулся с ним в середине ноября 1990 года, а в последний — в феврале текущего.

Начну с расчетов Сидика относительно будущего нашей страны. Как свидетельствует читательская почта, восприняты они с верой и оптимизмом. Н. А. Никифорова из Ржева Тверской области, например, пишет: «Верно выразила настроение всех, кто прочитал публикацию, одна из моих знакомых, сказав: «Я впервые за все последнее время спокойно уснула и с настроением пошла на следующий день на работу!» Действительно, пророчества и прогнозы Сидика Афгана интересны и многообещающи. После них появляется надежда на лучшее будущее. Хотелось бы верить этому человеку. Спасибо!»

— Ваше credo как ученого и гражданина?

— Говорить правду, какой бы горькой и неудобной она ни была. После длительного периода подозрений и недоверия меня пригласили в Москву на XXVIII съезд. С трибуны съезда, опираясь на свои расчеты, я заявил, что в 1991 году марксизм будет похоронен. Это мало кому понравилось, вызвало эффект отторжения. Но я не ошибался, так оно и будет. А Е. К. Лигачеву я в кулуарах съезда предсказал точную дату отставки. Егор Кузьмич возразил, что не верит в предсказание...

— Да, насколько мне известно, все сбылось в точности, как ни печально это было для человека, произшедшего сакральной фразой: «Борис, ты не прав!» Время показало, что неправ оказался сам Егор Кузьмич. А к Горбачеву Ваше отношение не изменилось?

— Президент Советского Союза открыл новую историю человечества. До него были такие руководители, которые обеспечивали

самых себя, обездоливая миллионы своих сограждан, отбирая самое дорогое — жизнь. Для меня главное — народ. Ваши партийные руководители говорили: «Мы за вас», а на деле придерживались совсем иных взглядов. Этот обман и привел к теперешнему тяжелому кризису. Но политика перестройки уже дала людям свободу. Сейчас в магазинах пусто. Однако если победит свобода, будет и хлеб, и к хлебу... В 1993 году ваша страна по-настоящему встанет на рельсы рыночной экономики — это математически вытекает из 1921 года, когда Россия перешла к НЭПу. Я уже говорил о приглашении Джорджа Буша... Был Картер, был Рейген, теперь — Буш — президенты меняются, вечным остается народ.

— Так почему же Вы делаете исключение для М. С. Горбачева? — не отставал я.

— Горбачев — совсем иное. Он — великий человек. Перестройка — это счастье, она касается всего света. Благодаря ей исчезнет отчуждение между народами, рухнет граница, развалится организация Варшавского договора и НАТО. Как я уже говорил, Горбачев достигнет успеха, если протянет Ельцину руку дружбы. Они оба нужны друг другу. Оба этих лидера должны сотрудничать, потому что прекрасно понимают ситуацию и могут ее изменить. Их примирение состоится в 1991 году, а их союз приведет к великим результатам — страна начнет выходить из кризиса. (И опять на память приходят строки из письма в редакцию: «Он на Горбачева смотрит по-другому, как бы издалека, из Космоса, — пишет С. А. Желобкович из Перми и продолжает: — Только уму непостижимо, как можно так оперировать цифрами. Это же композитор цифр! — И обращаясь к Сидику: — Большое спасибо за то, что Вы так много отдали душевных и физических сил прошлому, настоящему и будущему России!»).

— Когда Вы обнародовали формулу Г+Е—П=Р?

— 21 июня 1990 года...

И опять не могу не поделиться мыслями читателей «Уральского следопыта». Пенсионерка Е. А. Крылова из г. Амуурска Хабаровского края пишет: «Прочитав в № 7 беседу с Сидиком Афганом, я сначала посмеялась (не верю ни во что и ни в кого). Но после событий 19 августа я изменила свое мнение. Может, он в этой формуле предупреждает о тех днях, но обнародовал это открыто по весьма понятным причинам? Желаю ему здоровья и прожить дольше вычисленного им срока». А вот телеграмма: «Формула Сидика Афгана, напечатанная в вашем журнале, подтверждается ходом нашей жизни. Передайте, пожалуйста, Сидику мое восхищение. Желаю ему всего наилучшего. Николай Мухомлев. Верхневильюк, Якутия»...

Заметим, кстати, что многие читатели журнала попытались решить эту буквенно-цифровую формулу, рассуждая на обещанный приз. Правда, у абсолютного большинства дальше констатации фразы, приведенной в тексте публикации: «Горбачев плюс Ельцин минус партия равно победа» — дело не продвинулось. Остальные ограничились простейшими арифметическими выкладками и нематематическими умозаключениями. Некоторый интерес, на мой непрофессиональный взгляд, представляют подходы В. Н. Екимова из Екатеринбургa, В. Митрофанова из Кургана, Н. Слепухина из г. Красный Луч Луганской области и Т. А. Шалагиной из Томска. По теории М. С. Афгана эта задача имеет шесть вариантов решения, так как любое историческое событие, условно принимаемое за точку, имеет в пространстве три взаимно перпендикулярных оси, а значит, шесть направлений, по которым к данной точке можно подойти. Тем, кто потрудился над решением формулы, скажу, что оно у Сидика занимает 75 страниц, исписанных математическими символами. В присланных же вариантах решений страниц с вычислениями две-три. Может, кто-то нашел свой, оригинальный подход, но тут последнее слово, конечно, за автором формулы...

— Сидик, что Вы видите в цифрах?

— Общепринято, что цифры могут показывать количество, площадь, объем и т. д. Это очень примитивный, односторонний подход. Для меня каждая цифра — живая и полна значения: 1 — это Бог, 2 — небо и земля, или день и ночь. 3 — пространство, 4 — стороны света, 5 — жизнь, 6 — шестигранник, 7 — чудесная цифра, ключ к будущему, 8 — два в кубе, или здание, 9 — плоскость, 10 — невыразима, так как в ней присутствует ноль. Весь мир математики я вижу живым, пульсирующим. Математику я рассматриваю не столько атрибутом материального мира, сколько сферой духовною.

— Судя по многочисленным признаниям официальных организаций и служб Вы, Сидик, видимо, первым в мире сумели разработать формулу, с помощью которой можно прогнозировать будущее и заглядывать в прошлое. Как Вам это удалось?

— Отправной ступенью для моего мировоззрения стало собственное открытие взаимосвязи всего сущего. Закономерности развития всех процессов как в духовной, так и в материальной сферах тесно связаны. (Замечу, что эта мысль не столь уж нова, но глубинное осознание ее зависит от силы личности, от ее индивидуальности, прежде всего, от используемого математического аппарата). Я понял — нет ничего случайного. Причем развитие растений и животных от низших к высшим управляется не случайностями — все строго закономерно. Оставалось расставить все по своим местам, так сказать, по секторам, напрямую познать жизнь. Эти места, выразившись образно, я обозначил в таком порядке: история — вода (течет, назад не возвращается); математика — соль (внутренняя сущность), она во всем; психология — овощи, она живая; философия — сахар, ею можно подсластить жизнь, а можно и сделать ее приторно-сладкой; и, наконец, политика — перец.

Из всех этих компонентов я готовлю дивный суп. Сначала постепенно, шаг за шагом, через алгебраический и геометрический ряды расширяю все извилины жизни человека или общества и получаю объемное изображение будущего. Зачем? Хочу облегчить путь людей к счастью. Понимая всемирную взаимосвязанность,

будучи осведомлен о том, что Земля — это здание, а страна — это как бы квартира, человек осознает, что если огонь охватит его квартиру, то может сгореть весь дом.

— Рецепт оригинален, но как правильно приготовить это блюдо, чтобы оно получилось вкусным, главное, полезным?

— Вначале наливаем воду, не отставая и не выплескивая (история священна, ее нельзя менять), затем по вкусу добавляем соль, то есть с помощью математического прогнозирования строим графики политического, экономического и социального развития общества. Затем, пока вода еще не вскипела (не нужно дожидаться исторических катаклизмов, соизмеримых по своим последствиям со стихийными бедствиями), добавляем овощи. Именно здесь необходима психология, ибо во главе угла всегда должен стоять простой человек. На человека же возложена и ответственнейшая задача управления жизнью общества. В конце положим перец — политику и сахар — философию. И пусть наше блюдо пока еще с пылу, с жару. Мои математические расчеты показывают, что в недалеком будущем оно остынет и станет доступным для каждого гражданина.

— Но нас учили: философия — мать всех наук...

— Я отвергаю такое утверждение, — горячится Сидик. — Объемное видение мира дают два диалектически взаимосвязанных комплекса, а именно: комплекс естественных и комплекс гуманитарных наук. Причем на вершине первого комплекса находится математика, а на вершине второго — история. История — наука не менее точная, чем математика, поскольку она оперирует фактами. Подбор фактов — тот же алгебраический ряд...

— Не ждет ли нас голод в 1991—92 годах? — перевела я наш разговор в более заземленную плоскость.

— Нет, начнется постепенное улучшение. Я изучил историю вашей страны и сейчас с точностью могу вам назвать дату из любого тысячелетия. Но я не просто запомнил ваши важные исторические события, а проанализировал их, убедился в надежности моего метода математического прогнозирования. Он меня ни разу не подвел. По моим прогнозам, самым тяжелым для СССР будет 1992 год. А вот на многострадальную землю моей родины придет мир уже в конце этого года. Так показали расчеты.

— Кто главный виновник афганской трагедии?

— Основная вина и в афганской, и в русской трагедиях не столько на отдельных руководителях, сколько на идеологии, которую вам навязали. Я отвергаю марксизм-ленинизм как злонаправленное учение еще и потому, что оно зиждется на обмане. Одно из ярких свидетельств тому — Афганистан. Оккупационные советские войска пришли под ленинским флагом интернациональной помощи, а в действительности стали насаждать чуждый афганцам образ жизни. В результате — великое горе, слезы и наших, и ваших матерей. И жертвы, новые и новые жертвы... (Вспоминая эти слова пророка, заново перепечатаю письмо Э. Э. Каспер из Мурманска. Она пишет о судьбе своих сыновей, которым пришлось воевать в Афганистане, хотя они и не хотели этого. Война подорвала их здоровье. «Сыновья мои — тебе братья, — заверяет она Сидика. — Они принесли горе твоей стране, прости, прости!»).

Кстати, когда в 1985 году М. С. Афган огласил результаты своих прогнозов: 16 февраля 1989 года станет днем полного вывода советских войск из Афганистана — эта весть в советских и тогдашних афганских официальных кругах была подобна взрыву бомбы. 165 газет мира опубликовали его пророчество, хотя в большинстве из них писали, что он — сумасшедший. Европейские, американские, японские информационные агентства на все лады комментировали свежую сенсацию. Наши отмалчивались, и в Афганистане смелое заявление соотечественника встретили без особого энтузиазма. Потом, когда пророчество сбылось, его принял Наджибулла, подарил особняк, 100 тысяч долларов и «мерседес». Доллары математик отправил в различные благотворительные фонды, объяснив этот шаг с полупонимающей простотой: «Они (деньги) мне не нужны».

— И ваш народ мне хочется порадовать, — продолжает ученый, — еще в 1985 году я составил цифровой ряд с периода НЭПа и сказал: через три года над вашей страной заплыет новое солнце, то есть он станет началом того, что обозначило как новые экономические отношения. Это солнце со временем распространит свои лучи на весь мир. Так оно и случилось: с 1988 года начался необратимый процесс перестройки. В 1994 году каждый советский человек убедится, что страна выбрала правильный путь — альтернативы рынку нет. Перестройка — это надежда. Я знаю — она победит и приведет к невиданным переменам во всем мире. Я уверен, так и будет! Я знаю это так же точно, как и день своей смерти. Кстати, мои расчеты свидетельствуют, что если бы не октябрьский переворот 1917 года, Россия уже сейчас опередила бы по уровню жизни такие державы, как США и Япония. Но здесь все не так трагично. Если вы будете четко идти по намеченному пути, то к 2000 году сможете не только догнать, но и перегнать эти страны.

— Ну, это уже кажется фантастикой, — с недоверием протянул я.

— Доживете — увидите своими глазами. Более того, в XXI веке человечество, — убеждает Сидик, — вступит в новый благоденственный период, который я назвал «святой эпохой». Пролетит она 40 лет, с 2025 по 2065 годы, и станет периодом расцвета нашего общества...

Теперь самое время вернуться к письмам читателей. «Великое спасибо за публикацию «Я вычислил день своей смерти...» Прочла перед ночным дежурством в реанимации, на работу неслась с улыбкой во весь рот, появилось желание верить во что-то хорошее и светлое и поделиться этой

верой со всеми. Читали все соседи, все коллеги, кто успел, так как журнал дали на время. Горько и обидно, что в очередной раз не умеем мы ценить людей, наделенных великим умом, дарованием, талантом. К кому обратиться слова: «Когда мы научимся ценить ум, использовать его во благо народа?» Исключили Сидика из аспирантуры лишь потому, что нет умов, которые могли бы с ним спорить... Своим появлением в печати эта статья творит великое добро, вселяет веру и надежду в людей, уже мало во что верящих. А Сидика приглашаем посетить наш маленький, тихий, уютный, древний город». А. П. Рудакова, г. Бахчисарай Крымской АССР.

Н. А. Андреевская из Перми восклицает: «Это просто здорово, что такие люди живут у нас на Земле, в Союзе. Их надо всячески беречь и охранять от всех неурядиц, помогать им, чем только можно!» В. А. Зверев из г. Чертовка Тернопольской области сетует: «Очень жаль, что таким талантливым и архинужным для всего человечества людям не дают заниматься творческой деятельностью». «Желаю Вам и Вашей семье как можно быстрее соединиться и жить в мире, понимании и благополучии! — пишет историк-архивист из Толятинки Наталья Долиннина. — Не могли бы Вы дать принципиальное согласие приехать к нам в город с лекциями? Уверена в успехе. Нужно донести до людей Ваши труды...» «Уважаемый Сидик! Я не умею хорошо выразить свой восторг, но все-таки хочу Вам сказать «спасибо» за то, что Вы выбрали для жительства и для исследований мою Родину. И если бюрократы будут отправлять Вас из нашей страны, то Вы, пожалуйста, не уезжайте!» — заключает читательница из Братска...

Но есть и другие мнения, которые для объективности следует привести. «Неужели еще такие люди, как этот Сидик, топчут нашу землю? Почему этот выродок нашел у нас приют, кто его приютил, этого отсталого человека средневековья? У него все бог сотворил, даже материализм не признает, даже ученого Дарвина, Маркса и Ленина всяко осрамил. Главное, почему убрать Ленина из мавзолея? Да этого горе-пророка мало отправить под небо Магадана, его нужно повесить за ноги до иссыхания... Рано, господа, торжествуете, вам не удастся повернуть историю вспять, марксизм-ленинизм был и будет. Пора прикончить все эту церковную мразь! Пока мы живы, будем вести борьбу, пока не будет уничтожена последняя гадина». Написал это ветеран войны и труда из Перми, обратного адреса нет, подпись неразборчива.

А вот что вешает Е. А. Резунов из г. Свободного Амурской области в письме, адресованном мне лично. «Не берусь опровергать всю ахинею, содержащуюся в открытиях очередного пророка. Один пример с мумией Ленина — это просто перл мышления. Утверждается, что пока Ленина не предадут земле, никакого улучшения в нашей стране не будет. То есть напрасно работают миллионы людей, напрасно бьются Ельцин с правительством Силаева, Горбачев с правительством Павлова, верховные советы всех республик и центра. Какие наивные люди! Надо-то всего лишь захоронить мумию Ленина — и будет полный расцвет во всех делах. Все просто до идиотизма...»

В противовес им семнадцатилетняя Марина Бунеева из с. Самарское Восточно-Казахстанской области вполне согласна, что тело Ленина должно быть предано земле, поскольку иное противоестественно, однако спорит с Сидиком по поводу его утверждения, что идеи Маркса и Ленина утопичны. Она, правда, оговаривается, что в ее сознание прочно вдолблено: Маркс и Ленин — гении человечества. Не верит Марина и в Бога, поскольку воспитана в духе атеизма. Свои мысли она не навязывает, подчеркивая, что «это только мой взгляд, свое мнение, кстати, мнение неопытного в жизни человека».

Но вернемся к письму Резунова. «Теперь о возражениях против марксизма. Я не коммунист, но все-таки знаком с этой теорией. Все возражения «пророка» рассчитаны на неграмотных людей. Такую чушь мог сказать лишь человек, не читавший хотя бы «Диалектику природы» Энг-

гельса, или заведомый лжец. Разве не марксизм открыл общие законы развития природы и общества? Надо давать и альтернативные точки зрения на мистику...» Вот я и привел эти «альтернативные» точки зрения, тем более что в особых опровержениях они не нуждаются, лишь выправив содержащиеся в этих двух «опровержениях» орфографические и синтаксические ошибки. Пусть читатели сами оценят глубину и аргументированность доводов ветерана и его духовного сына из г. Свободного. На меня от этих писем повеяло таким закостенелым догматизмом, такой махровой ненавистью ко всему нестандартному, что невольно обрадовался: в огромной почте подобных «откровений» всего два. Подумалось: вот чего так не хватает этим «оппонентам» Сидика — терпимости, способности задуматься над иной точкой зрения, усомниться в собственной непогрешимости. Тут вчерашняя школьница Марина Бунеева дает им сто очков вперед. Это очень отрадно. Значит, освобождается наше сознание от идеологических штампов и стереотипов, вдалбливавшихся долгие годы, становится восприимчивым к новому, незнакомому, неизведанному. И слава Богу!

Что же касается вопроса о захоронении праха В. И. Ленина, то любопытные данные на этот счет приведены в «Комсомольской правде» от 7 сентября с. г. Название заметки «У нас была хорошая традиция — следовать заветам Ильича». Согласно данным службы «Мнение», полученным при опросе москвичей, более 68% респондентов высказались за предание земле останков вождя первого в мире государства рабочих и крестьян, тем паче что и сам он, оказывается, завещал себя похоронить рядом с матерью в Петербурге. Так что винить Сидика за этот его прогноз по меньшей мере нелогично...

Если суммировать впечатление, складывающееся при чтении многих писем, то поневоле почувствуешь: страна больна, и люди в ней несчастны. И не хотелось бы их осуждать за то, что хотя бы часть своих проблем они пытаются переложить на чужие, могучие плечи. Не стану осуждать и другую, к счастью, ничтожную часть, которая привыкла не мыслить, а исполнять очередное предписание, потому, если сталкивается с чем-то выходящим за рамки обычного разума, то старается не подниматься до необычного, не вникнуть в существо чужих рассуждений, а заткнуть инкомыслящего в свое привычное болото.

«Каждому человеку хочется знать, что его ожидает в будущем,— делится своими мыслями Н. В. Жданова из г. Кызыла Тувинской АССР.— Одним это придаст силы, другие успокоятся от суеты, третьи станут приносить больше пользы обществу». И очень отрадно, что последние среди корреспондентов Сидика оказалось немало. Значит, не все еще потеряно, если творческая мысль вызывает живой отклик.

А. В. Кобяков из Амурской области пишет, что ему удалось вывести новый фундаментальный закон физики, позволяющий понять структуру как микро- так и макромира, механизм их образования. На этой основе он создал «универсальную теорию тектоники литосферы и климата», позволяющую проследить эволюцию литосферы Земли с самого ее образования до наших дней и прогнозировать ее развитие на миллиарды лет вперед, а также решать проблемы изменений климата и развития живой природы, взаимосвязанного с этими процессами. М. С. Афган, по его мнению, мог бы подвести под эту теорию солидную математическую базу. А. В. Кракало из Кременчуга сопоставляет методы Сидика и астрологов и подчеркивает, что информационная волна, находясь вне времени, возвращает имеющуюся информацию в виде программы, заставляет подчиняться ей. Он даже обещает, что если Афгану придет в голову идея пережить дату собственной смерти, он ему подскажет, как это сделать. Недурно, правда?

В. К. Роганов из Севастополя считает, что свои расчеты Сидик ведет по основному уравнению гравитации А. Эйнштейна, и сообщив, что сам он разрабатывает гипотезу о «Всеобщей теории относительности», на основе

которой можно обосновать и объяснить физический смысл работ уникального математика, просит его адрес для обмена информацией. Читатель из Алма-Аты А. И. Коваленко советует Сидику решить «простенькую» теорему Ферма и в своем 12-страничном письме развивает ряд интересных мыслей о Вечности и Бесконечности. Он хотел бы поделиться своими соображениями с самим Афганом, отдельные выводы которого он оспаривает.

Александр Заятинов из г. Сатка Челябинской области мечтает посоветоваться с Сидиком о своей гипотезе, дающей представление о направлении развития мира. Его гипотеза поможет человечеству понять, почему все происходит именно так, а не иначе. Интуитивно чувствуя свою правоту, Александр с помощью математика берется доказать нематериальность времени. В то же время В. И. Гостев из г. Волжского Волгоградской области не согласен с мыслью Сидика, что время нематериально, и утверждает обратное. По его мнению, «время не есть материя нашей Вселенной. Оно — субстанция, где последняя находится и становится составляющей нашей Вселенной в результате взаимодействия различных форм (состояний) ее материи». Свои сложные выкладки он хотел бы обсудить с великим математиком. Студентка математического и философского факультетов Уральского государственного университета Инна Колова заинтересовалась теорией М. С. Афгана, поскольку хотела бы разобраться в вопросах гармонии человека и Космоса. Убедившись на собственном опыте в способности числа открывать человеку неведомое в нем самом, она хотела бы познать основы Космической гармонии, гармонии сфер. К. В. Галинский из Краснодара просит Сидика ознакомиться с его решением непростой математической задачи, которое «переворот в науке не произведет, но поможет освободиться от одной из догм, сжечь которую значительно труднее, чем все храмы Земли». Воистину, не хлебом единым жив человек!

Искренне поблагодарив редакцию за публикацию статьи, Л. В. Фесенко из г. Энергодара Запорожской области продолжает: «И все же это — только жалкие крохи того, что хотелось бы узнать о самом господине Афгане и его математической теории». Заинтересовался личностью и работами ученого автор письма еще и потому, что сам занимается математическим программированием. Ему вторит К. Утолин из Москвы, который готов попытаться запрограммировать теорию Сидика — создать пакет программ для ЭВМ. Константин хочет применить теорию математического прогнозирования для создания устройств, которые могли бы создавать в информационном поле Земли (а может, и всей Солнечной системы) корректирующие воздействия, способные исправлять негативные факторы в развитии (судьбе) государств и отдельных людей. Начать планирует с разработки устройств, способных корректировать здоровье, и сообщает, что с доктором Цзяном его коллеги уже установили творческие контакты.

В отличие от абсолютного большинства написавших нам, А. В. Макаров из г. Приозерска Жезказганской области просит Сидика не делать никаких расчетов в отношении его будущего и советует ему не только передать свои знания последователям, но и сделать это на языке современной вычислительной техники. «Вы превзошли ЭВМ, но это дано немногим,— резонно замечает А. В. Макаров и предлагает Афгану взять в помощники сильного программиста и совместно с ним построить так называемую обучаемую систему.— Ваши методы, Ваш интеллект нужно переложить на язык искусственного интеллекта, ибо машина поможет Вам не только в Ваших вычислениях, но и в ответе тем людям, которые ждут Вашей помощи». Идеальное продолжение трудов Сидика автор письма видит в создании центра математических методов прогнозирования, оснащенного современными компьютерами. «На этой базе Вашим наследником должна стать обучаемая система искусственного интеллекта, которой были бы доступны прогнозы в любой области»,— заключает он.

Т. В. Михайлова из г. Новокуйбышевска Самарской

области интересуется у Сидика, существует ли единая теория, позволяющая производить не только единичные расчеты по каждой личности, но и рассчитывать на ЭВМ основные «координаты» типа «кто есть кто?» для больших коллективов. Это — не праздный вопрос. Сейчас крайне обострилась практическая необходимость в создании настоящих коллективов-товариществ. «В «человековедении» и воспитании будущих поколений мы терпим сейчас катастрофу, подобную Хиросиме, вследствие своего пещерного невежества, — пишет она. — В конфликтах мы дошли до предела. А необходимо создать гармонически развитую личность и гармонически развитое общество». По ее мнению, «осколки» единого некогда учения о человеческой душе-личности может создать человек, хорошо изучивший психологию, социологию, хиромантию, астрологию, биоэнергетику. (Последняя ждет своего Попова...) «Ваш математический метод — самое быстрое, экономически выгодное и перспективное решение казалось бы неразрешимой проблемы. Мы ждем от Вас ЭВМ, могущую дать конкретный прогноз по каждому человеку и по созданию прекрасных товариществ (единое и общее — в гармонии)... Человек подобен ноте. Я свою цифру-ноту чувствую интуитивно, но другие этой цифромозыки не понимают, как и я не знаю хора, где буду звучать вместе со всеми мелодией, а не какофонией... Я тоже считаю, что в этом мире нет ничего случайного, все логично до мелочей, до нюансов, и математика — высшая логика — есть во всей материи Вселенной, Случайность — символ невежества, слабости. Математика — символ знания и силы». С такими мыслями трудно не согласиться — они возвышенны...

Конечно же, «формула судьбы», с помощью которой можно прогнозировать будущее, сегодня кажется почти фантастикой. Многое в ее применении пока зависит от личных нерядовых способностей ее автора. Но Сидик ничего не скрывает, все готов передать ученикам и последователям. Еще в августе прошлого года в Москве на встрече с учеными он выступил с инициативой создания нового научного центра, призванного разработать концепцию нового мышления, выявить законы энергоинформационного обмена между человеком, природой и обществом. «Выбрав такой путь, можно сделать новые шаги к духовному оздоровлению человечества!» — горячо заверял математик. И полетели к нему заявки с просьбами о сотрудничестве от организаций и научных обществ, профессоров и академиков нашей страны и из-за рубежа. Обратились Академия космических наук и Ленинградский университет, общество «Знание» Украины и многие частные лица. И к нам в редакцию пришла телеграмма из Благовещенска: «Дирекция Амурского КНИИ просит сообщить адрес Сидика Афгана, необходимый для консультаций и сотрудничества. Замдиректора по науке доктор физико-математических наук Писаренко». Знаем, что наш ответ разочаровал НИИ, но...

Сидик показал мне при встрече часть своей переписки. Листая папки с документами, я обратил внимание на официальные признания международных ассоциаций и организаций, приглашения на научные симпозиумы и конференции. К нему обращались советские ученые-математики, умудренные опытом мужи: «Господин Сидик! Вы — обладатель уникального, счастливого сочетания математического таланта и интуиции. Не покидайте Россию! Это будет для нас настоящей потерей...»

И снова письма читателей. «Отчислить гения из аспирантуры... Господи! Неужели мы такие дремучие? Как же стыдно и за Москву, и за Киев, и за Минск... Закрыть визу, купить билет на самолет... Верите, мы плакали от позора за нашу администрацию. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы Сидику дали возможность работать спокойно? Как не допустить, чтобы он сжег свои математические труды перед Ленсоветом? Когда мы выберемся из позора? В этой светлой статье огорчают только вот эти моменты. И еще то место, где говорится о разлученной семье: жена Сидика в Павлодаре... Так горько, когда не-

справедливо преследуют людей. А что же Собчак-то?! Уж он-то зарекомендовал себя борцом за правду и справедливость. Позорное отношение к ученому не укладывается в голове. Давайте что-нибудь делать!» Валентина Сергеевна М., г. Владивосток.

«Уважаемый Сидик Мохаммад! Прочла о Вас в журнале «Уральский следопыт» и была потрясена тем, что у нас в СССР живет первый гений мира. Непостижимо! Если бы жила в Ленинграде, то остаток своих сил направила бы на борьбу с ленинградской мафией, которая не хочет обеспечить вас нормальными условиями. Вся моя семья сейчас в отъезде, и мне очень жаль, что они еще пока не знают о Вас, не испытали радости и счастья познакомиться с Вами...» Н. Г. Азарочкина, г. Подольск Московской области. Ее чувства разделяет Светлана Васильевна Ш. из г. Троицка Челябинской области: «Испытываешь огромную радость от того, что есть такие люди, как Сидик Мохаммад. О значении Сидика писать не буду — в статье все хорошо сказано. Только знаю, что теперь чаще буду смотреть на небо и буду добрее ко всем, особенно к детям, которых учу, к больным детям. Помогите Сидику! Нужно обратиться к мэру Ленинграда с просьбой дать возможность закончить аспирантуру, выделить квартиру, чтобы ученый мог полноценно жить с семьей. Хочу верить, что А. А. Собчак и как ученый, и как депутат, и как мэр г. Ленинграда-Петербурга не останется равнодушен к судьбе этого удивительного математика. Если Сидик сможет передать свое умение нашим ребятишкам, пусть их будет один или сто, насколько богаче станет наша страна!» И еще одно мнение читателя журнала: «Сидик, ты просто молодец! Я не буду перечислять, почему, скажу лишь одно: ты сильный, духовно самый сильный человек. Молодец, что ты веришь в наш народ, а этих «великих», как ты их называешь, во все времена хватало, но мир-то держится на руках простых рабочих, на наших руках. Спасибо, что ты это понимаешь. Ты в нас вселил веру в будущее, в жизнь, в добро. С тобой и твоей семьей поступили подло и бессовестно, но я верю, что тебе помогут. Здорово, что ты есть на этом белом свете!» Владимир Тулин, Алтайский край...

Мимо офицера милиции, охраняющего вход в посольство республики Афганистан, я прошел благодаря служебному удостоверению. Однако служба информации посольства меня не обрадовала: «Сведениями о месте нахождения Мохаммада Сидика в настоящее время не располагаем». Я оставил им «Уральский следопыт» со статьей о их соотечественнике и заручился обещанием сообщить мне адрес Сидика, когда посольство его установит. Почему мне пришлось обращаться в посольство? Думаю, что многие читатели уже догадались о причине. Да, все верно. Не живет он уже ни в Ленинграде — Санкт-Петербурге, ни вообще в Союзе. И не потому, что решил принять приглашение президента Буша, а потому, что сработала наша система, все годы своего существования подавлявшая и отторгавшая людей, мыслящих не догматически.

— Сейчас я отклонил предложение из США, Франции, ЧСФР с просьбой о сотрудничестве. Я люблю вашу страну, Ленинград стал для меня родным городом. Если моя деятельность нужна вашему народу, а такую поддержку я чувствую, то согласен здесь работать еще не один год, — говорил мне Сидик при последней встрече. — Истинные друзья в трудную минуту должны быть рядом.

Но...

— В соответствии с постановлением Совмина СССР каждый иностранец, закончивший обучение в Советском Союзе, должен выехать из страны независимо от тех сроков, которые были заявлены в визе первоначально, — устало объяснили корреспонденту газеты «Вечерний Ленинград» в отделе виз и разрешений. — Что же касается бывшего аспиранта ЛГПИ Мохаммада Сидика, то на его выдворение из СССР есть санкция прокурора. С нашей стороны никаких нарушений законности нет, хотелось бы решить конфликт с математиком «мирным» путем...

А суть конфликта в том, что он не хотел уезжать. И все же его выдворили. За что? Сначала Ленинградский пединститут расторг с ним отношения — тема Сидика не совпадала с научными направлениями института, научного руководителя ему не нашли, из общежития выгнали. Математик вынужден был переселиться в гостиницу «Дружба», где с него за довольно убогий номер драли 1500 рублей в месяц. Он стал научным консультантом Фонда международной организации «Вахта мира», который официально гарантировал предоставление ему жилого и служебного помещения. Куйбышевский райсовет Ленинграда поддержал ходатайство Фонда, но... Если отчислен, значит, не учится, если не учится, значит, пусть проваливает. По такой «логике» действовали чиновники, принимавшие решение о выдворении ученого из страны. Сидик нужен всем — простым людям, но не партийно-мафиозным структурам, против которых он неоднократно выступал.

В первоначальном тексте моей статьи была такая фраза Сидика: «Я не отказался бы стать советником президента Горбачева. Отбирал бы в его команду людей по их психологическим характеристикам, отделил бы хороших от плохих». Ее выбросили при редактировании, посчитав ненужной. Но события 19—21 августа показали, что плохих людей в окружении М. С. Горбачева оказалось действительно немало, и они предали его. Не без их участия, думаю, и было принято решение о выдворении Сидика, которое и состоялось 17 марта, в день всенародного референдума. Нужен ли Сидик России — народ об этом, естественно, не спросили.

«Сколько слез, недоумения, возмущения вызвало у меня сообщение о том, что Сидика Афгана выслали из России», — пишет из г. Коркино Челябинской области Тамара Николаевна С., кстати, единственная из читателей знающая о случившемся. И все же просит ученого помочь в отыскании ее мужа, который 12 июля текущего года поехал ставить машину в гараж и пропал. А 13-летний Паша З. из Перми просит Сидика узнать имя, фамилию и адрес незнакомки, в которую он влюблен с того момента, как увидел ее в аэропорту Волгограда...

Ответить на все ваши письма, а тем более переслать их Сидику пока нет возможности. Заграничный адрес ученого еще неизвестен, а редакция, чтобы опубликовать этот материал, выбросила из уже готовой верстки 12-го номера три статьи. (Долг перед читателями — прежде всего). В образовавшийся «ззор», как в прокрустово ложе, я и вынужден был втискиваться. Конечно, я бы встретился с Сидиком за границей, из рук в руки передал бы ваши письма, будь такая возможность. Но мы, надеюсь, еще поговорим на страницах журнала об удивительном математике, вернемся к вашим письмам ему и о нем...

После посещения афганского посольства мне удалось попасть в Белый дом и оставить журнал с публикацией о Сидике в приемной президента Б. Н. Ельцина. На прием к Борису Николаевичу, увы, не пробился, потому дать ему свои комментарии к статье, к сожалению, не смог. Не знаю, прочитал ли он, обремененный важными государственными делами, статью в научно-популярном журнале, дошли ли руки.

Так давайте мы, простые люди, равнодушные к судьбе Родины, обратимся к президенту с призывом: «Верните Сидика России!» Сидик нужен всем, значит, всем нам и нужно за него вступить.

Р. С. Когда материал уже был сверстан, я передал ваши письма, дорогие читатели, в руки Сидика, временно вернувшегося в Россию. Он обещал ответить всем, хотя ему пришло более 20 000 писем. Визу ему открыли на три месяца. Не выставят ли опять?

Марина НАУМОВА

К морю

...За мои земные пустяки
Не сулило ты мне благодати —
Что же сердце рвется на куски
Синева твоей просторной ради?
Может, память множества веков,
Тайная, как азбука этрусков,
Дремлет где-то между позвонков —
Так же, как в облатках лепестков
Самых нежных розовых моллюсков?!
Может быть, когда-то в глубине,
Без сознания голоса и глаза
Я лежала на пурпурном дне,
Ожидая Божьего приказа?
И дрожали надо мной, струясь,
Трех Лемурий лунные обломки...
О неразрываемая связь!
Непереступаемые кромки!..

Здравствуй, море! На седом мысу,
Изогнувшемся, как птичий коготь,
Добрый зверь, мурлычущий внизу,
Хочется рукой тебя потрогать.
Вот он, вот — искомый край земли,
А за ним все только повторится,
Чистый снег и чистая страница...
Время слез однажды возвратится,
Чтоб мы вновь его превозмогли...

* * *

Вон какая трава на буграх,
Где твое прасознание дремлет...
Первобытный младенческий страх
Первозданное тело объемлет,

Первомыслью сжимает виски,
Первозглядом касается света,
И душа ускользает в пески
По зеленым сосудикам лета...

Ты меня, повилка, не тронь!
Пусть в степном очарованном мраке
Черный пес мою лижет ладонь,
И луной наполняются мраки —

Я пришла. Пред звездой становлюсь
Близ огня своего и ночлега,
Но еще никому не молюсь
В ожидании ливня и снега,

И еще ничего не прошу:
Ни любви, ни удачного лова,
Потому что неровно дышу
В предвкушении первого слова...

И ликуя в жемчужных азах,
Жизнь лепечет моими устами,
И гуляет душа в небесах,
Что висят над сухими кустами.

Татьяна ЧЕКАСИНА

БАЛЛАДА С ЗАДЕРЖАНИЕМ,

или
Спящая красавица
из сказки
о семи богатырях

Рисунки
Николая Мооса

Дверь оказалась незапертой.

— Взгляните! Что же делать?

Соседи напротив: он и она в обвислых трико, с брюшками, в очках, бывшие туристы, ныне честные огородники, испугались.

— Открыто? И никого?

— Да. Понимаете, я пришла к Жене. Она тут недавно живет.

— Какая Женя?

— Горьковая.

— Не знаем... Тут парень какой-то, а до него жили такие порядочные люди! А вы кто?

— Я Женина подруга. Мы вместе учимся. То есть учились...

Оба «огородника», и он, и она, поглядели через очки в отворенную чужую дверь.

— Знаете, я посижу в квартире до прихода Жени. Уже поздно, она наверняка скоро явится.

— А может, не надо вам туда? — начал было мужчина.

Женщина поглядела с таким выражением, будто по лбу щелкнула: не видишь, ОНА ВРЕТ и здесь НЕЧИСТО! — и потянула мужа за верхнюю часть трико, увлекая в свое жилище.

А девица скользнула в незапертую дверь.

Супруги в очках сели одинаково в одинаковые кресла перед телевизором и стали смотреть передачу.

— ...участились квартирные кражи, — рассказывал представитель МВД.

И тут супруга вспомнила: пенсионерка снизу сегодня рассказывала: некая миловидная девушка (в одной руке — коробка из-под торта, в другой — дамская сумочка со спрятанной фомкой) ловко орудует в ближайшем районе, обкрадывая квартиры, вынося из них всевозможное добро.

Оба одновременно покосились на телефонный аппарат.

Девица тем временем чувствовала себя как дома. Сварила кофе, забралась, скинув туфли, с ногами на диван. Она стала играть на гитаре, слегка напевая слова и отхлебывая кофе.

— «Про осень», — объявила так, точно перед ней публика.

Гитарный звон, проигрыш между названием и началом...

— За окном ветер перелистывает
пеструю дорогу,

В окно рвется.

Я так не хочу уходить в осень.

Пусть все уходят,

Я в лето хочу остаться...

Спел так, она усталилась в одну точку, во-первых, переживая спетое, во-вторых, обдумывая его. И начала с начала. Не дословно, с новыми вариациями, подправляя, убирая неточности. Она играла и пела, точно билась над преодолением собственной немоты.

В дверь позвонили.

— Это ты, Жень?

— Откройте, милиция.

Пришлось отодвинуть задвижку.

— Я стерегу, живет моя...
 — Следуйте за мной.
 — Как это? Вы что, забираете меня в милицию?

— Да, до выяснения. Поступил сигнал. На лестничную клетку высунулись оба, «огородник» и «огородница», наблюдали.

— Но, позвольте, как так можно? Да и квартира останется без присмотра.

— Не беспокойтесь, это не ваша забота. — Милиционер достал связку ключей и дверь запер.

— Ах, так! Чудесно! Значит, я могу спокойно уехать...

— Нет. Надо кое-что. Вы поможете нам.

— Чем я могу помочь МИЛИЦИИ?!

— Бежать не пытайтесь. Гитару, разрешите... Ваша? Или взяли в квартире?

— Моя, конечно! Там на деке инициалы: «М. П.»!

— Разберемся, чьи инициалы.

В городе осенем под небольшим дождем ни души. Улица угрюмая, и в десять вечера безлюдно, как ночью.

— «Моя милиция меня бережет», — засмеялась девушка напряженно.

Ее спутник промолчал.

Свернули в переулок, тополя сомкнулись шатром над головами. Дождик через них не может просочиться, листья держат накопленную воду, но при слабом ветерке обрушивается сразу поток.

— Несите, пожалуйста, гитару струнами вниз, — возмущенно попросила она.

— Ладно, — он перевернул. — Фамилию квартиросъемщика знаете?

— Нет, — виновато ответила она.

Из тьмы переулка они резко попали в яркий свет. За углом небольшого, но капитального бетонного здания — площадочка, на ней милицмейские автомобили, мотоциклист с треском выскочил из ворот металлической ограды.

Взошли на крыльцо, поднялись на третий этаж, в длинном коридоре милиционер отомкнул кабинет, сел у стола, огромного и пустого, как ночная железнодорожная платформа. Гитару поставил между своим стулом и сейфом, который с лязгом-шиком отворил, вынул папку с бумагами, авторучку.

Задержанная не садилась. Стоя посреди кабинета, разглядывая с испуганным интересом обстановку: окно зарешеченное, стулья, сцепленные намертво единым брусом и прикрепленные к стене, перед одним — залитый чернилами столик, похожий на парту недоразвитого ученика.

— Сядьте... Нет-нет. К столу. Возьмите вот бумагу, ручку, пишите: кто вы, где работаете или учитесь. Все данные. Цель посещения дома номер двадцать три, квартиры восемь по переулку Рабочих.

— Можно я буду... на коленях, только дайте папку подложить... Да, и, кстати, верните гитару, товарищ...

— Клековкин Виктор Викторович.

— Очень приятно познакомиться, но гитара мне дороже всего...

— Не беспокойтесь, вернем.

Вошел еще работник милиции. Он совсем не такой, как этот. У него и вид, и рост. Он сел напротив, засмотрелся.

Посмотреть есть на что: одета она в какой-то фантастический платок вместо пальто, под ним — все черное, чулки узорчатые, мелкие туфельки с лирами вместо пряжек, и это по осенней погоде, но она казалась существом немного неземным, возможно, даже холода не чувствовала. Правда, этот милиционер сразу подумал: из ресторана взяли. Но что-то все же мешало определить ее окончательно в хорошо известный ему разряд.

— Из сегодняшних? — кивнул куда-то неопределенно.

В коридоре раздался хохот, визгливый, женский, непонятный в стенах милиции для того, кто тут впервые.

— Ничё пока не знаю, — кивнул Виктор Викторович на задержанную. — Ну что, написали?

— Нет. Прошу дать мне какую-нибудь книгу.

— Говорит — стол грязный, — пожаловался Клековкин, интонацией давая понять, что стол-то в порядке, а вот девица гнет из себя невесть что, но все гнут до определенного момента.

Видный и рослый смотрел на девушку, можно сказать, по-доброму.

— Такую посетительницу (он нарочно называл ее так, словно не понял, что она задержанная) я бы и за свой пустил. Ты, Виктор Викторович, разреши...

— Ладно, садитесь сбоку, — согласился Клековкин.

Добрый и красивый вышел.

Пока она писала, Виктор Викторович приблизился к окну, открыл форточку в ночь, закурил сигарету.

Лицо у него маленькое, глазки посажены вразнотык. Иногда они стремительно и жутковато для собеседника сбегаются к переносью, это, как правило, сбивает с толку допрашиваемых.

Ростом Клековкин невелик, и что неприятное: широкобедр, как женщина, это видно даже при мундире с погонами, способном сделать любую фигуру мужской.

Виктор Викторович старается служить. Он памятливы, цепок и подозрителен. Он не какой-нибудь растяпа, доверяющий подозреваемым, он осторожен, иногда, конечно, излишне бдителен, но он сам считает, что излишней бдительности не бывает: в этом мире столько краж, убийств, хулиганств...

В «органы» пришел Клековкин после срочной службы, школу милиции закончил, он — следователь, и широкие бедра тут ни при чем, он — боец, на передовой он, Виктор Викторович Клековкин. Его лицо желтоватенькое еще сохраняет следы былой детской конопатости, но глаза уже старчески невозмутимы, они видели все.

— Пожалуйста, — листок, исписанный изящным почерком, небрежно перелетает с края на середину начальственного стола.

Виктор Викторович степенно усаживается в кресло. Он любит читать самые первые объяснения до этого мига незнакомых людей. Этот излюбленный им процесс похож на радостную встре-

чу фотографа с только что проявившимся на мокрой бумаге снимком.

— Так-так! — говорит, прочтя, и начинает комментировать, не в силах скрыть удовольствие. — Двадцать лет! Нигде не работаешь и не учишься! — В голосе звучит отеческая укоризна. — Данные прописки мы, конечно, проверим. На чьем иждивении находишься?

— По-го-ди-те! Как ВЫ со мной разговариваете? Как вы смеете мне тыкать, мы что с вами, родственники, знакомые, пили на брудершafft?! — Я не пью и вам не советую. А будете кричать — примем меры.

— Какие?

— А там узнаете. Отвечайте на поставленный вопрос: на чьем содержании вы находитесь с июня...

— Вот тут в объяснительной укажите имя, отчество и фамилию...

— ...Пожалуйста.

— ...Значит, — он принялся за читку снова, — Полякова Ирина Васильевна?

— Да. Бабушка. В мае она... Ее не стало.

— Но все равно вы обязаны работать!

— Я сочиняю монологи, исполняю их под гитару.

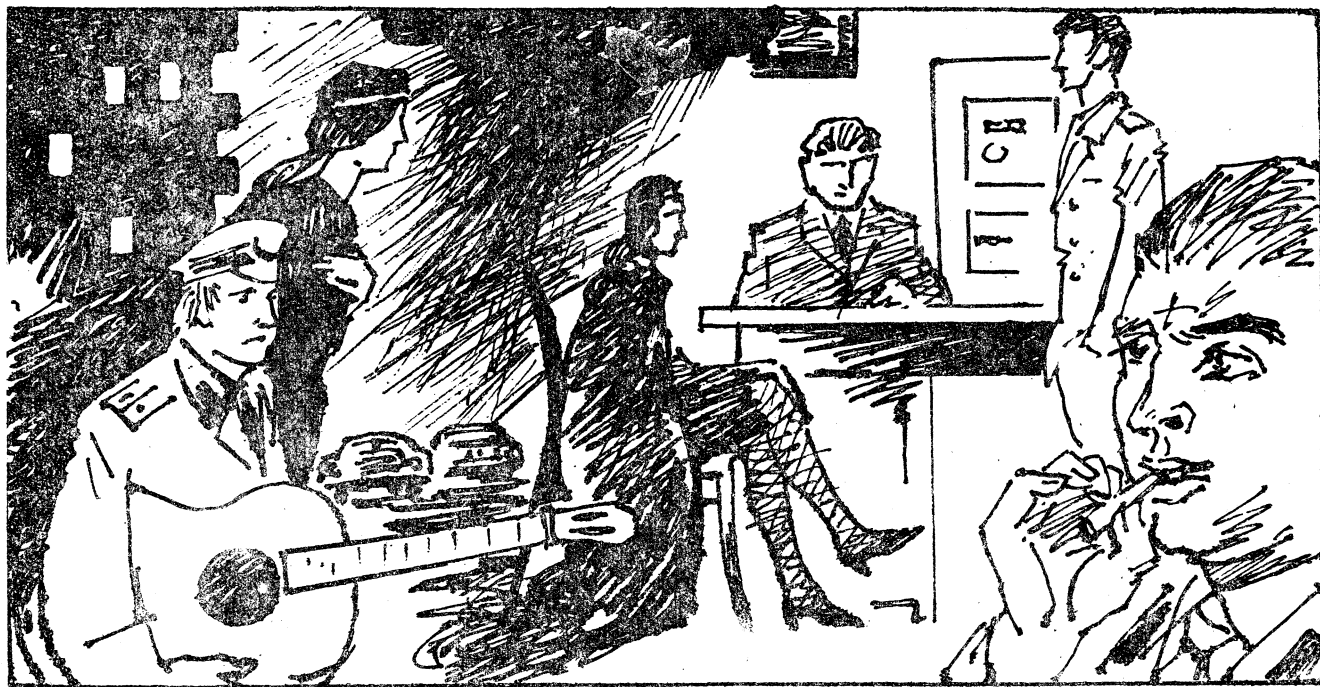
— Почему не учитесь? Есть же соответствующие учебные заведения...

— Я пока не чувствую потребности. Так настроена моя душа.

— И это — не тунеядство, по-вашему?

— Нет.

Глаза девушки прямо-таки вспыхнули странным непонятным азартом. Большие, неподриссо-

— У меня... есть деньги.

— Вы их заработали...

— Нет. Я их не заработала.

Дверь открылась, вошел худенький элегантный человечек в штатском.

— Сергеев, — обратился к нему Виктор Викторович, — это, наверное, по твоей части.

— Тунеядка? — задал тот тихо уточняющий вопрос.

— Как вы смеете... У меня слух, я слышала!

— Я не о вас, мы о своем. Девушка, сидите спокойно, вас никто зря не обидит, — заверил Сергеев, что-то черкнул себе в блокнот и покинул кабинет.

Клековкин продолжил допрос:

— Итак... на какие все же средства существуете?

— Наследство.

ванные (ему ли не видеть, не одну тут «умыл» перед тем, как заставить мыть полы в коридоре).

— Дайте мне гитару, я покажу вам... — рука ее властно потянулась в угол кабинета.

Клековкин бы не решился на такой «эксперимент», но тут зашел седовласый майор, сейчас главный начальник.

— Что, музыканты пошли?... — мягко, по-домашнему улыбнулся.

Девушка не поняла такого вопроса, но почему-то решила — он за нее заступится!

— Разрешите, пожалуйста, я сыграю, чтобы товарищ Клековкин понял суть дела.

— Ну, если для дела, — майор подмигнул следователю, тот сделал покорное лицо.

Она обрадовалась. Гитару оглядела, приложила к уху, подтянула на колках струны, послу-

шала, будто спросив, мол, не обидел ли тебя тот, кто нес сюда так неосторожно?

Оба мужчины, и молодой, и пожилой, смотрели на задержанную. И тут вошли двое: Сергеев в штатском и тот (вид и рост!), уже знакомый, расселись, будто изготовившись для концерта.

— «Про яблоню», — объявила она.

Гитара заиграла медленно, голос зазвучал с нею дружно, он стал иным, будто объемным.

Громадный куст яблони, именно куст, Потому что яблоня низкая и широкая. Ветки ее панибратски опираются на забор И на соседние кусты.

Весной цвела эта яблоня таким Многоцветным парашютом, Что сараев и помойки не было, одна яблоня, Воздушная, будто из мыльных пузырей, Кажется — дунешь — и полетит.

Гитара отзвенела. Звук истаял.

— Этот цикл я посвящаю Сэй-Сэнагон, — важно сказала исполнительница.

Милиционеры молчали, даже не спросили, кто такой (такая) Сэй-Сэнагон.

— Хм, — пожилой опять улыбнулся, встал и важно пошел на выход.

— Ладно, хватит нам тут... — подбил бабки Виктор Викторович. — Ответьте на вопрос: почему вы нигде не работаете?

— Как? Вам и ТЕПЕРЬ непонятно? Вы что, не СЛЫШАЛИ? — Лицо задержанной словно вынырнуло из волн своей радости и сделалось защитно-надменным.

Она сидела, обняв гитару, крепко прижав ее к груди, губы сомкнуты, а глаза вопрошающие глядели на тех двоих, точно призывали в свидетели этого безобразия и беззакония, творимого здесь Клековкиным.

— Вы что, не слышали мои монологи, мои баллады?! — спросила она театральным голосом.

— Слыхали, — осторожно согласился Сергеев, — но скажите, вы их исполняете где-нибудь: в клубе, в филармонии?

— Понимаете, — начала она с большим пренебрежением к допросчикам, — я предлагала, но... не берут. А потому я довольствуюсь случайными и самыми разнообразными слушателями, я пою перед знакомыми, друзьями. Когда училась, то выступала в самодеятельности. Я хочу совершенствоваться. И я добьюсь...

— Девушка, вы зря из себя какую-то натуру поэтическую изображаете. Если бы ваши «баллады» имели место в искусстве, то вы бы уже официально были работницей какого-нибудь клуба или даже Дворца культуры. Я, конечно, не специалист... — Виктор Викторович смотрел на нее с полным раздражением. Он сам почувствовал: злится, а потому подбежал к окну и нервно закурил.

— И много у вас этих... монологов? — спросил не слишком заинтересованно Сергеев.

— Много, — воодушевилась она. — Хотите, я еще спою? Виктор Викторович, разрешите! И вы все поймете!

— Я и так все понял, — пробурчал тот, но

ему польстило, что она у него спрашивает (да так слезно!), а ведь Сергеев в штатском по званию старший.

— А про любовь вы тоже сочиняете? — полюбопытствовал красивый милиционер.

Он сидел на стуле, развалясь, ноги вытянув в проход, смотрел в лицо девушке, точно прозревал в этом лице какую-то дополнительную к созерцанию радость.

— Конечно! — деловито, чтоб ее не успели остановить, согласилась она. — «Про шишки».

Гитара завздыхала, а девушка поглядела на красивого неожиданным взглядом: ни кокетства, ни заигрывания он не увидел и удивился, разумеется. Она смотрела на него так, точно и не видела его самого с его статью, а будто обращалась к чему-то запрятанному в нем, чего он и сам по своей неразвитости знать не мог.

— Ты жевал когда-нибудь шишки?

Шишки обыкновенные с елок?

Вроде вопрос был задан, но он отвечать не посмел, конечно, а сидел удивленный, сам не зная чем.

Гитара вскрикнула, голос пошел за ней на пределе, на отчаяньи.

— Больно было стоять и смотреть ему вслед. Еще больней было бы бежать за ним и догнать. Он шел таким уверенным и горьким шагом!..

Коричневый плащ развевался на ветру, как парус.

Это так модно! Все ходят в коричневых плащах...

Он наверняка боялся, что я стану его догонять. И в том, что уходил он, была такая горечь...

Голос сошел на шепот, гитара играла тихо.

Но тут же явился светлый, хотя и по-прежнему грустный мотив:

— Но была же гроза в лесу.

Поваленные сосны и много клейких шишек.

Запах от них сладкий.

Рвать приходилось нелегко.

Пальцы слипались, а под ногами —

Сорванные грозой провода...

Между проводами прыгали,

И много шишек нарвали, и пробовали их есть.

Мне вдруг показалось,

Что я только что разжевала эту шишку

(а ты уходил!),

И зубы склеиваются, и запах во рту зеленый...

Куда же ты уходишь?

Ведь это с тобой мы сидели на поваленной

сосне...

Гитара отзвучала.

В кабинете стояла тишина, и во всей милиции ночь. Послышалось, как автомобиль въехал во двор под окнами.

— Пошли, Влас, работать надо, — сказал Сергеев, подымаясь.

Этот Влас, красивый-то, не сразу поднялся, он глядел на девушку, он что-то хотел сказать, но не знал что, он не привык такое облекать в слова.

Они вышли.

Кажется, она как исполнительница ждала от них иной реакции, но реакция была вот такой, более чем сдержанной. И она успокоила себя тем,

что они выслушали до конца, не перебивая, а значит, в сущности, оценили исполнение. Розовая краска удовольствия растекалась по ее смугловатым щекам.

Она сидела довольная, немного уставшая от того, что пережила сейчас. Ей казалось, что нынче баллада «Про шишки» получилась куда лучше, чем в общепитии, где она выступала перед своими бывшими однокурсниками.

— Почему вы бросили учебу? — спросил Клековкин.

— Я не хочу быть математиком, — ответила она, думая о своем. — Ну а теперь, извините, мне пора. — Вздохнув, поднялась, точно засиделась в гостях, где ей, как всегда, пришлось петь. — Не вызовете ли вы мне такси?

— Вызовем, когда надо. Мы вас и доставим, если вы все расскажете честно.

— Ну знаете! Я поражена! — Она с размаху опустилась на стул. — Те ваши работники, что слушали, они поняли, по-моему. А вы? Как так можно — не разобратся! Вы же работаете с разными людьми!

— Я общаюсь здесь не с разными, а со всеми вами, кто не трудится, живет за чужой счет, болтается. Я-то знаю, до чего довести может эта жизнь с гитарой...

Его руки нервно отперли сейф, достали оттуда листочки, разномастные, грязноватые, скотчатые скрепкой.

— Ознакомьтесь...

Она не спешила брать.

— ...вон за тем столиком написано, где ТЫ сесть не захотела...

Она взяла, стала читать. Чьи-то безграмотные каракули:

«Я, Непоренкова Алла, была задержана в квартире неизвестного мне мужЩИны. Он ушел рано. Я осталась одна. Взяла его электробритву и положила к себе в сумочку. Взяла там же еще денег в тумбочке. Он мне оставил за ночь всего десять рр. Я взяла еще пятьдесят, остальные положила обратно».

«Объяснительная. Я была задержана в номере с мужЩИной по имени Олег. Он оказался фарСовщик. Я приходила в гостиницу каждый вечер. Шла в номер, куда говорила администратор Камова Лидия Трофимовна. Там были и другие девочки, они также работали, как я. Получали когда как».

«Признаюсь вам честно в том, что я занимаюсь тем, что встречаюсь с мужЩИнами и получаю от них денежные суммы, но бумажник не брала. Федоровская Инна».

— Какая гнусность! Зачем вы мне такое дали читать? — Задержанная швырнула бумажки.

— А ты не шуми!

— Не тыкайте!

— Вас тоже нашли в чужой квартире!

— Но... отпустите меня, ради бога! — взмолилась она.

— До выяснения не имею права, — сказал он и подумал, что она, в общем, неплохая, вот и чепуха эта, которую она тут напевала, не блатняцкая какая-нибудь, а вроде приличная. Конечно, она не из этих. Но из каких?

— Вас, значит, зовут Маргаритой? Маргарита Полякова... Вот что, Рита...

— Не зовите пожалуйста, меня Ритой, так меня никто не зовет. Я не люблю это уменьшительное имя. И лучше зовите полным. Друзья меня зовут Магой. Но вы мне пока не друг.

— Все вы что-то выдумываете, — он попробовал улыбнуться. Но поправка его уколола, и очень неприятно, и тут он понял, что в этой девице с самого начала обнаружил нечто укалывающее. Желание говорить с ней доверительно пропало, но он продолжал механически и даже нагло: — Вы, Рита, выдать, пока не знаете жизни. Кто ваши родители?

— Они инженеры.

— Вот видите. — Что он хотел этим сказать? Он злился, да и все! Какая противная девица, что она тут выпендривается? — Ваши родители как, одобряют ваш образ жизни?

— А чем плох мой «образ жизни»? Как все трудящиеся люди, я весь день сижу и сочиняю. Я пишу. Потом гуляю, развлекаюсь, езжу в гости.

— К кому?

— К друзьям. В том числе и к муЗЩИнам...

— И что, они тоже не работают, все наследство получили, ваши друзья?

— Ну почему! Один, например, работает сторожем. Некоторые учатся, некоторые еще ищут себя... Я ведь тоже ищу себя.

— Значит, вся компашка ваша дурью мается?

— Ну почему вы считаете бездельем поиск себя? — спросила она немного устало, словно даже смирившись со своим пребыванием в этом кабинете, все-таки «экземпляр» перед ней, по ее мнению, сидел занятный. — Ведь человеку, важно найти себя и потом уж творить, создавать... И я, как вы уже поняли, имею свои идеи, хочу их реализовать. Я, например, пишу цикл, посвященный творчеству Гоги. Я против сна разума, понимаете?

— Идеи! — скривился он. — Девочек с идеями-то вон полон лагерь под Тагилом! Одни проститутки... Все, побеседовали! — хлопнул он слегка ладонью по столу. — Гитару поставьте тут, пойдете. Меня ждут другие дела. — Он поднялся.

— Можно, я все-таки ее возьму?

— Нет, нельзя. Надо установить, кому она принадлежит.

Без гитары Полякова выглядела неуверенно. Деревянно ставя ноги, обутые легко и живописно, она пошла за Клековкин. Он запер кабинет, а в нем гитару, точно отрезав путь к сближению двух родственников, один из которых (гитара, конечно) мог защитить другого.

— Да, сроду не бывала в милиции, — говорила она, идя рядом с ним пустым коридором, где тускло и безмолвно расположилась ночь.

Девушка была высокой, выше Виктора Викторовича.

— Ну что ж, человек должен все в этой жизни увидеть, все познать, особенно творческий... — Она, кажется, нервничала, но ей было интересно, куда это они идут.

Она решила, что ради какой-то формальности

ее должны сводить к тому седому майору, а уж потом выпустят, и главная проблема у нее — такси. В городе очень плохо с транспортом. Но добраться можно. Родители, конечно, уже лезут на стенку. Мама особенно...

Они спускались по лестнице, выложенной розовыми линолеумными плитками. Везде стояла беспощадная тишина.

В подвале перед ними открылся вестибюль, и там — тот самый красивый статный милиционер по имени Влас...

Дальнейшее произошло быстро. Задержанная не успела даже оглядеться, как почувствовала нечто необычное: этот Влас подошел к ней, ласково улыбаясь, взял под локоть, и она плавно и незаметно для себя очутилась в полутьме за скрипучей дверью, которая крепко закрылась. Ее заперли! И вот на двери лишь окошко маленькое.

Она поглядела с изумлением сквозь переплеты решетки: за столиком сидел Влас, весело отвечая что-то уходящему Клековкину, вот и нет Клековкина, а один этот Влас, он обыденно развалился на стуле, закурил. Ей показалось, что одним глазом он посмотрел в сторону двери, за которой находилась она, и даже поймал ее взгляд изумленный через решетчатое крошечное оконце.

— Откройте, пожалуйста! Немедленно откройте! Я буду жаловаться! — прокричала она.

Откуда-то сбоку, из каких-то, видно, других дверей, существовавших тут же в подвале, раздался свирепый мат, но Влас на это внимание не обратил.

— Не шумите, девушка, — сказал он Поляковой, — утром вас выпустят, когда выяснят.

— Я прошу выпустить меня сейчас! Я требую! — сказала она.

— Я не могу, не положено.

Она почувствовала, что обида разогревает душу, растапливает слезы. Она нашарила рукой в полутьме лишь скамью, накрепко вделанную в пол. Это была, можно сказать, одиночка.

Она опять напомнила себе, что не так уж плохо ей понаходиться тут, и даже интересно, но душа почему-то не хотела мириться с дверью, с решеткой, с лавкой.

Она ощутила, теряет внутри что-то главное, будто сходит с рельсов, падает, и в этом падении начинает стучать кулаками в железную дверь и кричать, несвойственно себе грубо, и слышит свой голос со стороны:

— Откройте! Не имеете право! Я свободный человек! — С ней истерика.

— Полякова, замолчите, вам же хуже, работаете пятнадцать суток...

Дверь отворяется, и она пытается проскользнуть в свободное пространство между дверью и человеком. Она вблизи видит вовсе не красивое, а слегка разъяренное лицо караульного Власа, его рука крепко обхватывает ее локоть. Боль страшная пронзает все предплечье, в глазах темнеет, как перед обмороком. Она опоминается, лежа бочком на железной лавке в полутьме закрытой камеры.

Рука болит, и она вдруг понимает, что пальцы не смогут зажать струны...

«Франсуа Вийон, — вспоминает она сквозь слезы, — все свои стихи написал в тюрьме».

Она лежит и нашептывает, отбивая о край лавки ритм здоровой рукой. И слышит в себе этот ритм. Странно: он не грустный, он, скорее — мажорный:

— Вечер был поздний, улицы пусты,

А мне так хотелось увидеть тебя,

Поболтать с тобой о том, о сем,

Спеть тебе мою новую песню...

Тебя не оказалось дома,

А дверь была не заперта.

Что ж, я сяду на диван.

Сварю кофе, и буду петь новую песню,

Будто пою ее для тебя.

Возможно, что ты ее как-нибудь услышишь

И скорее придешь...

И вот я одна в пустой чужой квартире,

Я играю и пою...

И мне хорошо...

Я словно спящая красавица

Из сказки о семи богатырях...

Мага улыбается довольно и начинает снова.

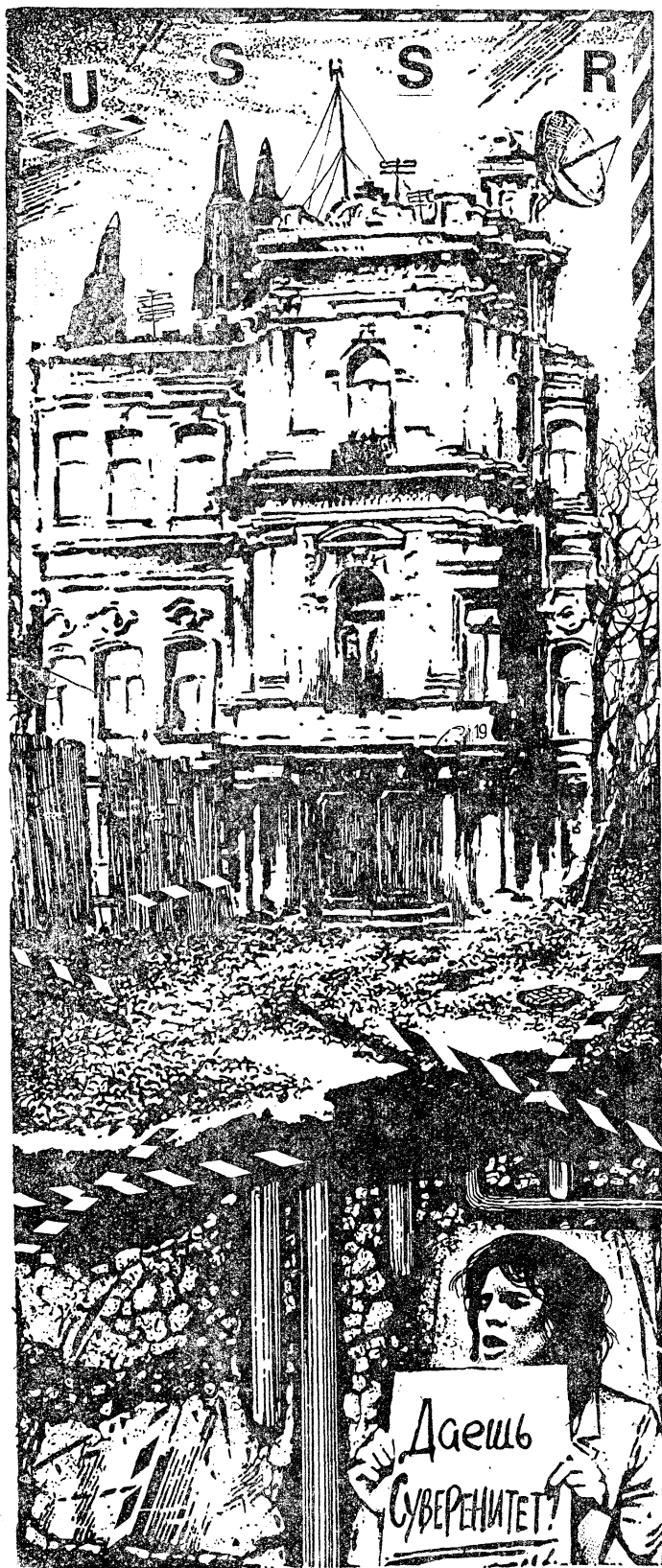
Утром ее отпирают, протягивают гитару, извиняются мельком какие-то незнакомые милиционеры, они сменили Клековкина и Власа.

Из ворот Мага выходит одновременно с двумя молодыми девушками, они матерятся.

Мага идет медленно, опустив голову, переходит улицу в неполюженном месте. Рука вроде отошла. Дождь усилился, но она не замечает, и можно подумать, что, бережно закутав платком, она несет живое существо.

Рисунок
Сергея Григорьевича

НЕЗАВИСИМЫЙ ДВОР

Герман
ДРОБИЗ

Наш двор принял декларацию о суверенитете и объявил, что отныне все имеющиеся во дворе богатства — постройки, недра, воды — принадлежат только нашим жильцам. Ну, воды у нас во дворе исключительно сточные, плюс после дождей скапливается лужа на въезде. Никто на наши водоемы претендовать не стал. Инвентаризация построек выявила: обвалившийся дощатый забор, песочницу для детей и четыре столба для натягивания бельевых веревок. За эти богатства тоже ни с кем бороться не пришлось.

Но вот недра...

Нет, проведенные нами бурильные работы не обнаружили, к сожалению, ни нефти, ни угля, ни алмазов, ни золота. Но одна из скважин привела в пустоту, а проба грунта принесла кусок бетона и обломок чугунного тубинга. И это не удивительно, так как под нашим двором проходит линия метрополитена. В наших, отныне суверенных недрах!

Верховный совет двора единогласно решил брать с метро налог за пользование нашими недрами. Его постановление в дирекции метрополитена подняли на смех. Тогда мы вогнали в скважину стальную трубу. Попали точно между рельсами. Прибывшую милицию на суверенную территорию двора не пустила наша добровольческая гвардия. Короче говоря, метро теперь исправно платит налоги.

Теперь наш план — начать контролировать свое суверенное воздушное пространство. Зоркие наши пацаны разглядели, что иногда на высоте около десяти километров в нашем воздушном пространстве пролетают самолеты «Аэрофлота». Собираемся идти в «Аэрофлот», знакомить их с постановлением нашего Верховного совета, а на случай возможного отказа в оплате налога колим средства для приобретения ракет класса «земля — воздух». Недешевое это удовольствие — суверенитет!

«Уральский следопыт»-1991

ПРОЗА

- Берроуз Э. Возвращение Тарзана в джунгли. № 4, 5
 Берроуз Э. Тарзан и его звери. № 9
 Вагнер Н. Сказки Кота Мурлыки. № 4
 Варламов А. Выход в эфир. № 3
 Верников А. Возврат. № 1
 Вигорова Н. Я воспою белокопытник. Рецепт Серафимы. № 3
 Винокурова С. Белая кость. № 6
 Дробиз Г. Независимый двор. № 12
 Кобылин В. Бриллиантовая цепочка. № 11
 Козулин Б. Сотый. № 1
 Кокошко Ю. Вертикальная песня, исполненная падающими на дерево. № 7
 Кристи А. Кража в «Гранд-метрополе». № 7
 Мятелков О. Мой друг Сяндбад-Мореход. № 8
 Покребышев О. Маленький очерк про большого язя. Мамина песня. № 4
 Рысев В. Викинг. № 11
 Рябинин Б. Вековая вода. № 11
 Силян С. Вокруг пальца. № 5
 Фомин Л. Шуркина война. Фрагменты романа «Стеклянный дом». № 2
 Фролова В. Блуждающие токи. Второе небо. № 4
 Цветаев А. Паганель. № 10
 Чекакина Т. Баллада с задержанием, или Спящая красавица из сказки о семи богатырях. № 12
 Щепетнев В. Ночная стража. № 10

ПОЭЗИЯ

- Ахметзянова З. Тайна. Остывает наша печка. № 7
 Гали М. «Исполненная клятва, боль живая...» № 6
 Гольд А. Ангалский мыс. Полярный круг-80. Танапча. № 5
 Казарин Ю. Какая песня горло обожгла... № 1
 Комлев А. Близкое. № 1
 Кормильцев И. Свежее утро. Иван Человек. Мне снился Христос. № 3
 Крапивин П. Стихи. № 1
 Марченко С. Течет пора земного бытия... № 8
 Найдич М. Тот первый полдень в душу постучится. № 11
 Наумова М. Стихи. № 12.
 Смелков Л. Стихи. № 11
 Сорокин Л. Стихи. № 8
 Сухов Ю. Иду душой озьябшено согреться... № 7
 Токмаков Л. Стихи. № 7
 Топоров В. Здесь Отечества дым... № 10
 Шамсутдинов Н. Третьяков. № 12

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

- Балабуха А. Распечатыватель сосудов, или На Моисеевом пути. № 1
 Богданов А. Праздник бессмертия. № 7
 Ветрова Т. Город, которому ничто не грозит. № 8
 Груздева Т. Подкидыш. № 12
 Другаль С. Нимфа и лейтенант. № 11
 Етоев А. Поучительный случай. № 3
 Крапивин В. Белый шарик Матроса Вильсона. № 6, 7, 8
 Прашкевич Г. Ловля ветра. № 3
 Слепынин С. Сфера разума. № 10, 11, 12
 Чуманов А. Ничто не ново — только мы. № 2, 3

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

- Борисов В. «Будьте щедрыми...» № 6
 Бугров В. С архивной полки. № 7
 Бугров В. Свердловск: «Аэлита»-91. № 10
 Бусыгин А. Ох, уж эта Алиса... № 6
 Иванов В. Покопаемся и мы в своих архивах? № 3
 Иванов В. Коммунистическое государство... иезуитов. № 11
 Казаков В. Кто такие «людены»? № 10
 Князева О. Викторина-90. № 2
 Лифанов С. Планета Венера: 1991, август — сентябрь. № 10
 На перекрестках времени: год 1991-й. № 2
 Новинки фантастики: 1989—1990. № 11, 12
 Путешествие на Канопус. № 1
 Фантастика под микроскопом. № 1, 8
 Чистяков В. Скоро будет весна. № 6
 Энгхольм А. Литературная война. № 3

КРАЕВЕДЕНИЕ. РОДИНОВЕДЕНИЕ. ТОВАРИЩ ВРЕМЯ. ЖДЕТ ЗАЩИТЫ. ХРИСТИАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ. ТРОПОЙ ПОИСКА. ПО БЕЛУ СВЕТУ. СТРАНА ТОПОНИМИЯ. ПАМЯТЬ. ЮНОСТЬ ОТЦОВ. РОДОСЛОВЫ.

- Акинъшин А. Дело краеведов. № 11
 Архипова Н. Загадка двух портретов. № 7
 Бирюков Е. Музей фотографии. № 7
 Блинов Н. Страдания Великого Учителя, господа и спасителя нашего Иисуса Христа. № 8
 Бердинских Г. Находка на реке Азлас. № 2
 Быховский И. «Весьма секретно. Дело о тюленях». № 3
 Вайсберг Б. История в лицах. № 6
 Верников С. Они дополняют книги, они исправляют карты... № 2

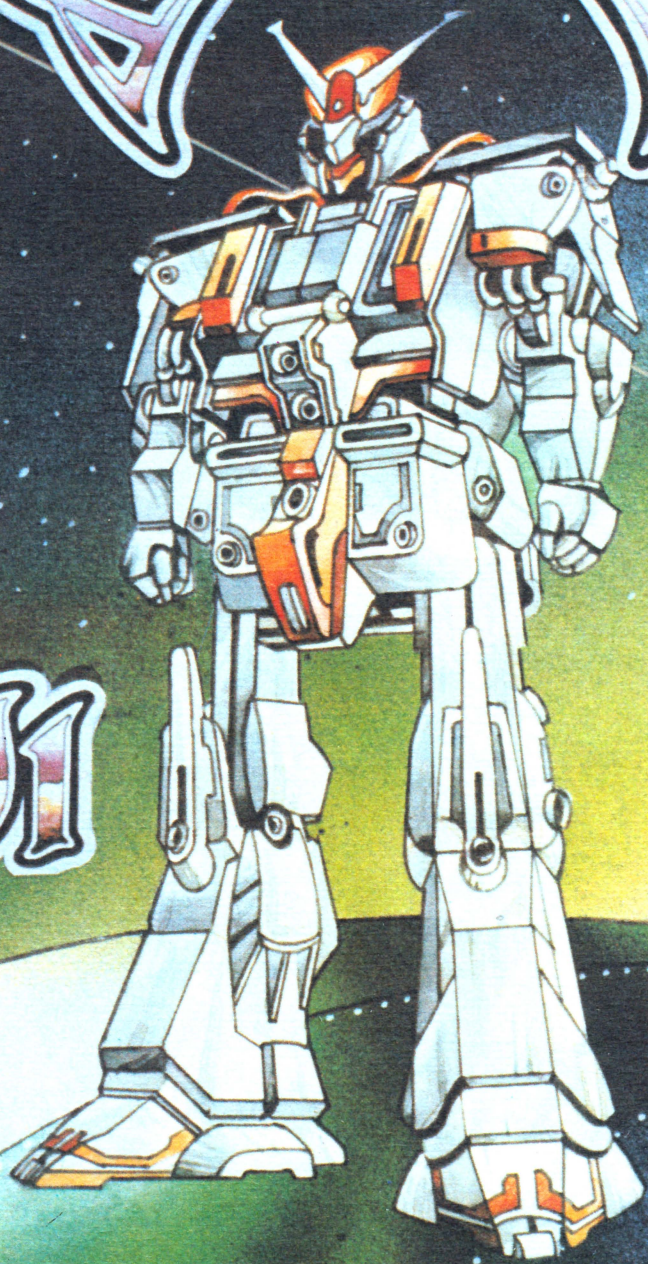
- Вишняков М. Тропой Черкасова. № 10
 Войнов В. Лев Троцкий на Урале. № 2
 Воронов Г. Где родился Карпинский? № 7
 Герасимов А. Незнакомка. № 5
 Горбунов Ю. Страдания Великого Учителя. № 7
 Дмитриев А. Трагедия «Российского Бисмарка», или Предводитель крестьянства. № 5
 Довгопол В. Противотанковые бутылки. № 6
 Дубленых В. «Бухаринец» Бессонов. № 3
 Енакаев Р. «Богов иных померкнут лики»... № 11
 Изюров Н. А судьи кто? № 5
 Иофин И. «Сорок первый, самый трудный год!» № 6
 Искрин М. Полицейская шапка. № 6
 Казанцев П., Ретунский В. Свет милосердия. № 5
 Казанцев С. Жизнь продолжается. № 11
 Карпенко П. Хотите — судите... № 5
 Кобзев И. Под красным знаменем против красных. № 6, 7
 Кобисский В. Легенды о Чингисхане. № 6
 Козлов Л. Памятник первооткрывателю. № 5
 Колесников П. Танки на пьедестале. № 6
 Колосницын В. Воздвижение Креста Господня. № 10
 Колосницын В. Рождество и крещение Господне. № 12
 Краеведческий бумеранг. № 1, 5
 Кузнецов А. Цветные названия вокруг Тотьмы. № 1
 Куртенок А. Братья-декабристы. № 4
 Лебедев М. Йонас в Калифорнии. № 3
 Лепский Ю. Должно быть место на Земле... № 8
 Лушников В. Упадет ли башня? № 8
 Лясик С. Загадка «гмелинского» клафтера. № 8
 Машин В. Бывали дни... № 2
 Медведев А. Рождение Богородицы. № 8
 Медведев А. Введение во храм Богородицы. № 11
 Мезенин Н. Птенец гнезда Петрова. № 7
 Мезенин Н. «Гениальный сын Никиты». № 8
 Мезенин Н. Младший сын комиссара Никиты. № 10
 Мезенин Н. Чудак и меценат. № 12
 Меньшиков В. За борами, за дремучими. № 10
 Меньшиков М. Бунт в Бродокалмаке. № 10

«Уральский следопыт»-91

- Мекш Э. Соловецкие посвящения Есенину. № 3
 Миллер И. «Ивакинский конторщик». № 3
 Моисеев А. Баллада о потерянном имени. № 1
 Непейн И. Русская «железная маска». № 4
 Носков М. Сентябрь сорок второго. № 5.
 Нюргусов И. Школа — хранитель фольклора. № 2
 Пашин В. Правнук унтера Лаврентия. № 1
 Поляковская М. Как мудр был учитель. № 6
 Попов С. Мифы Арктики. № 4
 Прекин Г. Гимназист Белинский. № 6
 Рачков А. Семь дней в джунглях. № 2.
 Русский двуглавый орел. № 7
 Рут М. Твоя родня. № 10
 Рыжова Т. Леонид Андреев в костюме босняка. № 11
 Рязанов Ю. Встреча с «белоликами». № 10
 Савинцев В. Пусть поименно всех уже не назвать... № 6
 Савченко А. Из коллекции Татищева. № 3
 Самарбаев Р. Культ журавля у башкир. № 2
 Светличный Н. Оса на Каме. № 11
 Сентябрев Ю. Храм Богородицы на Уфалейке. № 1
 Сентябрев Ю. Фантазии Скурихина. № 2
 Сентябрев Ю. Обитель Первыша Коркодинова. № 4
 Сентябрев Ю. Сирота николаевская. № 10
 Сентябрев Ю. Уржумская ласточка. № 10
 Семенчик И. Незнакомая война. № 5
 Семибратов В. Типография Луки Гребнева. № 2
 Скакунов Г. Грот разбойника Коурого. № 10
 Качилов В. Званый обед в Риме. № 10
 Слукьян В. Тайна глазами инженера. № 8
 Стежкина М. По Кенозеру. № 3
 Степанов В. Не исчезай, Атлантида! № 4
 Сурин Л. Врач концлагеря «Уманьская яма». № 6
 Уткин Б. Имени Сталина... № 3
 Черных Н. Вятский — мужик хватский. № 11
 Чечулин А. Камарада Вальтер. № 1
 Шипанова З. Первая любовь. № 5
 Шмерлинг С. Серебряный стакан. № 11
 Штильмарк Ф. Житие Вадима Раевского. № 4
- Шербинина О. И кресты воссияют. № 5
 Юдин В. Игнатий Юдин и другие. № 5
- НАУКА И ТЕХНИКА. ЭКОЛОГИЯ. ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. НАРОДНОЕ ПОГОВОЕВЕДЕНИЕ. НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ**
- Алан Ю. Под знаком Марса. № 11
 Буруковский Р. Несколько историй про тридакну. № 6
 Быкова М. Красноглазый леший, русалки... № 11
 Глотов В. Второе рождение. Ответы на вопросы читателей. № 1
 Дебердеев В. Чучуна мечет бумеранг. № 5
 Довгопол В. Железное дело Урала. № 12
 Иглин А. Заяц — не труси! № 3
 Ищенко Е. По следам инопланетян. № 4
 Ищенко Е. «Я вычислил день своей смерти». № 7
 Ищенко Е. Посланные Гончих Псов. № 10
 Ищенко Е. Сидик нужен всем. № 12
 Казанцев С. Мы сами закрыли. № 3
 Казанцев С. Мифы о Гагарине. № 4
 Кулешов Н. Некриминальная история. № 3
 Любовь и сердце беспредельности. № 12
 Ответ целителя Цзяна. № 6.
 Радченко Е. Искусство жить во Вселенной. № 3
 Рафиков М. Обломки НЛО? № 4
 Рафиков М. Слово и дело. № 8
 Рыженков Г. Народное поговоеведение. № 3, 5, 6, 11
 Тамсонов В. Пеликан сбил самолет. № 6
 Семенов А. Экзоты на окнах. № 1, 3, 5, 6
 Семенов А. Огород «Уральского следопыта». № 11
 Тихонов В. «Защищаю вас от... вас самих». № 5
 Чибилев А. Змеиные горы. Пришельцы из Каспия. № 2
 Шалимов А. Внутри Земли... ядерный реактор? № 1
 Ширяева Н. Высокий свет души. № 5
- ПУБЛИЦИСТИКА. ДИАЛОГ-КЛУБ. КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ. МУЗЫКА И МЫ. В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО. МИР НА ЛАДОНИ**
- Варлашкина Л. Сказы о самоцветах. № 8
 Вернисаж. № 8
 Виктор И. 2 «полярных» медали. № 10
- Горячев И. Художник с Уралмаша. № 10
 Дебердеев В. Человек — звено космической сансары? № 10
 Девиков Е. Царевна-лягушка из торфяного болота. № 11
 Денисов И. Реальные сказки Александра Разбойникова. № 5
 Казарина Ю. «THE MESSAGE». № 8
 Калужский А. «С новым вирусом в клетках...» № 3
 Кива А. Ответим по-русски? № 10
 Кононов Д. Оружие в руках чейенов. № 3
 Кузнецов С., Шинкаренко Ю. Ты просто был. Документальная повесть. № 12
 Максимова Н. Откуда ты, печаль? № 4
 Марьяна М. Нужен ли нам сегодня художник? № 3
 Марьяна М. Модели мира на тарелках. № 5
 Минский М. Операция Ван дер Бека. № 3
 Мурзин Г. Зоосад на монетах. № 2
 Понизовкин А. Биография «козла». № 2
 Понизовкин А. Пишите письма! № 7
 Руденко В. Талон для тессериста. № 1
 Симонов В. Ратная слава России. № 7
 Следопытский телеграф. № 1, 12
 Худына В. На полотнах — Мотовилиха. № 6
 Шинкаренко Ю. Месяц сновидений. № 3
 Шинкаренко Ю. Заложник. № 5
 Широкова Н. Затор в золотом устье. № 11
 Мир на ладони. № 1, 3, 4, 5, 6, 10, 11

Steelcraft

9'91

Anatomy

Рисунок ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Татьяна ГРУЗДЕВА

ПОДКИДЫШ

Рассказ

Рисунок Евгении Стерлиговой

Куб Филиала лежал в снегу. Летом зелень прикрывала его голые прозрачные стены, а зимой он был вызывающ. Доступен и открыт всем взорам, прострелян белым светом снега насквозь. И в то же время он был удивительно к месту здесь — гигантская граненая ледышка, брошенная в пушистый мягкий снег. И ни следа на сугробах.

Дежурный стоял в вестибюле, прижавшись к прозрачной стене. Он уже десять минут рассматривал низкое серое небо, близкий лес, наступающие сумерки. Дежурный ждал.

У дверей присела стайка разноцветных мобилей, из них вышли люди, и вестибюль оживил сдержанный негромкий говор. «Гости съезжались на дачу», — подумал Дежурный чьими-то словами. В самом деле — напоминает светский раут: красивые женщины в изящных туалетах, лощеные представительные мужчины, изысканная вежливость, тонкие, полные значения улыбки и взгляды. «Гости съезжались на дачу»...

Дежурный усмехнулся, но тут же рассудительно сказал себе: «Все правильно. Они такими и должны быть, те, кто сегодня почтил своим присутствием Филиал. Воистину — ЭЛИТА. Биологи. Психологи. Зоопсихологи. Парапсихологи. Психофизиологи. Психофизики. Физики. Самые громкие имена в своих областях. Самые светлые умы. Красивые женщины. Представительные мужчины...» Всего — человек пятнадцать. Дежурный пошел им навстречу.

В сердце Филиала, в прозрачной — как все здесь — клетке уже целый месяц спало Существо. Его подобрали далеко от Солнечной системы, на крохотной планетке, среди обломков неземного корабля. Корабль разбился давно, и Существо по всем статьям не могло быть живым. Но оно было живо. Оно спало. И его деликатно не стали будить. Так, сонное, взяли на борт и доставили на Плутон — на карантинную станцию. Потом — на Землю. Весь месяц Существо подробнейшим образом изучали — не повредит ли ему, не дай бог, перемена обстановки. Не получит ли оно психической травмы. Оказалось — нет. Существо вполне может приспособиться к земным условиям. Этот цветок мироздания достаточно жизнестоек. Не только на Земле, он способен процветать на любой из планет Солнечной системы. Вообще существо оказалось таким интересным, что его готовы были продержат в искусственной летаргии и два месяца, и три — лишь бы выкачать побольше информации. Но Заведующий Филиалом, человек немного авантюрного склада характера, размашистый и нетерпеливый (это он с первого же дня приклеил Существо кличку «Подкидыш»), добился того, чтобы Подкидыша разрешили разбудить. Это должно произойти сегодня. На глазах пятнадцати высоких гостей, не поленившихся явиться в этот зимний день со всех концов света.

Подкидыш отвратителен на человеческий взгляд. Он неприятно схож с людьми ростом и пропорциями. У Подкидыша есть голова, руки, ноги, он прямоходящий. А вот глаз у него нет. В грубых — напоминающих струнья — складках кожи торчит беловатая шишка. Но это не орган зрения. Функции бельма вообще не установлены. Не исключено, что это элементарный инопланетный прыщ. Голая кожа одинакова по всему телу. На лице такая же грубая и отвратная на вид.

Собственно — лицо? Нет лица. Есть плоская слепая морда. Белая фуфлыга на лбу. Чуть выдается вперед — как полукруглый надрез на бумаге — перепонка, приоткрывающая три ноздри. На голове — трехзубый же — нарост. Он похож одновременно на корону и петушиный гребень...

Может быть, из-за этого не торопились будить Подкидыша? Мало приятного — напрямую контактировать с таким уродом. Высокие гости не слишком усердно разглядывают его. А среди них — люди, выдавшие виды. Люди, которые умеют не отвращиваться. Что-то есть в Подкидыше жуткое, кроме жуткого вида. Именно поэтому между ним и людьми — тройной слой заграждения: прозрачная стенка клетки, защитное поле; а по периметру лаборатории, — механика давно минувших дней — сигнальные огни роботов, запрограммированных на биологическую опасность.

Дежурный с Заведующим поднялись в «скворечник», к аппаратам. Гости притаились за линией зеленых огоньков. Подкидыш, спавший клубочком среди клетки, шевельнулся, еще раз — сильнее — и встал. Гости колыхнулись, сдержанно прокомментировали это движение. Подкидыш оборотил к ним свое жуткое лицо, гребень мясисто дрогнул. Существо неуклюже шагнуло вперед и замерло у стенки клетки. Оно не смотрело, но видело, это поняли все. Зато не сразу поняли, что произошло следом. Подкидыш сделал еще шаг, хотя — по идее — не мог сделать: его не пустила бы стенка. Но — факт: Существо неспешно ковыляло прямо к оторопевшим людям. А была ли стенка? Может, прозрачной непроницаемой стенкой и не было?

Подкидыш низко взрыкивал — звуки были похожи на жалобное медвежье ворчание. Защитное поле он тоже игнорировал — будто того и не было — и теперь медленно приближался к обмершим бледным людям. Он чуть приподнял ладони рук, и все очень отчетливо — чрезвычайно отчетливо! — видели его когти. Длинные, похожие на наконечники, идеально прямые и очень острые.

Жалобно вскрикнула женщина: у гости не выдержали нервы. Еще был на кучку безоружных людей надвигался чудовищный монстр — и не было против него защиты. Первобытный Ужас явился людям. Они забыли, что совсем недавно бестрепетно изучали Существо. Сейчас им казалось: если это чудовище дотронется до кого-нибудь своей бугристой, будто большой, лапой — случится что-то страшное. Ужас погнал людей из лаборатории. Между ними и чудовищем мерцала только цепочка красных огней. Коротко взревела сирена, и на Подкидыше сошлись несколько хлыстовых разрядов. Тот вздрогнул, остановился и рявкнул в ответ своим медвежьим голосом. В реве различалась вполне понятная — земная — нота ярости.

«Ага, не нравится!» — было написано на некоторых лицах. Еще несколько разрядов полоснули дубленую космическую шкуру. Гребень на голове Подкидыша встал дыбом, самые кончики его неприятно вздрагивали. Истошно завопили уже несколько женских голосов. Огоньки периметра разом потухли, двое — особенно решительных мужчин, кинувшихся на Подкидыша, распластались на полу, бледные, недвижные, может — мертвые уже. Прочих — свирепо расшвыряло. От ударов о стены многие потеряли сознание.

Неуклюжий, плохо двигающийся, Подкидыш разил людей и их технику чем-то непонятным, беспощадным и быстрым.

Рухнул «скворечник». Искусственное освещение погасло, остался только свет белого пушистого снега за стенами... Подкидыш вразвалку шел к дверям. Дежурный, заваленный обломками «скворечника», отчаянно забился, стараясь встать и дотянуться до пульта.

Боковым зрением он видел, как Подкидыш, расставив когтистые лапы и глухо рыча, наступает на последнего человека, чудом оставшегося на ногах.

Молодая женщина стоит, прижавшись спиной к прозрачной стене, и не в силах оторвать огромных немигающих глаз от острых когтей, нацеленных ей в лицо. Подкидыш уже может достать до женщины, но медлит. Гостья дрожит и не отводит взгляд.

И тут — Дежурный себе не верит — девушка отлепляется от стены и делает шаг навстречу Существо. А чудовище на шаг отступает. Они идут, будто связанные веревочкой. Женщина наступает, Подкидыш пятится. Они медленно танцуют мимо лежащих на полу людей, и Дежурный, наконец, соображает, куда теснит Подкидыша нежданная спасительница. Рывком высвободившись из-под обломков, Дежурный прыгает к пульта.

Подкидыш, пяясь, заходит в свою клетку, его тело обмякает, и — как несколько минут назад — он спокойно сворачивается клубочком на полу прозрачного герметичного кубика. Дежурный крепко затворяет стену за ним.

— Варвара Юдина ее имя, — негромко говорит Дежурный.

За стенами кабинета продолжается снег. Лица людей еще бледны. На щеке Заведующего длинная припухшая царапина. На висках Дежурного — бляшки стимюляторов.

— Хозяйка Заповедника, — продолжает он. — В Филиал приехала по приглашению, как все, кто имеет дело с паранормальными явлениями. После того, как Подкидыш заснул, а гости приведены были в чувство — немедленно уехала. Связь с Заповедником — только в определенные часы, так что легче съездить туда, чем ждать завтрашнего дня... Но, мне кажется, это будет зря. Мне, кажется, она не согласится вернуться в Филиал. Иначе не удрала бы так поспешно.

— Не заносит ли тебя, парень? — спросил Заведующий, которому последнее замечание не понравилось. Дежурный холодно промолчал.

— Ладно, — Заведующий хорошо знал нрав своего помощника и сбавил тон. — Она, что же, одна живая душа на весь Заповедник?

— Нет. Там еще посменно работают человека четыре. Но все в Заповеднике делается с ее ведома и согласия.

— Варвара — значит «дикарка», — задумчиво сообщил Заведующий. — Она замкнутая, неразговорчивая, загадочная, любит ночь и волчий вой?

— Мимо, — усмехнулся Дежурный. — Обычная девчонка. Только очень упрямая. Потому и уверен, что толку от нее не добьешься.

— А ты не хочешь проехаться со мной до Заповедника? — спросил Заведующий.

— Нет, — вежливо улыбнулся Дежурный. И Заведующий отстал от помощника — упрямства у того было ничуть не меньше, чем у загадочной Варвары Юдиной.

На границе Заповедника он пересел на «упряжку» — забавную помесь дрезины, рессорной кареты и последних моделей мобила, простой и экологически безвредный вид транспорта. Всего-то и было в упряжке — упругая плоская поверхность, размером метр на метр, с трех сторон прикрытая легким барьерчиком: хоть стой, хоть сиди — одинаково неудобно. Зато быстро. Заведующий с такой скоростью летел сквозь заснеженный лес, что только в ушах свистело.

Упряжка остановилась сама. Дальше не было колеи — только тропка в снегу. Заведующий, бодрясь, прыгнул и потопал через чащу. Он очень неуютно

чувствовал себя наедине с лесом. Сугробы, тишина, мороз. Все такое настоящее...

Тропка вывела Заведующего к озеру. Черная живая вода среди сугробов снега, голых прутьев и каменной зелени елей вызвала странный приступ жажды. Заведующий даже губы облизнул, хотя знал прекрасно, что не подойдет к озеру и не зачерпнет воды. Холодно и без того. Он, кажется, только сейчас почувствовал, как холодно здесь. Декабрь. Разгар зимы, мороз под тридцать градусов.

Сзади послышался тихий предупреждающий рык. Заведующий оторвал глаза от черной воды, глянул вокруг осоловело, как со сна. На тропинке стояла преогромная серая псина, медленно дыбила шкуру и рычала.

— Но-но, Змейка! — прикрикнула, подходя, девушка. — Вы кто? А... — Узнала. — Из Филиала! Идемте в дом.

На берегу озера, оказывается, был дом. Такой же черный и занесенный снегом, как деревья кругом. Такой же молчаливый и отстраненный. Разве можно жить здесь? Совсем одной, среди дикого леса? И не одичать, остаться человеком?!

Заведующий искоса глянул на девушку, как она идет рядом, оглядывается на гостя, улыбаясь, явно обрадованная визитом. Обычная девчонка, прав был Дежурный. И все-таки... Недаром ей подчинился Подкидыш!

Они поднялись на скрипучее крыльцо, тяжело, с металлическим лязгом грохнули входной дверью, прошли большим холодным помещением с лавкой, на которой стояли ведра с водой, затянутой поверху льдом.

— Прошу, — девушка открыла вторую дверь, обитую клеенкой. И Заведующий вошел. И остановился, хлебнувши удивительного тепла, духа бревенчатого обжитого дома и недавно истопленной печи.

— Да в чем дело, Степан? Что вы так беспокоитесь? — удивленно пожала плечами Варвара. — Если нужно, я, конечно, поеду. А что удрала из Филиала — извините. Это все-таки был шок, чтоб после него прийти в себя, мне нужно отлежаться в своем логове. Да и не думала, честно говоря, что так скоро будет во мне нужда.

— Варя... А самой тебе хочется к нему ехать?

— Нет. Совсем не хочется.

Девушка сидела на табурете боком к Степану, отвечая, не повернула головы.

— Почему?

Она беспомощно пожала плечами:

— Он чужой. Я его боюсь... Нет, не то что боюсь, а не чувствую... — Варвара, пытаясь объяснить, морщилась и раздражалась помаленьку от того, что объяснить не могла. — Ну — не знаю я, Степан! Только возиться с вашим Подкидышем нет охоты. Какое-то предчувствие, что зря на него время потрачу. Он мне взаимностью не ответит. Он...

— Почему же ты хочешь снова ехать к нему?

Девушка подняла на Степана глаза, снова удивилась.

— Я не хочу. Но я же вам нужна? Начавши говорить — надо говорить до конца.

Они шли по коридору в кабинет — Заведующий Степан и невысокая девушка в теплом полуспортивном костюме. Двигалась Варвара легко, но все время словно притеревшись к себе. Так идет собака по незнакомому помещению — собранная, внимательная, готовая в любой момент остановиться или прыгнуть в сторону. Кстати — собака была здесь. Змейка всюду следовала за хозяйкой. Не паж, не телохранитель, даже не друг, а неотделимая часть Варвары — второе «я».

Они входят в кабинет, где ждет Дежурный. — Здравствуй, Ян, — говорит ему Варвара. Спокойно говорит, дружелюбно, но лицо «плывет».

Дежурный кивает девушке, усмехаясь:

— Здравствуй, Ведыма.

Степан удивленно глядит — они знакомы, оказывается? И тут же всплывает смутное воспоминание. Да, да, да! Ян ведь работал в Заповеднике! Там на него напал какой-то зверь, здорово порвал — парня еле выносили. В Заповедник Ян не вернулся, пришел работать в Филиал, к нему, Степану, в помощники... Но не время сейчас об этом.

Трое садятся за стол, на котором их ждет кофе и шоколад, и приступают к делу.

— Нет, — говорит Варвара. — И не мечтайте. Змейка туда не пойдет. Одна, во всяком случае.

«Почему?» — в который раз хочет спросить Степан.

«Потому, — молча отвечает Варвара, — что она не повинна в наших затаях. Так чего ради она должна страдать за чужие грехи? Это ведь, кажется, подлостью называют, когда кого-то — вместо себя?»

— Хорошо, пусть не Змейка, — покладисто отзывается Ян. — Но кого-то все равно придется пустить вперед для пробы.

— Нет, — снова качает головой девушка.

— Черт бы тебя!.. Почему?! — взрывается Ян.

— Вы хотите посмотреть, как он будет с ними расправляться? А я не хочу. И никого впереди себя не пущу.

— Тогда нам придется смотреть, как он расправляется с тобой, — замечает Степан.

Девушка трясет головой, досадливо полусмеется-полуморщится.

— Да поймите! У меня есть шанс. Я один раз уже заставила его себе подчиниться. А у Змейки, к примеру, этого шанса нет. Пустить ее первой — на верную гибель... Подожди, я не кончила! Так вот. Если вы решите иначе — я сию же минуту уезжаю. Вот теперь — все.

— Она права. — Ян отвернулся к окну. В последнее время за ним стала водиться такая привычка — разговаривать через плечо и созерцать летящий снег. Особенно когда он бывал недоволен собой и ситуацией. — Или мы используем ее способности, или ей здесь делать нечего.

Побагровевший от раздражения Степан цедит:

— Ну, ладно. А потом?

— Потом можете пустить ко мне Змейку.

— Нет, я не про это. Предположим — все кончится к общему удовольствию. Что потом делать с Подкидышем?

— Лишь бы опять не напал. Если не будет атаковать — попробуем договориться. Должен же он понять нас! Разумное же существо!

У Варвары вдруг вытянулось лицо. Как на ненормальных она уставилась на мужчин.

— Ты что, Варя? — Она молча кивает головой, отворачивается. — Тогда уточним меры безопасности, последовательность этапов эксперимента — и завтра начнем.

Пока Степан говорил, все время держал в поле зрения лицо Варвары. Ему очень не понравилась апатия, которая вдруг как громом поразила девушку. Вот она полулежит в кресле, уставилась в потолок, а на лице написана такая смертная скука, что, кажется, сию минуту, забыв о тактичности, примется зевать во весь рот.

За полчаса до начала Степан принес Варваре странный предмет. Это была короткая толстая трубка с рукояткой и кольцом, напоминающим гарду на рапире.

Была еще длинный желтый новенький ремень, чтоб носить трубку через плечо.

— Что это? — спросила девушка.

— Разрядник. На всякий случай, как последнее средство.

Варвара прикинула разрядник на ладони. Теплая тяжелая рукоятка приятно оттягивала руку. У девушки блеснули глаза. Она крутнула кольцо — оно нежно зарозовело, потом стало ослепительно белым, потом — не теряя спящего света — голубым и синим. Обими руками Варвара подняла разрядник на уровень глаз, расставила широко ноги, присела, резко обернулась вокруг себя, прыгнула в сторону, перебросила разрядник с руки на руку. Степан с уважением следил за девушкой. Как она двигалась! Молниеносно, точно. Будто танцевала или показывала хорошо отработанный гимнастический этюд. Только вместо мяча или обруча в руках у Варвары был разрядник.

Девушка остановилась перед Степаном, азартно блестя глазами. Убийственная штука, покойно лежащая в руке, ей явно понравилась. Варвара еще раз взвела разрядник на ладони и с сожалением протянула Степану.

— Ты что?! — поразился тот.

— Оставь себе. К Подкидышу я с этой штукой не пойду... Понимаешь, Степа, — добавила проникновенно, — будет искушение воспользоваться... Я на себя не надеюсь. Я трусиха. Как начну палить с перепугу...

Степан вспомнил, как девушка играла с разрядником — словно кошка с мышью — и не поверил ей. Но натолкнулся на твердый взгляд, помедлил и забрал оружие.

Варвара стоит перед прозрачной стенкой и смотрит, как Подкидыш просыпается. Куда медленней, чем в первый раз. Вот он встал. Мясистый гребень надо лбом дрогнул, отыскивая в окружающем пространстве человека. Но Варвара опередила следующее движение и шагнула навстречу сама. Подошла почти вплотную, заговорила. Подкидыш не атаковал.

— Варя, — сказал тихо из «скворечника» Степан. — Пусть он сделает что-нибудь простенькое — сядет, ляжет... Проверь, как он тебя слушается.

Подкидыш покорно сел, покорно лег. Он вообще оказался понятливым товарищем. Кажется, помнил свое первое, неудачное пробуждение и бунтовать не пытался.

В «скворечнике» успокоились. Перебросились репликами и решили, что в первый раз были виноваты сами. Испугались. Наделали глупостей. А надо было спокойно, с самого начала спокойно. Подкидыш умница, он бы все понял.

Но приборы показывали, что Варвара и не думала расслабляться. Девушка настороженно следила за Существом. «Я трусиха», — вспомнил Степан и улыбнулся. Да, вот теперь похоже, что и в самом деле так.

Первый этап испытаний закончен. Положительно. На пять с плюсом.

— Степан, — позвала девушка. — Пускайте Змейку.

И сквозь раскрывшуюся прозрачную стену к хозяйке радостными скачками понеслась собака.

Гребень на голове Подкидыша резко дернулся. Зейка споткнулась на ровном месте и, перекувырнувшись через голову, безвольно распласталась у ног Варвары. Девушка, как раненая, начала падать на колени перед собакой, но вдруг изменила направление и встала, заслоняя от Подкидыша Зейку. Она не драгивалась до Существа, но оно отлетело в угол своей клетки и скорчилось там.

— Смотри, — без голоса сказал Ян, указывая на измеритель. — Зашкалило! Что там у них?!

Зейка слабо постучала хвостом по полу, когда

Варвара наклонилась к ней и погладила дрожащей ладонью. Девушка подняла собаку на руки.

— Пропустите нас! — хрипло приказала тем, кто был в «скворечнике».

Стена раскрылась, Варвара не оборачиваясь проследовала в лабораторию. Подкидыш, пришибленный и еще более неуклюжий, шагнул за нею. Мужчины ссыпались из аппаратной им навстречу.

Варварино лицо цвело по скулам краснотой, голос хриплый, низкий, недобрый. И вообще, вся она сейчас — как жало: где ни тронь — везде твердо и колется.

— Этот — пойдет со мной, — зло и безапелляционно кивнула она на Подкидыша. Пондобнее перехватила Зейку, направилась к дверям. И никто не решился сразу остановить ее.

Степан прыгнул с упряжки и привычной тропкой пошел к Варваринной избушке. Навстречу ему запахнула дверь, и с азартным лаем с крыльца сиганула мохнатая псина.

— Зейка, паршивка! — полетел ей вдогонку девичий голос. — Кто двери закрывать будет?!

Степан сбил снег с сапог и шагнул в избу. Который раз он приезжает сюда, но так и не привык к этому наслаждению — ступить через порог и прямо с морозной снежной тропки попасть в живое тепло Варварина дома.

— Привет, Хозяйка! — весело здоровается Степан, скидывая куртку. — Как живете?

Варвара, не вставая с табурета, на котором сидит, прислонившись спиной к теплому боку печи, замечает, вместо приветствия:

— Ты похож на врача. Такой, знаешь, сельский лекарь, явившийся с профилактическим осмотром: «Как живете? Как животик?»

Степан смеется. Ему нравится Варвара, нравится ее образ жизни и простота нравов в Заповеднике. Ему здесь хорошо.

— С профилактическим — куда ни шло. А вот не приведи бог появиться мне здесь ангелом «скорой помощи»!

— Чаю хочешь? — улыбается в ответ девушка.

— Хочу. Но сначала — осмотрим пациента.

Оба поворачиваются к пустому углу, в котором сидит Подкидыш. Как он выламывается из стилия этого дома!

Голая морщинистая кожа, нечеловеческая морда, мясистый жуткий гребень — все бьет по глазам, все противоречит морозу, белому пушистому снегу за окном, бревенчатым стенам, столу под клеёнкой, живому теплу печи, мохнатой Зейке и — естественно — человеку, который создал этот теплый добрый мирок. Среди прозрачных стен Филиала Подкидыш смотрелся куда органичнее!

Степан не торопясь подошел к Существом, осмотрел, стараясь не касаться кожи, браслеты на запястьях его рук. Пощелкал чем-то. Достал из кармана аппарат с экранчиком, подключил к нему оба браслета, последил за стрелками, отрегулировал что-то. Через эти браслеты Подкидыша дистанционно кормили, заодно — следили за деятельностью организма. Когда обстановка накалялась — могли заставить заснуть. Страховка. Только на таких условиях Подкидыша решились выпустить с Варварой за стены Филиала.

— Все в порядке.

С лица Степана сползло стылое выражение, когда он отвернулся от «пациента» и пошел к столу, где его ждал фирменный Варварин чай — в большой глиняной кружке, густой и сладкий, чудовищного колера напиток.

— Как ты с ним живешь под одной крышей? Я бы

не смог. Я бы все время ждал, что ночью он на меня кинется и задушит...

Варвара уклончиво пожала плечами. Этаким рассеянно-скудливый жест — тебе, мол, не объяснить. Задумчиво ответила:

— Ночью он спит. А напасть мог бы и сейчас — что ему ваши браслетки...

Степан вздрогнул, посмотрел на Подкидыша, на Варвару. Девушка в спокойной меланхолии, то, что она сейчас сказала, ее не трогает, кажется?

— Кстати, — совсем не кстати вспоминает Степан. — Мы думаем, что пора вам с ним кончать жить затворниками.

Варвара подобралась, глянула остро.

— Да-а? И куда вы намерены нас сплавить?

— Для начала слетайте на стратоплане в Институт, это уже другое полушарие. А потом... Будете ходить по гостям. Список — к кому можно и нужно — мы тебе приготовили. И ты будешь не одна, конечно.

— Яна приклеите? — усмехнулась Варвара.

— Или меня, — Степан все еще пытался сохранить благодушный тон, но у девушки уже круто изменилось настроение.

— Зря все это, — сказала она.

— Варя... Не понимаю, — Степан настойчиво смотрел на девушку. Он предлагал поговорить, наконец, серьезно. Но Варвара серьезно говорить почему-то упорно не желала.

— А я — понимаю? — сварливо ответила она. — Отстань, Степан. Я тебе с самого начала свое отношение ко всему этому высказала. Не начинай по новой, оно с той поры ни капли не изменилось.

— Дикарка упрямая! Ну как, скажи, с тобой работать? И что делать с твоими «чувствами»? Я им, допустим, верю. Ян верит. А всем прочим нужно что-нибудь посущественнее смутных твоих ассоциаций. Ты можешь точно сказать — что тебе не нравится?

— Не могу.

— А что ты от нас хочешь, каких действий?

— Не знаю.

— Вот и не вороти нос, голубушка. Мы хоть ищем, работаем, а ты демонстративно бездельничаешь. У тебя же на лице написано: «Знаю, да вам не скажу». А выходит — не знаешь? Кончай морочить нам головы, девушка!

— Так, — Варвара выпрямилась. — А теперь ответь ты мне. — Она указала на Существо, смиренно сидящее в углу: — КТО ОН?

— Чужой разум, Варенька, совсем чужой.

— Разум?! — Варвара разъярилась, глаза засверкали зеленым. — Так что ж вы с этим разумом обращаетесь, как с собачонкой?! Как со свиньей подопытной?!

— Но, Варенька!..

— Этому разуму здесь место! Здесь! Понял?! Или выкинуть его, к чертовой матери, откуда взяли! А среди людей ему делать нечего!

— Варька, да ты что!..

Собака давно с угрожающим интересом переводила взгляд с одного орущего человека на другого. Теперь шевельнулось в своем углу и Существо.

— Все, — мгновенно остывая, сказала Варвара. — Убирайся, мы его растревожили.

Степан в полном обалдении оделся и пошел к двери. На крыльце Варвара вдруг снова задумчиво сказала:

— Ты никогда не думал, почему именно мне подчинился Подкидыш? Я интересовалась — тогда среди гостей было немало... уникалов. У некоторых способности и поболе, чем мои!

— Тебе, дура, повезло, — проворчал Степан. — Ты на ногах осталась.

Девушка покачала головой:

— Что причина, а что следствие... Тоже не знаешь, в общем... Ладно, иди. Счастливо добратся!

— Сдвиг по фазе — вот что такое вся эта история!..

Ян старался не слушать Варвару. С момента, когда они встретились в зале ожидания, и до самой посадки в стратоплан девушка изъяснялась исключительно такими вот невразумительными сентенциями. И надоела Яну до последней степени. Подкидыш сидел в кресле между Варварой и Яном. Усохший, вялый, покорный. Девушка игнорировала своего подопечного. Ян сперва поглядывал на него с опаской, потом тоже успокоился. Подкидыш ничем не мешал своим вожакам. Ян начал дремать, а девушка говорила, говорила... Стратоплан взлетел. Варвара увлеклась, начисто забыла, что предмет ее рассуждений сидит тут же, в соседнем кресле. А зря забыла. Кому как, а ей не простительно. Она должна была сразу заметить, что Подкидыш весь натянущся, едва снряд вышел в стратосферу и притяжение ослабло. Движения Существа, такие неуклюжие на земле, вдруг стали упругими, точными. Гребень расправился и теперь постоянно, почти неуловимо для людского глаза, вибрировал.

То, что случилось дальше — было для всех громом среди ясного неба. В герметически закрытом помещении взбесился ураган. Людей вырвало из кресел и швыряло по салону. Приборы управления сошли с ума. Стратоплан начал падать.

Подкидыш, молниеносный и страшный, был уже у грузового выхода, когда гигантскими прыжками его догнала Варвара, рванула за руку и встала, загораживая дорогу.

Снова, как в Филиале, Ян увидел помутившимися глазами, как девушка и Существо стоят друг против друга. А в ушах настойчиво зазвучал голос Варвары, те самые слова, в которые он не удосужился вслушаться.

... — Объясни мне, классный специалист, почему, с каких таких коврижек вы считаете его разумным? Нет же! К нему все с самого начала относились как к животному. К зверю! А сами болтали о контакте. Знаешь, почему Подкидыш слушается меня? Потому, что умею со зверьем ладить... Ян, поросенок, ты не слушаешь меня? Ау, милый, прорисни!..

По салону понесся низкий рев. Варвара шагнула вперед, подняла руку, чтоб взяться за браслет. Навстречу этому движению мелькнула когтистая лапа. Варвара ахнула и отшатнулась — пальцы и ладони залила кровь. Такой же быстрый болезненный толчок в плечо — чуть-чуть не по горлу — и девушка упала, а Существо растворилось в звездной ночи Космоса.

Люди приходили в себя. Кто-то ругался, кто-то рыдал, команда стратоплана торопливо выправляла полет и требовала у Земли аварийную посадку. Ян, пошатываясь, поднялся и отыскал глазами Варвару. Девушка сидела перед грузовым выходом, вполне живая, растрепанная. Недоуменно поглядела на двери, где последний раз видела Существо. Подняла к лицу разодранные в кровь руки... и засмеялась. Ян со всех ног кинулся к ней.

— Варя, ты что?!

А она продолжала смеяться — облегченно, с наслаждением.

— Он же просто волк, Ян! Как я сразу!.. Он же совсем дикий! Он бы все равно сбежал от нас. Вот почуял волю и сбежал. И разукрасил меня на прощание. И поделом! Чтоб больше не принимала зверя за разумное существо!

1991-й... 1991-й?!

Краткая хроника событий, «запланированных» фантастами

Как ни удивительно, но и в нынешнем — никак не «круглом» — году улов наших читателей отнюдь не скуден! Что ж, искренне признательны всем вам за бескорыстную помощь, дорогие товарищи А. Дороднов (Ульяновск), А. Лысенко (Шевченко КазССР), А. Лапудев (Железнодорожный Московской обл.), А. Почуев (Крутой Верх Тульской обл.), С. Петрова (Баево Вологодской обл.), Л. Выставкин (Москва) и еще многие, кто, перелистывая НФ, помнит вот об этой традиционной нашей хронике...

1991. Изменив зародышевую плазму шимпанзе, Делмар Скуовер произвел на свет нового Адама — гибридное существо, нечто среднее между обезьяной и человеком (Д. Дилэйни. Скачок мысли. Рус. перевод — 1988).

1991. Швейцария, Швеция и Австрия заключили пакт о разоружении и упразднении армий (Г. Тер-Степанян. Разумнее людей. 1989).

1991. Исполнилось семь лет Леонанту Некеру, в будущем — слушателю военного училища «Страторис», а еще позже — генерал-майору, начальнику Отдела кризисных ситуаций Международной Службы Безопасности (А. Бушков. Великолепные гепарды. 1990).

1991. Перенесая на своей МВ в 1962 год, наш юный современник смог на 5 рублей купить целую сумку картошки, чем несказанно удивил маму (Т. Кириченко. Шел год 1991-й. Радиорассказ. Прочитан 9 марта с. г. по 1-й программе в передаче «Час фантастики»).

1991. На Земле разразилась мировая война (А. Хлебников. Третья мировая война. 1977).

1991, 14 апреля. День писателя: Всемирная Служба контроля над народонаселением устранила в этот день «кзлизшек» представителей данной профессии, в том числе — 80-летнего нобелевского лауреата Эдмунда Дарлинга (Д. Блиш. День статистика. Рус. перевод — 1980).

1991. Спасенный от неминуемой гибели, живет в аппарате профессора Тибо мозг изобретателя устройства, которое потоком нейтронов уничтожает опаснейшие из вирусов

(Е. Валлих. Эксперимент. Рус. перевод — 1974).

1991, 2 мая. Вторую годовщину со дня всемирной ядерной катастрофы 1989 года отметило заметно поредевшее человечество, занятое исключительно проблемами непосредственного выживания (Д. Типтри. Человек, который шел домой. Рус. перевод — 1990).

1991, май. Отпраздновал свое 50-летие новосибирский писатель Илья Петров, прошлой осенью ставший участником первого путешествия на МВ в будущее (Г. Прашкевич. Кот на дереве. 1986).

1991, май. Главный инженер, комиссар Старого Парижа издал приказ, запрещающий езду машин на жидком топливе в пределах Парижа (Б. Виан. Париж, 15 декабря 1999... Рус. перевод — 1984).

1991, 29 июня. Исполнилось 70 лет Алоису Чиржичеку, диссоциировавшему себя в 1984 году на 100 лет (Р. Клабал. Если вы такой умный, то скажите, где трупы. Рус. перевод — 1988).

1991. Окончил профессиональное училище и начал работать сборщиком сфинкс-клапанов на заводе фирмы «Космические корабли «Старлинг» некто Билл, будущий правитель земледоподобной планеты в Свободном Космосе (Р. Шекли. Я и мои шипки. Рус. перевод — 1968).

1991, июль. Состоялся Всемирный симпозиум специалистов по четвертому измерению (В. Кадырбаев. Собачий нюх. 1989).

1991. На Луне появились первые поселения. В Сибири, между Тюменью и Сургутом, создана школа озеленителей планет: будущие специалисты стажировались в экстремальных условиях тундры (В. Михановский. Гостиница «Сигма». 1974).

1991. Принят закон, запрещающий все разновидности «так называемого» подлинного искусства, запрещающий Моцарта, Бетховена — все, что способно «разбудить мысль и вырвать человека из его естественного счастливого, бездумного состояния» (Н. Нильсен. Никудышный музыкант. Рус. перевод — 1971).

1991, 9 августа. В ходе биологического эксперимента усыплены ученые Макс и Альберт — им суждено проснуться через 50 лет в мире

женщин (Фильм «Новые амазонки». В нашем прокате — 1987).

1991. Защитил диссертацию, получил степень доктора и принят на работу в лаборатории на мысе Кеннеди младший сын фермера из штата Кентукки; ему предстоит стать в будущем командиром засекреченного космического корабля, а затем — Кецалякоатлем древних ацтеков (Х. Лампо. Рождение бога. 1964, рус. перевод — 1981).

1991. Полдюжины членов «Красных бригад», Лидия Ланч и двое ветеранов СОА устроили погром на фестивале «Партизанского театра», проходившем в американском кафе в Берлине (М. Рейдалл. Постель и завтрак. Рус. перевод — 1990).

1991, осень. Исполнилось 100 лет исчислению будущего — науке, позволяющей с математической точностью прогнозировать грядущие события (В. Журавлева. Некий Морган Робертсон. 1980).

1991, 14 декабря. Вернулись в Нью-Йорк пассажиры, путешествовавшие на комете (М. Твен. Любопытное и приятное путешествие. Рус. перевод — 1975).

1991. Исполнилось 30 лет Жюлю Элвину. Калека от рождения, движимый мечтой подняться на Эверест, он сделал величайшее открытие XXI века — создал аккумуляторы гравитации (А. Кларк. Безжалостное небо. Рус. перевод — 1979).

1991. В результате культурной революции в Мексике возникли новые праздники, развлечения, обычаи; традиционную Деву Гвадалупанскую сменило новое божество — Дева Мамадок; распространился новый язык «англатль», в соответствии с нормами которого переименованы города — напр., Макесико-Сити (К. Фунтес. Христорфор Нерожденный. 1987).

Кроме того, по-прежнему продолжают спать, замерзнув во льдах и снегах, герои книг «33 марта» В. Мелентьева (1957), «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970), «Завешание каменного века» Д. Сергеева (1971) и многих других.

Кроме того, по-прежнему же находятся в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени...

Рисунки
Нatalьи Ермолаевой

Семен
СЛЕПЫНИН

Сфера Разума

Роман

Окончание. Начало в № 10, 11

Тем временем туча уползла за горизонт. За ней вдогонку неслись разрозненные хлопья облаков, похожих на стаю розовых птиц.

Юноши и девушки собирались разлетаться по домам, когда в небе проплыла еще одна небольшая, но грузная, перенасыщенная влагой тучка и обрушила шумные каскады воды. В лучах закатного солнца дождевые струи, толстые, как веревки, выглядели золотыми. Девушки запели и закружились в танце. Парни хохотали и прыгали по лужам, взметывая облака искрящихся брызг. За сияющей сеткой дождя девушки казались призрачными, сказочно нереальными. И ребята, глядя в их сторону, кричали:

— Валькирии! Валькирии!

А в ответ сквозь клетот воды слышали звонкие девичьи голоса:

— Викинги! Викинги!

Утром следующего дня все семнадцать юношей и девушек предстали перед приемной комиссией Академии Дальнего космоса с грозowymi знаками «Валькирий».

— Слышал уже о вас, слышал! — с улыбкой сказал председатель комиссии. — И даже немножко видел в небе! Ну что ж, братья и сестры грозы, у нас нет оснований не верить Сфере Разума, а потому будете учиться у нас...

Очнувшись, я вскочил с кровати. В ушах еще звенел зовущий грохот грома, голову кружил аромат ливня и грозы. Но, подбежав к окну, я увидел страшный палисадник в лунном свете, все понял и закричал:

— Зачем разбудили меня! Зачем!

В груди зашевелился, застучался мой ночной собеседник, я услышал в себе встревоженный голос:

— Тише! Конвоиры проснутся...

— Извини, — успокоившись, сказал я. — Но меня вырвали из грозowych облаков... Вырвали из жизни на самом удивительном месте!

— Оглянись вокруг и вспомни. Увы, ведь это тоже твоя жизнь. И ты должен...

— Все знаю и помню. И я готов...

— К чему готов? Уж не задумал ли ты какую-нибудь нелепость? Признайся.

— Недалеко от моего коттеджа сооружена секретная лаборатория для взлома барьера времени. Постараюсь проникнуть и заложить бомбу.

— Не смей этого делать! Выдашь себя и сорвешь задание. Ты должен вернуться живым и запомнить, как отзовутся на мире изгнанников новые эксперименты ученых. Скоро начнется заключительная серия. Сейчас тебе надо хорошо выспаться. Неплохо, если бы тебе приснилось что-нибудь успокоительное и приятное. Например, Аннабель Ли.

— Не ехидничай. На меня куда большее впечатление произвели валькирии.

Однако снились мне не валькарии, а Лебединое озеро, легкие туманы над ночным зеркалом воды и, конечно же, красавица балерина. И всю ночь слышалась тихая музыка, где серебряным колокольчиком звенело имя: Аннабель Ли... Аннабель Ли...

Но что это? Нежный перезвон колокольчиков сменился оглушительным гулом колоколов, и я бежал уже по какой-то пустыне. Падал, потом вскакивал и снова мчался изо всех сил, спасаясь от грохота. Грозные звуки накатывались волнами, настигали, затопляя душу ужасом. Я медленно пробуждался от нарастающего, как катастрофа, вопля колоколов...

Великий Гроссмейстер

Проснулся я от грохота городских колоколов. Он возвещал о том, что новый день начался пытками, вселяя в души горожан страх и послушанье.

На столе уже дымился обильный завтрак. Мои конвоиры сидели сжавшись, с заметно побледневшими лицами. А когда с башен собора Парижской богоматери докатывались громкие и чуть дребезжащие удары, Усач вздрагивал и... крестился.

— Не вешать носы, братцы! — ободрял я. — Нас еще не скоро сожгут. У нас есть чем оправдать свое существование: вчера я закончил симфонию.

Позавтракав, мы отправились в Департамент исторических персонажей. Там симфонию в целом одобрили и дали две недели на доработку.

Две недели — более чем царский подарок. За это время ученые успеют провести две заключительные серии экспериментов. Их результаты отпечатаются в моей памяти, и я сумею вовремя отсюда удрать.

Первая серия началась на другой же день. С утра из подвалов зданий, как тараканы из щелей, стали выползать шипящие, полупрозрачные и быстро исчезающие шары, которые я назвал информационными клубками. Прохожие с воплями разбегались и прятались по домам. Около полудня из леса прискакал конь с головой дракона. На площади он завертелся и превратился в дымный вихрь, в котором угадывались зыбкие очертания ведьмы. Скоро ведьма материализовалась и стабилизировалась, но тут же взлетела вверх и лопнула, как мыльный пузырь, не оставив ни малейшего следа.

Я понимал: в далеком будущем на какой-нибудь внеземной станции ученые нащупывают способы управлять выбросами информационных полей. Здесь же их потоки и нити беспорядочно переплетаются и овеиваются в виде клубков или физически неустойчивых составных, гибридных образований — чудовищ, какие не могли присниться и в страшном сне.

— Я тоже становлюсь дурацким гибридом, — невесело усмехаясь, сказал мне вечером в кафе дядя Абу. — В моих жилах иногда вместо энергетической плазмы течет обыкновенная кровь.

— Ты очеловечиваешься! — убеждал я его. — Твоя физическая природа, лишаясь дьявольской силы, приходит в соответствие с изначальной человеческой сущностью. В лесу два коня, и мы вернемся на них домой.

Дядя Абу слушал меня с недоверчивым и унылым видом. Но вот он выпил рюмку коньяка, и щеки его порозовели, глаза повеселели и заблестели, увя, демонической отгагой.

— Я еще покажу себя! Тряхну богатырской силушкой!

На улицах и площадях, словно дождевые пузыри, продолжали вспухать и лопаться непонятные, наводящие суеверный ужас чудовища. Изгнанники чувствовали, что кто-то могущественный подкрадывается к их миру и толкает его в пропасть. У драконов, чертей, вампиров, штурмбанфюреров опустились руки. К чему стараться, если близок конец света? Опустели цеха заводов, не слышно гула подземной лаборатории и даже звона колоколов.

Через день гибридные чудовища перестали приходить. И мусорная яма Сферы Разума ожила, зашевелилась. Изгнанники лихорадочно спешили. Под землей они с дьявольской скоростью построили новую лабораторию, где загудели взятые из Памяти синхрофазотроны. Ходили слухи, что изобретается пушка, способная будто бы пробить дыру в барьере времени. А если скопившаяся здесь нечисть сумеет вырваться на свободу и просочиться на цветущие поля будущего?

Опасность мне казалась реальной. Я решил незамедлительно проникнуть в лабораторию и оставить бомбу с часовым механизмом. Шаг отчаянный, и все закончилось бы скорее всего моим провалом.

Нежданно-негаданно выручил Алкаш. Не такой он простачок, каким казался. Алкаш, видимо, давно вынашивал и наконец осуществил поистине дьявольский замысел: подкинул такую «бомбу», от взрыва которой мир изгнанников не мог оправиться уже никогда.

А началось все вроде бы с пустяка, которому на первых порах я не придавал особого значения. Однажды я зашел к Алкашу поиграть в шахматы. В первой комнате за столом с картами в руках сидел Мефодий и с нетерпением поджидал моих конвоиров.

— А где Носач? — спросил его Крепыш.

— Там, с хозяином, — ухмыльнулся Мефодий и кивнул на дверь в соседнюю комнату.

Дверь распахнулась, и появилась Носач. Но в каком виде! Мушкетерская форма обвисла, шпага волочилась по полу. Глаза Носача, прежде всегда унылые, светились весельем и задором. Нетвердым шагом Носач подошел ко мне и, протянув стакан с водкой, подмигнул:

— Выпьем, дружище!

— Не пью, — сухо ответил я, задетый запанибратским обращением черта.

Икнув, Носач поставил стакан перед Мефодием и предложил:

— Отведай еще раз.

Мефодий понюхал, поморщился, но, к моему величайшему изумлению, отпил полстакана.

— Видел? — смеялся Алкаш, когда мы остались с ним вдвоем. — Лед тронулся! Совратил я их! Великие трезвенники поддались искушению.

Сам Алкаш был уже навеселе, что не помешало ему довольно быстро поставить мне мат. Проиграл я и вторую партию. Свою неудачу я оправдывал тем, что беспокоил шум в соседней комнате: как бы чересчур оживленная игра в карты не закончилась потасовкой.

Когда возвращались домой, гусары мои что-то уж слишком возбужденно, размахивая руками и крича, обсуждали перипетии карточных сражений. От них слегка попахивало водкой.

На другой день вечером, после дьявола-служения, они отправились к своим друзьям поиграть в карты. Я отпустил их, довольный тем, что весь вечер останусь один. Однако после полуночи стал с беспокойством выглядывать в окно. В такой поздний час моих конвоиров могли задержать патрули и избить палками за то, что оставили своего хозяина без надзора.

За окном метались мокрые ветви сирени, порывами налетал ливень. Сквозь свист ветра, дополняя картину ненастья, слышалась далекая песня про камыш, который шумел, про деревья, которые гнулись. Любимая песня Алкаша. Но пел явно не он.

Песня стихла. Немного погодя из-за кустов выползли рогатые черти и направились к крыльцу. «Лазутчики», — мелькнула мысль, изрядно меня встревожившая. Я успокоился, когда в пластунах узнал своих конвоиров.

Усач и Крепыш, грязные, с мокрой шерстью, с трудом поднялись из лужи. Поддерживая друг друга, зашагали, пытаясь затянуть:

— Шу... шумел камыш.. Дер... дер... деревья гнулись...

Распахнулась дверь, и черти с грохотом ввалились в комнату. Усач по-гусарски вытянулся, приложил правое копыто к виску и с гордостью доложил:

— Я пьян, как свинья!

— Вижу, — усмехнулся я. — Вы хотя бы приняли человеческий вид.

— Не... Не можем,— жалобно, с трудом ворочая языком, ответил Крепыш.

Все же он попытался это сделать, и несколько секунд передо мной, пошатываясь, топтался гусар. Но с каким трудом давался ему человеческий образ! Даже блестящая форма, а его Крепыш всегда гордился, была непосильной ношей. Эполеты то исчезали, то вновь появлялись; сабля задымилась, заболталась, как веревка, и пропала. Крепыш кряхтел, морщился. Наконец махнул лапой и с облегчением рухнул в свой истинный вид. Так в своем первородном образе черти и завалились спать.

«Наверное, сильно опьяневшая нечистая сила не в состоянии удерживать человеческий облик»,— подумал я. Окончательно убедился в этом через несколько дней, когда на улице увидел странно одетого субъекта. Он накинул на себя генеральский мундир, напялил на голову сверкающий цилиндр и обулся почему-то в лапти. Бормоча комплименты, он то и дело приставал к хорошеньким девушкам. Те взвизгивали и отшатывались. Субъект, приподняв цилиндр, учтиво извинялся:

— Пардон, м... мадам.

Кончилось тем, что он упал и, перегородив дорогу, растянулся десятиметровым драконом. Из его зубастой пасти вылетели клубы дыма и все те же комплименты вперемешку с ругательствами. Подскочили двое полицейских и хотели ударами дубинок вернуть дракона в человеческий вид.

— Бесполезно,— сказал один из них, опустив дубинку.— Не видишь разве? Напился, как свинья.

Последние слова полицейский произнес не с осуждением, а с неприкрытой завистью. Кстати, вечером те же полицейские были уже навеселе. Но вещь легка, что позволяло им кое-как держаться в надлежащем виде и выполнять свои обязанности. Остальные изгнанники пили вовсю. Драконы, черти, вампиры с песнями бродили по улицам, вверху с визгом летали ведьмы и гарпии.

Сатана и ангелы на первых порах не выказывали особого беспокойства: пусть веселятся. Встревожились, когда поняли: надвигается большая беда. И дело не в участвовавших драках, а в падении интереса к работе. Задолго до конца смены изгнанники, побросав свои места, усаживались вокруг исторических персонажей (чаще всего это были пираты) и замороженно слушали рассказы о невиданных кутежах. Появлялась бочка с ромом. Черти пили по очереди, но находили, что водка все-таки вкуснее.

Вечером после дьяволослужения у кабаков и ресторанов, выраставших, как грибы после дождя, гремели толпы, пелись песни. И уже не камыш, который шумел, а другая песня стала самой модной и любимой: кто-то из исторических персонажей (не Алкашли?) пустил в обиход песню, лихо распевавшуюся в свое время матросами-анархистами:

Была бы водка,
А к водке глотка.
Все остальное трын-трава.

Словечко «трын-трава», пожалуй, неплохо выражало охватившее всех настроение. Равнодушие, безразличие, неверие в возможность вырваться из-под «дурацкого колпака» — вот та плодородная почва, на которую упало брошенное Алкашом ячменное зерно.

Утром по телевидению выступил Гроссмейстер. Он хмурился и, потрясая своим скипетром, разразился угрозами. Однако гнев сатаны уже не мог остановить его подданных, вкусивших сладость зеленого змея. Работа на заводах шла кое-как, а гул подземных лабораторий иногда утихал совсем. Внезапно из-за горизонта вылетело роскошное облако с дворцами сатаны, и Гроссмейстер со своей поднебесной высоты метко поражал пьяниц линейными молниями. Изгнанники

разбегались по подъездам, прятались в подвалах. А вечером, стараясь вымолить прощение, встречали сатану шумной вахханалией: хлопали в ладоши, трещали копытами, с воем и свистом носились под куполами храмов. Но Гроссмейстер сидел в кресле молча, свирепо сдвинув брови.

На следующий день изгнанники играли в карты и горланили песни уже с утра, пили водку в открытую — на заводских дворах, на улицах и даже на крышах. На миг протрезвев, с испугом вглядываясь в небо: вот-вот налетит облако, и сатана обрушит свое самое страшное оружие — шаровые молнии и напалмовые дожди. Однако небо оставалось на удивление мирным и безоблачным. Даже после того, как в подземной лаборатории взорвался брошенный без присмотра атомный реактор.

Молчание сатаны страшило больше всего. Что он задумал? Решили, что расправа состоится вечером. Сатана разразится невиданным огненным гневом и всех испепелит.

Наступил вечерний торжественный час, которого изгнанники ожидали с замиранием и трепетом. Мне с конвоирами пришлось встретить его в соборе святого Павла. В центре, как и в прошлый раз, расположился уже знакомый мне дракон. Был он пьян, но не буянил и не размахивал своими многопудовыми лапами, чего я опасался. Как и вся нечистая сила, сгрудившаяся в соборе, дракон вел себя тихо, со страхом поглядывая на экран. Даже вий пугливым шепотом попросил поднять ему зeki.

Засветились экраны, появилось облако с хрустальными дворцами, потом золотой трон с Гроссмейстером — все, как обычно. Нечистая сила заискивающе и робко захлопала в ладоши, затрещала копытами. Шум нарастал. И вдруг наступила тишина: происходило что-то непонятное. Сатана не хмурился, как ожидалось, и не гремел угрозами. Напротив, его рыхлые губы расплылись в добродушной ухмылке. Он потирал руки и весело подмигивал своим подданным. Потом встал. Нетвердыми шагами, выделявая смешные вензеля и зигзаги, Гроссмейстер приблизился к микрофонам и заплетающимся языком забормотал что-то невразумительное.

И тут всех озарило: Гроссмейстер был пьян!

— Ур-ра! — ликовала нечистая сила.— Наш Гроссмейстер! Наш сатана!

— Тише! — крикнул кто-то.— Сейчас увидим! Впервые увидим!

Все уставились на экран в нетерпеливом и радостном ожидании: наконец-то! Наконец-то Гроссмейстер предстанет в своем истинном сатанинском виде — величественном и грозном. На драконьем морде, на рожах вампиров, чертей и ведьм — обожание, страх, любопытство.

— Люцифер! — шептались вокруг.— Сейчас увидим Люцифера.

Гроссмейстер изо всех сил пытался устоять в человеческом виде. Но его лицо дрожало и неуверенно кривилось, гагли кресты на обширной груди, мундир, покрывавшийся дымком, исчезал. Дракон уже раззявил свою емкую, как пещера, пасть, чтобы вовремя рявкнуть «браво!» Да так и застыл, обалдело вытупив глаза: Гроссмейстер превратился не в грозного Люцифера! Он съезжился в какое-то жалкое, ничтожное существо с кривыми рожками и длинным хвостом. Озираясь и повизгивая, это плюгавое создание запрыгало, заматало; потом остановилось, начало глупо хихикать и чесаться.

Из распахнутой пасти дракона вырвался отчаянный вопль:

— Мелкий бес!

Оцепеневшие ангелы не сообразили прервать передачу и погасить гадкое зрелище. В соборе подня-

лась паника. Все с отвращением отвернулись от экрана, на котором вертелся мелкий бес, и с криками: «Какая мерзость!» — кинулись к выходу. В сутолоке и давке раздался вопль какого-то исторического персонажа, невзначай раздавленного драконом. Мои конвоиры и на этот раз подхватили меня под мышки. Они взлетели под купол, рогами разогнали метавшихся гарпий, копытами разбили витраж и вылетели наружу.

Под нами кипел объятый ужасом город. Изгнанники выбегали из подъездов, выскакивали из окон и кричали:

— Мелкий бес! Мелкий бес!

На окраине города, недалеко от нашего коттеджа, было тихо и безлюдно. Мои конвоиры приземлились и зашагали в гусарском виде. Усач так и не понял до конца, что же произошло. Пугливо озираясь, он приставал к Крепышу:

— Кому мы поклонялись? А? Мелкому бесу!

Крепыш хмурился и ничего не отвечал. Усач повернулся ко мне.

— Что теперь будет? А?

— Не унывайте. Придет новый Гроссмейстер и установит невиданный порядок.

Ответил я просто так, наобум, не подозревая, что слова мои окажутся пророческими.

Наступил новый день — смутный и непонятный: царило непривычное безначалие. Ангелы опасались беспорядков. Однако изгнанники вели себя смирно, выглядели какими-то жалкими, пришибленными.

Город наполнился слухами, верить которым было трудно. Говорили, например, что еще при выходе из леса мелкий бес свои устрашающие свойства получил вместе со скипетром от злого чародея. Другие уверяли, что громоразрядники бес украл у зазевавшегося Зевса.

Самого его еще ночью увели в ЦДП. И пытал его не какой-нибудь заурядный «исторический» палач, а новоиспеченный ангел — бывший штандартенфюрер СС. Уж он-то знал свое дело, многое выведал у мелкого беса, прежде чем тот скончался. Труп бывшего Гроссмейстера выкинули на улицу, облили бензином и сожгли.

В полдень солнце неожиданно погасло, и на несколько минут легла холодная мгла, как при затмении. Вероятно, это и было солнечное затмение. Но изгнанники истолковали природное явление иначе: на город упала тень Великого Инквизитора.

— Знамение! — говорили они. — Это знамение! Завтра придет Великий Инквизитор.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Утром изгнанники прикинули к экранам. Невидимые и крохотные, как москиты, телепередатчики кружились над древнеримской Аппиевой дорогой, по которой в свое время прокатился дядя Абу. Торжественное появление нового Гроссмейстера ожидалось именно здесь.

Но дорога пустовала. Гость вышел в другом конце города, прямо против нашего коттеджа. Нам даже телевизора не нужно было: мы прекрасно все видели из окна.

Началось необычно. Заводские цеха, сверкавшие под косыми лучами восходящего солнца, дрогнули и окутались туманом, выползшим из леса. Туман клубился, вилась волоконками, все ниже приняякая к земле, и вдруг с шипением исчез. Конвоиры мои вскрикнули от изумления: вместо заводских корпусов простирался строевой плац — ровный, как стол.

Телепередатчики переметнулись сюда. Я смотрел то на плац, то на экраны и видел на площадях и в соборах толпы изгнанников, с вожделием, с любопытством и страхом поджидавших выхода Великого Инквизитора.

Из леса на плац вышел, однако, не грозный Ве-

ликий Инквизитор, а совершенно невзрачный человек — сухощавый, среднего роста, с узкими плечами. Одет он был в скромный сюртук военного покроя. В левой руке незнакомец держал книгу.

— Книгочей, — хихикнул Усач.

Рядом с тщедушным гостем под барабанную дробь и взвизгивание флейты шагали крохотные оловянные солдатики.

— Это же ярмарочный клоун! Балаганный шут! — ошеломленно восклицали изгнанники. Потом послышался смех и негодующие выкрики: — Хватит! У нас уже был такой! Сжечь его!

Голос, вещавший от имени ангелов, заверил, что с наглым претендентом на трон Гроссмейстера так и поступят.

Если бы изгнанники и ангелы знали, с кем имеют дело! Это был фантастический градоначальник Салтыкова-Щедрина, промаршировавший сюда со страниц «Истории одного города» со своим неизменным «Уставом о неуклонном сечении». Это был Угрюм-Бурчеев!

Обыватели города Глупова, как мне помнилось, дрожали от страха, называли его сатаной. Но в чем его усмиряющая сила? Не в банальных же громоразрядниках? Наконец я вспомнил: взор! «Он был ужасен», — писал Салтыков-Щедрин. Никто не мог выдержать светлого, как сталь, взора, выражавшего тупую непреклонность.

К плацу подъехал грузовик. Из него выпрыгнули полицейские и, размахивая дубинками, кинулись с гиканьем и свистом к незнакомцу. Угрюм-Бурчеев посмотрел на них — и полицейские, уронив дубинки, застыли, не в силах оторваться от ужасающих, скрывающих волю глаз.

Угрюм-Бурчеев шевельнул губами. Отдал, видимо, какое-то приказание. Оловянные солдатики, дрогнув, вытягивались вверх, увеличивались и наконец стали рослыми солдатами в серых шинелях и с самыми обыкновенными человеческими лицами. Оловянными остались лишь глаза. Несколько солдат вышли из строя, уложили на песок усмирненных полицейских и начали стегать их шомполами.

Ангелов это несколько смутило, но не образумило. Против непонятого пришельца они выслали полк летающих драконов. Грозное зрелище! Небо потемнело, наполнилось свистом крыльев и гулом, с каким из зубастых пастей вылетали облака пламени и дыма.

Пришелец не обратился в бегство, как ожидалось. На его лице ни удивления, ни страха. Никаких человеческих чувств. Подлетев к плацу, драконы наткнулись на взор его, как на неодолимую стену. Они сморщивались, съеживались в человеческий вид и кружились, как высохшие осенние листья. Потом тихо опустились на землю и сами послушно улеглись под солдатские шомпола.

— Признать! — закричали изгнанники. — Это Гроссмейстер!

— Еще рано, — возразили ангелы. — Испытаем на нем ужас номер один.

— А не слишком ли? — слышались робкие голоса.

Я тоже считал, что ангелы хватили через край: никто не мог устоять перед ужасом номер один. Даже подлинный сатана, если бы он вдруг объявился здесь, ибо ужас номер один — сама медуза горгона.

Материализовалась она давно, еще до прибытия дяди Абу. Выйдя из леса, медуза горгона направилась к городу и взглядом своим все живое обращала в камень. Птицы падали замертво, даже мошара сыпалась песчаной пылью. Высланные для ее усмирения могучие драконы и по сей день высятся за городом в виде исплинских гранитных памятников.

Неизвестно, какое опустошение произвела бы эта особа, не догадайся кто-то обуздать ее с помощью

керамических роботов. Уж им-то окаменение не грозило. Медуза горгона злобно вращала глазами, волосы-змеи на ее голове шевелились и шипели. Но роботы спокойно и деловито заковали ее в цепи и увели в бетонный бункер.

Гарпии, современницы медузы горгоны, подсказали Гроссмейстеру, что греческий герой Персей победил ее, пользуясь зеркалом. В бункере оборудовали телеаппаратуру, и та не хуже зеркала нейтрализовала взгляд гостыи. С тех пор изгнанники, особенно из руководящей элиты, частенько любовались телеизображением медузы горгоны. И вид пленницы был так ужасен, окаменевающая сила так непонятна и страшна, что ее нарекли уважительным именем — Миледи.

чертей!» — выскочил на улицу... Так и застыл он с обнаженной шпагой, замер навеки у входа в харчевню «Красная голубятня», в самой живописной позе.

В центре города какой-то пьяный дракон вылетел из-за купола собора и с высоты пытался атаковать Миледи, он сразу же рухнул на мостовую и с грохотом рассыпался каменными обломками.

Худенькому гостю пришел конец — в этом уже никто не сомневался, в том числе и я. Вот Миледи ступила на плац. Угрюм-Бурчеев повернулся в ее сторону, взгляды их встретились и... медуза горгона окаменела!

Это было так неожиданно и невероятно, что из-

К несчастью, д'Артаньян и не знал этого. В то утро он сидел в харчевне «Красная голубятня» и чувствовал себя почти как дома: харчевня овеществилась в точности такой, какой описана в романе «Три мушкетера». Д'Артаньян пил анжуйское вино и с грустью вспоминал Атоса, Портоса, и Арамиса.

— Где вы, мои дорогие друзья? — шептал он. — Как мне вас недостает!

В харчевню влетел субъект с вытаращенными глазами и с порога закричал:

— Закрывайте окна! Сюда ведут Миледи!

Д'Артаньян вскинул голову и огляделся: не ослышался ли? В харчевне поднялась суматоха. Хозяин поспешно закрывал окна ставнями, многие посетители полезли под стол. Снаружи послышался топот и вопли:

— Спасайтесь! Идет Миледи!

Д'Артаньян выхватил шпагу и с криком: «Тысяча

гнанники, раскрыв рты в беззвучном крике, словно тоже окаменели.

Угрюм-Бурчеев так и не понял, что одержал великую победу. Тихим голосом он что-то сказал солдатам, и те начали хлестать шомполами неподвижную и безгласную Миледи, высекая искры из ее гранитной спины. Зрители тем временем пришли в себя и закричали:

— Гроссмейстер! Великий Гроссмейстер!

Заплескались аплодисменты, поднялся вой, визг. Набравшую силу вакханалию прервал голос с экрана:

— Непобедимый!

Сердце у меня сжалось от предчувствия беды: дядя Абу решил померяться силами! Но по моим расчетам дьявольское всемогущество истекло из него, выкапало до капельки, испарилось. Сейчас он так же слаб и физически незащищен, как и я.

Часть передатчиков перелетела на другую окраину города, и мы увидели сверху историческую Аппиевую дорогу, на которой лежала пыль веков. Подпрыгивая на выбоинах и оставляя за собой пыльный шлейф, мчался колесница, запряженная тройкой драконов. Телепередатчики снизились и крупным планом показали дядю Абу. Был он, к моему огорчению, изрядно выпивши. Его глаза светились демонической удалью и мальчишеским желанием порезвиться, тряхнуть «богатырской силушкой».

— Братцы! Друзья мои! — взволнованно обратился я к конвоирам. — Его выручать надо. Пойдете со мной?

— Хоть куда, — заверили гусары, тронутые обращением «друзья мои».

За дни совместной жизни черти привязались ко мне, да и я испытывал к ним симпатию. Они пошли за мной в ту сторону, где виднелась фигура нового Гроссмейстера. Шли, замирая от страха. Признаться, и я приближался к Угрюм-Бурчеву с возрастающей тревогой и робостью, еще толком не зная, каким образом смогу помочь дяде Абу.

Рядом с Угрюм-Бурчевым, угодливо улыбаясь, стоял агент охраны. Он, видимо, сразу почувствовал в прищельце что-то родное, привычное и сейчас, нащепывая, вводил нового Гроссмейстера в курс дел.

К плацу подлетела колесница. Из нее выскочил дядя Абу и воскликнул:

— Я Дахнаш, сын Кашкаша! Я великий и непобедимый джинн!

При этом он картинно вскинул руки. Однако прерваться в великана с громовым голосом не смог. Сделал еще попытку и вдруг, опустив руки, побледнел. Он все понял. Растерянно оглядевшись, дядя Абу топнул ногой, желая провалиться сквозь землю и тем самым избежать позора. Но даже такой простой трюк у него не получился.

— Кто это? — бесцветным голосом спросил Угрюм-Бурчев.

— Сам Непобедимый, — шепнул агент охраны.

— Выпороть его! Розгами!

Двое солдат с розгами подошли к дяде Абу. Еще трое связали ему руки и начали расстегивать брюки. Дядя Абу побагровел и предпринял отчаянную попытку вырваться. Потом поник и, озираясь, прошептал:

— Как? Это меня-то? Розгами? Ка мальчишку?

— Не смейте его трогать! Не смейте! — Сам не свой, я кинулся к солдатам и встал, придавленный ледяным взглядом стальных глаз.

— А это кто? — спросил Угрюм-Бурчев.

— Друг Непобедимого, — ответил агент охраны и посмотрел на меня с мстительной ухмылкой. Он уверен был, что теперь-то я попался.

— Сквозь строй его!

Солдаты, а их было около сотни, выстроились в две шеренги лицом друг к другу. В руках у них появились палки. Я даже не пытался сопротивляться, когда мне за спиной связывали руки. Только сказал верным конвоирам:

— Сейчас мне и моему другу будет худо. Очень худо. Постарайтесь сделать то, что сейчас скажу.

Мои гусары стояли смиренно, вытянув руки по швам. Поэтому Угрюм-Бурчев и не трогал их. Они выслушали меня и кивнули в знак того, что все поняли и все сделают.

На мою обнаженную спину с двух сторон посыпались удары. Я вскрикнул от боли, потом сцепил зубы и лишь глухо мычал. Краем глаза увидел солдат, с равнодушием и методичностью роботов поровших розгами дядю Абу. И я захохотал. Это был неудержимый полуистерический хохот. Мне представился гротескный комизм ситуации: ведь нас, представителей человечества, лупит сейчас нами же созданная цивилизация, нами же разгоняемый индустриальный прогресс... В глазах закружился темный искрящийся туман и, сознание покинуло меня.

Очнулся я на опушке леса. Гусары постарались на славу: засунули нас не в любую высокую траву, как я просил, а в крапиву. Словно знали, что она обладает хорошими лечебными свойствами. В спине я почувствовал зуд и покалывание. Это дядя Абу осторожно прикладывал к моим ранам листья крапивы. Потом он помог мне перебраться под тень густой сосны.

— Бедный малыш, — жалостливо шептал он. — Как они тебя отделали.

— А с тобой-то что!

— Со мной ничего. Только вот сидеть не могу, — сконфуженно ответил дядя Абу. И вдруг голос его задрожал от ярости. — Негодяй! Высек меня, как мальчишку. Это меня-то! Да я ему!..

— Успокойся, дядя Абу. Ты стал обыкновенным человеком, и пора привыкать к этому.

Шагах в пятнадцати от опушки сидели на пригорке мои конвоиры и скулили от одиночества, страха и тоски. К горлу подкатила такая теплая волна благодарности, что я, преодолев слабость, встал и подошел к ним.

— Спасибо, друзья. Идите в город без меня. Не бойтесь. Сейчас все будет не так, как раньше.

Черти и сами с ужасом догадывались, что при новом Гроссмейстере все будет по-другому. Город пугал их теперь не меньше леса. Они нерешительно побрели к его окраине, то и дело приостанавливаясь и оглядываясь. Я как мог подбодрил их.

Дядя Абу увел меня в лес. На сухой полянке мы посидели часа полтора, отдохнули. Солнце клонилось к закату и золотило верхушки деревьев. Еще через полчаса под ногами расстелились длинные тени, и я стал с беспокоеством оглядываться.

— Да, сейчас мы с тобой беззащитны перед пауком, — угадал мои опасения дядя Абу. — Поживем пока у бабы Яги. Паук боится ее, как огня. Добрая старушка живет где-то здесь.

Но где именно, дядя Абу не знал. Мы проплутали до позднего вечера. Под густо сросшимися ветвями и в кустарниковых низинках скапливалась и клубилась тьма. Мы ускорили шаг, но за нами неотступно тянулись волокна мрака. Они извивались, сплетались в змеиные клубки и на светлых прогалинах с шипением таяли. Опустилась ночь, и позади нас послышались звуки, от которых становилось не по себе: какие-то шорохи, сопение, уханье. Обернулись и в страхе попятнулись: мохнатый Черный паук глядел на нас зеленовато светящимися глазами.

Из последних сил мы поспешили на светлевшую впереди поляну и там увидели наконец забор, похожий скорее на частокол. На его кольях висели человеческие черепа, пустые глазницы которых замигали вдруг багровыми углями. Преследовавший нас паук остановился, в неописуемом ужасе зашипел и замалхал передними лапами. Повернувшись, он побежал в чащу и рассеялся в непроницаемой тьме, слился со своей стихией.

Мы открыли скрипучую калитку, и перед нами предстала избушка на курьих ножках. Окна лихой, но довольно вместительной хибары светились, ее мшистую крышу серебрила луна.

Вверху, над черными макушками деревьев, закрывая временами лунный серп, летал какой-то горшок. Описав круг, горшок снизился и опустился у порога. Это была медная ступа. Из нее проворно выскочила сгорбленная старушка с клетчатым платком на голове. Лицо у нее морщинистое, с некрасивым скрюченным носом, но доброе и чуть хитроватое.

— А, ясные соколы, — насмешливо приветствовала

она.— Прискакали лечиться? Видела, как лупили вас. Заходите.

Старушка была в курсе всех событий, хотя телевизора в ее горенке мы не обнаружили. Горенка освещалась горящими лучинками. В дрожащем, прыгающем свете мы увидели пучки сухих трав, подвешенные на бечевках. В затянутых паутиной углах металась тень, похожие на летучих мышей. На печке в горшке что-то кипело, булькало, пузырилось. Старушка подсыпала в целебное варево зерен и, делая костлявыми руками кругообразные движения, забормотала заклинания.

Дядя Абу стоял тихо, не желая нарушать ее творческий экстаз. Наконец не выдержал, с трудом вытянул из Памяти телевизор и поставил его на дощатый

— То-то! — подняв палец, поучительно сказала старушка.— Сейчас приготовлю вам чай, а сама отправлюсь по делам.

Вскоре душистый напиток был готов, а бабуся уселась в свой летательный аппарат и растаяла в лунном сиянии. Трудлюбивая, как пчела, она и ночью выискивала лекарственные травы, корни, семена.

Мы присели к телевизору. Экран замигал и высветил гряду волокнистых, пронизанных лунными лучами облаков. Летящие микропередатчики повернулись объективами вниз и с большой высоты показали город.

С ним творилось что-то неладное. Уличные фонари и рекламные щиты гасли, целые кварталы исчезали, будто проваливались под землю. Во мгле слышались вопли изгнанников и грохот рушащихся зданий.

стол. Он хотел узнать, что делается в городе. Но старушка притронулась к антенне, и экран погас.

— Не травмируйте психику,— решительно заявила она.— Рано вам смотреть такое.

— Но мы здоровы,— робко возразил дядя Абу.

— Много вы знаете,— фыркнула бабуся.— Покажите лучше свои раны.

Увидев багровые полосы на моей спине, она всплеснула руками и запричитала:

— Бедные мои! Как исхлестал он вас. Как исхлестал!

Добрая баба Яга окунула в бурлящее варево широкие листья клена и покрыла ими мою истерзанную, ноющую спину. Я зажмурился от приятной теплоты и целительной щекотки. Минут через пять боль как рукой сняло, а дядя Абу даже сидеть мог.

— Ловко,— восхитился он.

Угрюм-Бурчеев, как мы догадывались, маршировал и на пути своем сметал все лишнее. Может быть, он задумал на месте старого города воздвигнуть новый?

Решили подождать до утра. Выпив пахучее бабушкино зелье, мы улеглись на охапки сухого сена и провалились в глубокий исцеляющий сон.

Проснулись около полудня. На столе кучки только что собранных трав, но сама бабуся отсутствовала.

— Что же с городом? — спросил дядя Абу.

Мы включили экран и ахнули: города не было! Ни храмов, ни величественных дворцов. Кругом, насколько хватал глаз, необозримая равнина — унылая и плоская, как тундра. Лишь на бывшей центральной площади сиротливо торчала громада собора Парижской богоматери, увенчанная багровыми буквами — ЦДП. От собора во все стороны тянулись посыпанные пе-

ском улицы и геометрически правильные ряды приземистых казарм.

Из многих тысяч телепередатчиков уцелел лишь один. Но это был удивительный передатчик — озорной и резвый, как расшалившийся ребенок. Он игриво порхал, взлетал и снижался, выхватывая эффектные ракурсы. Застыв на месте, он долго показывал окруженный казармами строевой плац. На нем сновали изгнанники, одетые, как в былые времена, кто во что горазд: в черные фраки, в голубые мундиры, в украшенные позументами камзолы. Среди них и мои конвоиры. Узнал я их с большим трудом, так как нарядную гусарскую форму они сменили на серые солдатские шинели. «Молодцы, — мысленно похвалил я их. — Догадались!»

Изгнанники суетились, сбивались в кучки и, размахивая руками, громко спорили. С испуганными лицами они выкрикивали новые для себя слова: шомпола, розги. Горожане не могли взять в толк, как угодить неумолимому Гроссмейстеру. Как ни старались, их все равно ждала порка.

По улице к плацу бежал субъект с развевающимся на ветру пестрым галстуком. Лицо его было искажено таким ужасом, словно за ним гналась медуза горгона.

— Идет! — вопил он. — Идет Гроссмейстер!

По улице, четко печатая шаг, шел Угрюм-Бурчеев. Рядом вертелся агент охраны, чуть позади правильным строем шагали солдаты.

В левой руке новый Гроссмейстер держал все ту же книгу. Если раньше она вызывала у изгнанников смех, то сейчас они смотрели на нее с каким-то суеверным ужасом. Они уже прочитали название — «Устав о неуклонном сечении» — и вполне уяснили его страшный смысл.

Изгнанники опустили перед Гроссмейстером на колени и, стараясь снискать расположение, захлопали в ладоши — ничего нового они придумать не могли. Угрюм-Бурчеев глядел на горожан ничего не выражающим взглядом. Чувствовалось, однако, что нестройные всплески аплодисментов и пестрота одеяний его раздражают. Он чуть шевельнул губами. Солдаты стали хватать самых нарядных и пороть их шомполами. Субъекту с пестрым галстуком удалось вырваться из солдатских рук.

— Не смее! — кричал он. — Я депутат парламента! Конституция! Нам нужна конституция!

Глаза Угрюм-Бурчеева изменились... Нельзя сказать, что слово «конституция» его словно громом поразило. Просто в стальном взгляде на миг промелькнуло что-то похожее на недоумение.

Солдаты тем временем оттащили депутата парламента в сторону, привязали к столбу и сложили у его ног дрова и хворост. Они уже усвоили этот вид казни. Телепередатчик продолжал нас удивлять. Как бы не желая взирать на жестокую сцену, он отвернулся, в его объективе — безмятежная голубизна с редкими облаками. Однако и здесь он не нашел мира и тишины: вместе с клубами дыма неслись к небу вопли сжигаемого депутата.

— Любуетесь? — услышали мы насмешливый голос вернувшейся бабуся. Погасив телевизор, она ворчливо добавила: — Шли бы лучше в лес погулять.

Вылазка в лес была просто необходима. Кони... Втайне мы постоянно думали о них, но вслух не заговаривали. Слишком многое зависело от того, как они примут нас.

В лесу стояла тишина, прерываемая гулкой дробью дятлов. В безлесных низинах попадались небольшие озера. Они сверкали под солнцем, искрились, словно смеялись живым русалочьим смехом. Но сами озорные существа не возникали и не беспокоили нас, не пытались испугать, хотя становилось жарко. Будто по-

нимали, что нам не до этого, что мы чего-то боимся.

Да, я изрядно трусил. Я страшился самого себя, даже показалось на миг, что в каком-то подполье моем, в сыром, заплесневевшем углу еще таится скользкий, увертливый Пьер Гранье. Что, если Орленок учует его?

Еще больше тревожил меня дядя Абу. Рядом со мной, опустив голову, шел не самоуверенный джинн, а заметно приунывший, не верящий в свою удачу человек.

Час спустя показалась широкая луговина с редко расставленными ветвистыми деревьями. В их тени паслись красавцы-кони: серый, в яблоках, Метеор и мой Орленок. Они вскинули головы, увидели нас и радостно заржали. Истосковались они по людям.

Все страхи мои оказались напрасными. Орленок налетел на меня, как снежный вихрь. Я окунулся в развевающуюся серебряную гриву, как в пенистую волну, посмотрел в его глаза... И мы узнали друг друга! С огромным облегчением я обхватил теплую шелковистую шею.

Говорят, что человек — царь природы. Какой там царь! Жалкий и беспомощный, брошенный в страшный мир на произвол судьбы, я с благодарной нежностью обнимал не лошадь, а равное себе существо и надежного товарища.

А как же дядя Абу? Я вздрогнул и посмотрел поверх гривы Орленка. Его собрат Метеор доверчиво положил голову на плечо дяди Абу, и тот гладил шею коня с такой широкой и блаженной улыбкой, что я рассмеялся.

— Дядя Абу! Да понимаешь ли ты, что произошло? Кони приняли нас. Ур-ра!

Вскочив на коней, мы носились по лесной поляне и веселились, как дети. Но приближалась ночь с ее страхами и паучьей тьмой, и мы присмирели.

— Коней мы здесь не оставим. Уведем к бабушкиной избушке, — предложил я.

Дядя Абу согласился со мной и со вздохом добавил:

— Запаздываем. Ну и попадет же нам.

Я рассмеялся: грозный джинн страшился гнева доброй старушки. Но та не сердилась. Взглянув на нас, она что-то проворчала и повернулась к очагу. Сгорбленная спина ее, весь ее поникший вид вызывали жалость. Она понимала, что скоро мы покинем ее.

Дядя Абу включил телевизор, но старушка с решительным видом погасила экран.

— Завтра налюбуетесь. Сейчас выпьете чаю — и спать!

Мы покорились. Было ясно, что в такой своеобразной форме заботится о нас темневший за окном волшебный лес — осколок далекой Сферы Разума.

Проснулись, когда первые утренние лучи засияли в паутине, заткавшей угол избушки. Хозяйка уже улетела по своим делам. Мы подсели к телевизору, включили. Появился звук, мы услышали панические крики:

— Черные дыры! Черные дыры!

Засветился экран, и открывшаяся картина испугала нас. В трех местах обширного казарменного поселения кружились черные вихри и заглатывали все, что попадало в сферу их притяжения. Они и впрямь напоминали космические черные дыры. Пробежавшие мимо горожане мгновенно всасывались и пропадали, стоявшие поблизости казармы рушились с треском, крыши с них срывались и с шумом влетали в крутящиеся темные пасти.

Но вот вихри улеглись, и на их месте обнажился каменный грунт — тот первозданный грунт, какой был до прихода изгнанников и возникновения силового колпака. Это были поистине заколдованные места:

стоило кому-нибудь по неосторожности ступить туда, и он бесследно исчезал.

— Зоны дематериализации, — догадался дядя Абу. — В волновых флуктуациях наши ученые нащупали нужные частоты, но не знают об этом.

— Мы должны вернуться, чтобы узнали.

— А этот прохвост? — возразил дядя Абу, имея в виду Угрюм-Бурчеева. — Нет, хочу полюбоваться, как его засосет дыра!

Черные вихри больше не возникали, что, однако, не принесло горожанам особого облегчения. Страх постоянный, ужас перед Гроссмейстером леденил их души больше, чем кратковременный испуг перед непонятными черными дырами. Правда, простачков, пытавшихся одними лишь аплодисментами задобрить Гроссмейстера, становилось все меньше. В большинстве своем горожане последовали примеру моих конвоиров: переоделись в шинели и маршировали. Самых неумелых отводили в сторону, пороли и снова возвращали в строй.

Мне стало жаль изгнанников, своих бывших сограждан. Так и хотелось прочесть им одно место из «Истории одного города». Я взял из Памяти книгу и нашел эти строки: «Время посторониться — вот все, что было нужно. Район, который обнимал кругозор этого идиота, был очень узок; вне этого района можно было и болтать руками, и громко говорить, и дышать, и даже ходить распоясавшись; он ничего не замечал, внутри района — можно было только маршировать».

Однако и без моей подсказки нашлись сообразительные горожане. Порхающий телепередатчик метнулся в сторону и показал пустырь за городом. Вот здесь-то и раскинулась хмельная вольница. Сбежавшие сюда изгнанники пили водку, пели песни и, сбросив человеческий образ и одежду, плясали в своем истинном, натуральном виде. О том, что происходило в городе, мы догадывались по звукам. Там как будто все шло своим чередом: свист шомполов и топот марширующих масс. И вдруг вновь послышались крамольные выкрики:

— Конституцию! Требуем конституцию!

Передатчик повернулся в ту сторону и высветил Гроссмейстера, тупо уставившегося на толпу. Видно было, что в его мозгу идет какая-то непривычная и трудная работа. В сумеречном сознании Угрюм-Бурчеева забрезжило нечто похожее на мысль, и на его тонких губах медленно выступила бледная улыбка, от которой изгнанников почему-то бросило в дрожь.

Гроссмейстер промаршировал мимо собора Парижской Богоматери, подошел к камню, который торчал на площади наподобие постамента, взобрался на него и подождал, когда соберется побольше народу. Потом вскинул вверх правую руку, показывая всем «Устав о неуклонном сечении», и ясным голосом провозгласил:

— Конституция!

В толпе ахнули... Что же дальше? Изображение скакало, на доли секунды показывая то площадь, то кромку леса, то облака. Объектив странного, чуть ли не разумного передатчика прыгал и не мог ни на чем остановиться. Мы с дядей Абу переглянулись. В голову нам пришла одна и та же невероятная мысль: телепередатчик хохотал! Он плясал и кувыркался, закатываясь в безудержном смехе.

Что его рассмешило? Сцена на площади? Из картин, беспорядочно мелькавших на экране, с трудом удалось установить, что горожане, кажется, уже стояли на коленях и хлопали в ладоши. Они довели себя до привычного экзотического одурения и с восторгом кричали:

— Конституция! Ура! Гроссмейстер даровал конституцию!

Неожиданно передатчик замер, потом осторожно приблизился к Гроссмейстеру, взгляделся в его неподвижное лицо, снова отлетел и застыл в недоумении. Мы с дядей Абу тоже ничего не понимали. Угрюм-Бурчеев уже довольно долго стоял на постаменте все в той же позе, вглядываясь вдаль и держа над головой «Устав о неуклонном сечении». Стоял, не шелохнувшись. Пролетевший мимо воробей сел на его голову и сотворил неприличие. Гроссмейстер никак не реагировал. И только тут мы сообразили: Угрюм-Бурчеев окаменел! Яд медузы горгоны с опозданием, но все же подействовал!

Превращение Гроссмейстера в монумент обывателей города не удивило. Они приняли это как должное и все так же хлопали в ладоши, потом маршировали и снова аплодировали. А Гроссмейстер все стоял, олицетворяя незыблемость установленного им порядка.

Телепередатчику стало скучно. Он отвернулся и показывал только те зоны, где царил веселье и куда не проникла окаменевший и оттого еще более страшный взор Угрюм-Бурчеева. У самой опушки леса, но все ближе и ближе к городу возникали кабаки, пивные бары, рестораны. Там слышались хмельные крики, звон разбитой посуды, визг транзисторов. Туда сбегалась и слеталась нечистая сила, сумевшая вырваться из марширующих колонн.

Чуть в стороне стоял одноногий Джон Сильвер и, задрвав голову, с удивлением взирал на трех гигантских драконов. Драконы, похожие издали на порталные краны, держали в лапах карты размерами с крышу дома. Они были очень веселы и основательно пьяны. Из их пастей вместе с хриплыми восклицаниями вылетали тучи дыма и языки пламени. Драконы гулко хохотали, резались в карты, а ром пили из больших бочек, как из стаканов.

На нашем экране побежали искры, поползли змеино извивающиеся черные полосы. Дядя Абу долго возился у телевизора, но добиться сносного изображения не смог.

— Непонятные помехи, — сказал он.

За окном послышался тревожный, похожий на стон шум леса. Мы выглянули. Под ледяным, волнами наплывающим ртутно-тяжелым ветром клонились верхушки деревьев и таяли. Почерневшие и мертвевшие листья падали и, не достигая земли, исчезали.

— Приближается черный вихрь! — крикнул я. — Пора бежать!

Дядя Абу вскочил и бросил старинный клич:

— По коням!

Рысаки нервно топтались перед избушкой и, чуя недоброе, всхрапывали. Мы вскочили на них, и они понесли нас через рощи и поляны, через речки и овраги. Они знали свое дело. Миновав поляну, на которой паслись еще вчера, влетели в прямую, как стрела, просеку. Потемнело: макушки деревьев сомкнулись и скрыли небо. Мглистая, похожая на туннель просека поглотила нас, как трясина, всосала, словно аэродинамическая труба. В этом было что-то жуткое, но одновременно и захватывающее. Набирая немилую скорость, рысаки переходили из обычного бега в таинственный бег во времени. И вот лесной туннель исчез, швырнув нас, как из катапульты, во мглу тысячелетий.

Венок Аннабель Ли

Тьма, густая и вязкая, как нефть, струилась и текла назад волнами пройденных веков. Но каких? По каким столетиям и континентам беззвучно стучат копыта рысаков?

Временами чуть светлело, и поредевшая мгла уга-

дывалась нами, как предрассветные суровые сумерки человечества: проплывали тени, похожие на стада мамонтов, мерцали огоньки — костры первобытного люда. И вновь в стгутившемся мраке стремительно уносились назад неразгаданные века. На мир полыхнули и тут же погасли багровые зарева войн двадцатого столетия. И опять струится неразличимая мгла. Она редела, сквозь ее рваную ткань сверкнули солнечные поля, скрылись и снова появились. Копыта рысаков коснулись чего-то осязаемого и твердого. Они коснулись пространства!

В ушах зашумел мускулисто-упругий ветер, в воздухе ударил аромат полей, замелькали зеленые рощи с белыми мазками берез. Бег замедлялся. Наконец кони остановились, почувствовали: они дома! Заржали, начали прыгать и резвиться, как жеребята. Мы кое-как уняли их и соскочили на землю.

Тут и со мной случилось почти то же, что и с конями. Я захохотал и помчался по поляне, до головокружения напомнившей мой родной луг и мое детство. Со всеми кустами и травами я встречался, словно после долгой разлуки. Я все узнавал!

— Как дитя, — смеялся надо мной дядя Абу.

Вдруг он вздрогнул и трусливо спрятался за кустом. В чем дело? Из густых трав, с той стороны, где виднелось село, вышли трое малышей и зашагали вдоль ручья.

— К озеру спешите? — спросил я их. — Смотрите, не опоздайте. А то Кувшин задаст вам. Он строгий.

— Ничего он не задаст! — восклицали они. — Мы сегодня не к нему. Нас дедушка Савелий ждет.

«Счастливицы», — подумал я с остро кольнувшей грустью по ушедшему детству. Дядя Абу вышел из-за куста и с невыразимой тоской провожал взглядом ребятшек. Я хотел спросить, почему он их испугался, но в это время сверху в невидимых капсулах посыпались люди.

В таких же капсулах (или это были невидимые и неосязаемые лифты?) мы взлетели в тысячекилометровую высь и очутились в вечно цветущих садах внеземной станции. Здесь люди стыдливо прятали остатки «железной технологии», без которой, к сожалению, еще не могли обойтись. Здесь я видел симбиоз живого и неживого: в травах и на ветвях кустарника вместе с цветами «росли» светящиеся приборы с цифрами и стрелками. С их помощью ученые будут «вычитывать» нашу память в течение нескольких дней. На все эти дни мы с дядей Абу поселились на станции.

После полудня, спустившись на землю, мы отдыхали, бродили в лесах и полях. При встречах с детьми дядя Абу вздрагивал, краснел и воровато оглядывался — куда бы спрятаться? И смешно, и грустно. Я искренне ему сочувствовал: его неудержимо тянуло к ребятам, но он до ужаса стыдился своего недавнего «демонического» прошлого.

Однажды мы остановились перед рощей, которую я привык называть Тинкой-Льдинкой, и что-то острое до боли стиснуло мне грудь. В памяти всколыхнулся, закружился рой далеких видений: Кувшин, фея с лицом ясным, как утренняя заря. Это была тоска по ушедшему детству — чувство, схожее с ностальгией звездоплавателей.

С тех пор я часто уединялся, заходил в знакомые с ранних лет рощи, бродил по берегам реки и все надеялся увидеть хоть кого-нибудь из своих прежних спутников. Но все напрасно.

И все же встреча, изрядно смутившая меня, произошла. Как-то после захода солнца я вышел из леса и на лужайке увидел девушку. Она подняла руки, и — чудо! — к ее пальцам стекались звуки с опушки леса, из кустарника, из травянистых холмов: здесь и журчание ручья, и пение малиновки, и говор листвы. Фея Мелодия? Слышал я об этой редкой гостье только

она могла из нестройного шума природы воссоздать гармонию. Незнакомка вскинула руки в вечернее небо, где зажглись первые звезды, но оттуда, из далеких космических сфер, упали совсем иные звуки, неподвластные фее. Может быть, это земная девушка, которая учится на композитора? Много ей, на мой взгляд, удавалось просто здорово. Казалось, в ее пальцах — вся музыка Вселенной, начиная с песни маленького жаворонка и кончая голосами больших планет.

Девушка повернулась ко мне лицом, и я, попятившись, спрятался за сосной. Это же Вика! У нее оказались незаурядные способности! Фея весенних лугов, наша легкомысленная тетя Зина, не ошиблась, одарив ее своим знаком...

Я поспешил покинуть место, облюбванное Викой для творческого уединения. Что я ей скажу? Да и кто я такой сейчас?

От вновь возникших жестоких сомнений, от душевных бурь и тревожных спесало общение с дядей Абу. Пока лишь с ним я чувствовал себя свободно и раскованно. Мы уходили куда-нибудь подальше, садились на пригорке или на берегу ручья и вспоминали свои приключения, спорили... Но вскоре случилась беда: шумные ватаги ребятшек похитили у меня дядю Абу.

Однажды, закончив дела на внеземной станции, я опустился недалеко от села, где на одной из полянок договорился встретиться с дядей Абу. Он уже был на условленном месте, но на меня не обратил ни малейшего внимания. Для него вообще весь мир перестал существовать: дядя Абу сидел в кругу мальчишек.

— А еще кого там встретил? — спрашивали ребята с округлившимися от жадного внимания глазами.

— Пирата, — отвечал дядя Абу. — самого настоящего живого пирата. Не верите? Сейчас покажу. Интересно, узнаете вы его?

Дядя Абу встал, согнул в колене ногу и так ловко подтянул ее, будто ее и не было. Под мышкой у него появились костыль, а на голове широкополая шляпа. Очень картинно выглядели пистолеты, воинственно торчавшие за поясом, и синий камзол с медными пуговицами. Ребята сразу узнали своего любимца. Они плясали вокруг одноногого пирата и кричали:

— Джон Сильвер! Здравствуй, Джон Сильвер!

Попугаи в окрестных лесах, к сожалению, не водились. Выручил ворон Гришка. Он хозяйски уселся на плечо пирата и хрипловато, но вполне сносно восклицал:

— Пиастр-ры! Пиастр-ры! Пиастр-ры!

Слегка раздосадованный, я ушел в березовую рощу, побродил с полчаса и вернулся на поляну в надежде, что дядя Абу освободился. Не тут-то было! Ребятишки вцепились в его штаны, в полы суконного камзола и умоляюще просили:

— Джон Сильвер, покажи, как ты был великим джинном! Покажи!

Одноногий пират преобразился в араба из сказок «Тысяча и одна ночь». Вскинув руки, дядя Абу с забавными ужимками потешался над своим недавним прошлым.

— Я Дахнаш, сын Кашкаша, — гулко, словно из облачных высей, кричал он. — Я великий и непобедимый джинн!

Восторгу ребятни не было предела.

«Все. Дядя Абу для меня пропал», — подумал я. Однако поздним вечером я застал его в кустарнике на берегу реки. Дядя Абу сидел за старинным столом с витыми изогнутыми ножками и пил вино — от этой дурной привычки, приобретенной в изгнании, он еще не избавился. Лицо его порозовело, хотя по-прежнему выглядело унылым и скорбным.

— Алкаш, — с укоризненной усмешкой сказал я,

Дядя Абу грустно улыбнулся и жестом пригласил сесть.

— Тебе-то хорошо, скоро улетишь туда,— дядя Абу ткнул пальцем в небо, где засветились первые звезды.— А я останусь. Что буду делать? Чем заниматься?

— А наша работа на взеземной станции?

— Подходит к концу. Уже дематериализовали казарменный город и волшебный лес. Остров оголился и стал таким, каким и должен быть. А здесь погасла блуждающая зона: работа Памяти пришла в норму. Теперь наших ребятишек не будут пугать тени прошлого.

— Но ты еще не стар, дядя Абу! В космосе нужны историки.

— А ребятишки! — Дядя Абу испуганно взглянул на меня и в ужасе замахал руками.— Нет, нет! Не покину я их. Не могу.

Что верно, то верно. Без преданной звонкогласой братии дядя Абу зачахнет.

— А фантастические романы! — вспомнил я.— В сюжетах недостатка испытывать не будешь. Мы с тобой многое повидали.

— Да, впечатления наши обогатились,— усмехнулся дядя Абу.

Выпив еще стакан вина, он совсем захмелел и начал, к моему огорчению, бахвалиться — как некогда в «Кафе де Пари».

— Все передо мной трепетали! Я был велик и могуч, как Вселенная. А как я тогда разделался с Раваной! Помнишь? Одним плевком!

— Как не стыдно, дядя Абу! — Я покачал головой.— Напился, словно мелкий бес. Что скажут ребята, если узнают?

Упоминание о ребятишках подействовало отрезвляюще. Дядя Абу побледнел, панически огляделся по сторонам и смахнул со стола бутылки. Не долетев до земли, они исчезли, растворились в Памяти.

— Все, больше не буду,— твердо заявил он.— Только никому не говори, что застал меня в таком виде. Не выдашь меня?

— Что ты, дядя Абу! Как мог такое подумать? Поделись лучше новостями.

— Да, ты многое не знаешь. Стал каким-то странным.

— Чем же странным? — пожал я плечами.

— Каким-то меланхоликом. Бродишь один по лесам и полям. Все привыкаешь? А твои товарищи со знаками «Валькирии» спрашивают о тебе, ждут. Их экипаж готовится к полетам. Дружный экипаж. И назвали его...

— «Валькирии и викинги!» — догадался я.

— Верно. Полетят «Валькирии и викинги» в межгалактические дали, возможно, уже на новом и очень необычном корабле. При его создании пригодилась отчасти и твоя гипотеза.

— Моя гипотеза? — удивился я.— Ах да! Еще в школе я поделился со Сферой Разума своими фантазиями о звездных рысаках. Но это же вздор, дядя Абу. Да и Сфера назвала мои мечтания чепухой.

— Чепухой? — улыбнулся мой собеседник.— Ты, я вижу, совсем одичал. И не знаешь, что произошло. Тогда слушай.

А произошло, оказывается, вот что. Сфера Разума в тот раз не отбросила мою гипотезу. Она записала ее в своей бездонной Памяти на всякий случай. И случай этот подвернулся.

Однажды один из конструкторов космических кораблей, находясь в творческом общении со Сферой Разума, уже в который раз мучительно искал что-то свое, качественно новое. Кажется, вот оно, то самое заветное новое решение, дразнящим облачком мелькает перед глазами... Но догадка каждый раз усколь-

зала. Расслабившись, конструктор слушал музыку — иногда она помогала; смотрел ожившие образы древних легенд, связанных с полетами. Потом он возвращался к догадкам и гипотезам своих нынешних коллег. И тут Сфера Разума словно невзначай подсунула мою выдумку. Конструктор увидел звездного коня, скачущего по цветущим космическим лугам. «Вот это да!» — улыбнулся он. Но шальная выдумка все больше привлекала его, волновала своей поэтичностью. И вдруг словно молния вспыхнула... Ответ найден! Образ звездного рысака послужил искрой, воспламенившей воображение конструктора. Вскоре он вместе со своими коллегами проектировал невиданного доселе межзвездного летуна — живой организм.

— Корабль, конечно, не похож на твою лошадку,— продолжал дядя Абу.— Пробная модель уже вылетела в испытательный рейс, поднялась из эвкалиптовых лесов Австралии.

Из лесов!.. Я уже не слышал дядю Абу: фантазия моя поскакала галопом. Конечно же, из зеленошумных творящих лесов или даже из трав, подобно журавлям, будут взлетать живые корабли. В своем воображении я увидел космос — пылевые облака, озаряемые, как молниями, вспышками взрывающихся звезд, мглистые туманности, похожие на тучи. Среди них, как над штормовым морем, реют межзвездные альбатросы. Оперение у них, как и положено птицам, — мягковолновое, но защищающее людей надежее металлических обшивок прежних кораблей. Своими острыми клювами космические альбатросы рассекают, взламывают пространство и летят...

— Быстрее света! — словно уловив мои мысли, восклицал дядя Абу.— Но будущая экспедиция займет много лет, ибо отправится на самую окраину Метагалактики.

— Неужели туда? К самой отдаленной, похожей на кольцо Галактике? Ее нашли в созвездии Волосы Вероники, когда я еще учился в школе.

— Верно. В том созвездии засияла, обнаружила себя новая Галактика. Свет от нее пришел к нам через миллиарды лет, так что сейчас на ее планете возможна жизнь.

— Кольцевую Галактику ученые записали в каталоги под каким-то индексом, но образного названия еще не придумали.

— Ну и отстал же ты, Василь! Уже придумали. И не менее красивое, чем Волосы Вероники.

— Какое?

— Венок Аннабель Ли.

— Аннабель Ли! — Я вскочил так стремительно, что стул подо мною отлетел в сторону и тотчас провалился в Память.— Не может быть! Эта балерина еще не так знаменита, чтобы в ее честь...

— При чем тут балерина? — удивился дядя Абу.— Назвали просто так.

Но так ли уж просто? Спросить других людей я стеснялся. Сфера Разума? Она, конечно, выдала бы справку. Но вступить в телепатический контакт с нею я не решился.

Прошел еще день, а тайна названия не давала покоя, она так и жгла меня. Когда совсем стемнело, я сел на берегу реки и поднял голову, будто надеялся в глубоком ночном небе получить ответ. На первых порах не обнаружил созвездия Волосы Вероники. Очень уж слабое для невооруженного глаза. Но вот рядом с царственно сияющим Арктуром отыскал наконец еле светящиеся пряди звездной пыли. Вспомнилась легенда, давшая название этому созвездию. Египетская царица Вероника отрезала свои прекрасные волосы — знак благодарности Венере — та помогла ее мужу победить в войне. Волосы исчезли из храма, но жрецы утешали Веронику, уверяя, что сам Зевс взял их и поместил на небо в виде созвездия.

Да, умели древние греки делать свое небо живым и поэтичным. Впрочем, и сейчас люди не уступали им: Венок Аннабель Ли!..

Но где этот Венок? Увидеть его просто так невозможно — он далеко на краю Вселенной... И вдруг мои глаза приобрели невероятную зоркость: Волосы Вероники, их еле различимые звезды стали разгораться, как ветром раздуваемые угли. Они наплывали на меня, увеличивались... Я понял: Сфера Разума уловила мое желание проникнуть взглядом за «коколицу» мироздания и перестраивала в поле моего зрения структуру пространства, придавая ему телескопические свойства... Я будто летел среди планет и светил. Вот уже большие, полыхающие протуберанцами солнца Волос Вероники остались позади, и я вырвался за пределы родной Галактики — Млечного Пути. Распахнулась бесконечность с миллиардами иных галактик — плоских, как тарелки, круглых, как облака, закрученных, как огненные спирали. И на самой окраине Вселенной еле заметно замерцало кольцо — тот самый загадочный Венок Аннабель Ли. «Ближе, еще ближе», — просил я Сферу Разума. Венок дрогнул, чуть увеличился — и все. Биосфера не бог, и ее всемогуществу есть предел.

Я опустил голову и задумался. Внизу, у самых ног с тихим плеском катила свои воды река. В ней плясали звезды, мелкими осколками дробилась луна, а на противоположном берегу реки в кустах реяли светлячки. Точно такие же ночные огоньки сновали в кустах сирени на том холме, где я останавливался с балериной, провозжая ее до станции мигперехода.

А что, если?.. Сердце мое учащенно забилось. Что, если тайну названия узнать у самой Аннабель Ли? Вот оно, самое затаенное, самое глубоко запрятанное желание мое — оно прорвалось наружу. Знал же я, чувствовал, что ослепительный образ «королевы» не оставит меня в покое! Но я робел, Аннабель Ли и манила к себе, и пугала, как молния.

На Лебединое озеро я отправился поэтому не ночью, когда мог нечаянно встретиться с балериной и ее подругами, а днем. Озеро как озеро. Ни малейшего намека на чародейство и таинственность. На знакомой отмели возились ребятишки, что-то лепя из сырого песка. Метрах в десяти от берега величаво застыли лебеди — не заколдованные волшебные девы, а самые обыкновенные лебеди. К ним подплывали ребята, гладили их, и белые красавцы снисходительно принимали ласки. Не желая мешать малышам, я покинул озеро.

Однако с наступлением сумерек вновь очутился на заветном берегу. И снова ничего особенного. В зеркальной глади тихо дремали звезды. Как я мог подумать, что озеро специально для меня развернет свою феерию?

Хотел уже уйти, как вдруг в неведомой дали, где-то на грани миража и реальности, возник еле уловимый мерцающий звук, потом еще один... И мягкими волнами поплыла над водой музыка из балета «Лебединое озеро» — удивительно нежная вальсирующая мелодия из вступительной части. Высоко в небе, опять же на грани сна и яви, что-то дрогнуло: то ли нити тумана шевельнулись, то ли звезды сильней замерцали. Будто белые бабочки крыльями взмахнули... Это же лебеди! Они все ниже и ниже. Сказочные птицы наконец коснулись воды и обернулись русалками. Ночные гости расправляли белоснежные платья, охорашивались. Потом, оживленно переговариваясь, зашагали к берегу и вскоре узнали меня.

— Наш красавчик! — засмеялись они. — Прискакал на свидание!

— Насмешницы, — погрозил я им пальцем. — Я и не скрываю, что хотел бы видеть вашу королеву.

— Она сейчас редко приходит.

— Ну а все же, когда можно ее увидеть?

Русалки, по своему обыкновению, упрямылись, капризничали и отпускали по моему адресу довольно ехидные замечания. Но я стерпел насмешки и добился ответа:

— Завтра в это же время.

Идти или нет? Этот вопрос не давал мне покоя весь следующий день. Но вот опустилась ночь, загорелись звезды, и уж сам не помню, как очутился на том же берегу.

Совсем близко, шагах в десяти, под задумчивые, волнующие грустные звуки танцевали русалки, изображая то ли снежную метель приближающейся зимы, то ли кружение опадающих листьев. Это был их прощальный осенний вальс. Увидев меня, они чинно поклонились и рассеялись в ночи. Ушли... Ни единой насмешки при этом, ни одной колкости. И на том спасибо.

На водяной глади, рядом с отраженным и чуть вздрагивающим диском луны, стояла Аннабель Ли. И такая тишина вокруг, что слышен был шорох ее платья, когда она приближалась ко мне. Ступив на берег и не поднимая ресниц, с укором сказала:

— Снова здесь.

— Снова, — ответил я, страшась встретить взгляд ее фиолетовых глаз.

— Извини меня, Василь. Во всем виновата я. Шутка зашла слишком далеко.

— Шутка? Неправда! Разве это шутка?

— Проводи меня до той самой станции. Попробую все объяснить.

Шли сначала молча. Миновали приозерную рощу, потом дымно светившийся луг, где в низинках уже скапливался ночной туман, и остановились на холме. Внизу белел под лунной купол станции, а прямо перед нами — темные, чуть шелестящие листвою кусты сирени. В их ветвях крохотными беззвучными молниями мелькали светлячки.

— Да, сначала пошутила, — заговорила Аннабель Ли. — А потом не пойму, что случилось. То ли забылась, то ли всерьез увлеклась. Есть в тебе что-то необычное.

— Это ты необычная, — возразил я. — Вот ты сейчас рядом и в то же время неведомо где. Какая-то далекая тайна.

— Я и есть тайна.

На ее губах дрогнула странная усмешка — лукавая и печальная одновременно. Взметнулись камыши-ресницы, и я не мог оторвать взгляда от ее удивительных глаз. Не глаза, а две звездные бездны.

— Кто же ты? — робея, почти с испугом прошептал я.

— Я никто, — в ее голосе слышалась та же печаль. Или нет! Скорее жалоба, какая-то за душу хватающая бессильная жалоба... Но в тот же миг ее лицо осветилось улыбкой, и она весело, чуть ли не с вызовом сказала: — И в то же время я всё.

— Не говори загадками! У меня кругом идет голова от этих загадок. А тут еще галактика с названием Венок Аннабель Ли. Какое отношение имеешь ты к этой галактике?

— Самое прямое. А ты не знал? Да, это я собрала на лугу цветы, сплела венок и уронила его на краю Вселенной.

— Не понимаю...

— Сейчас поймешь. — Плавным жестом руки она обвела сумеречные поля, потом показала на небо и сказала: — Видишь свет далекой звезды? Это я. А смотри, как луна сияет в траве и как вьются нити тумана. Это тоже я. Слышишь лепет ночной листвы? Это все я. Я везде и нигде.

Аннабель Ли шагнула к кустарнику, и... Все так же дымились в ветвях паутинки лунных лучей, все так же

реали светлячки. А ее не было! Она рассеялась в свете далеких звезд, во мгле серебрившихся полей. И лишь в шелесте листвы еще будто слышался шорох ее платья.

Аннабель Ли — вымысел! Мираж!.. Это открытие поразило меня, как удар грома. В отчаянии и смутении я кинулся прочь. Бежал долго, не разбирая дороги. Запылавшись, остановился перед тремя огромными дубами — теми самыми «Тремя Братьями». Я сел на бугристый корень, унял дыхание и услышал в глубине своей встревоженный голос:

— Что случилось? Ты мешаешь нашим психическим матрицам разойтись. Что тебя так потрясло?

— Аннабель Ли... Она... Она...

— Все-таки поскакал на свидание? Ай да молодец!

— Не издевайся. И без того тошно.

— Успокойся и расскажи по порядку.

— Она оказалась неземной девушкой. Вымыслом. Мечтой.

— Вот оно что! Тогда все понятно. Не переживай. Это я виноват, впутал тебя в странную авантюру.

— Не прикидывайся циником. Это не авантюра, не пошленькое увлечение. Нас пленила тайна и красота мира.

— Ай-ай-ай! Как разошелся! Как выгораживает себя — и меня заодно!

— Перестань. Это самое поэтическое создание людей и Сферы Разума. Но кто она? Откуда?

— Не будем гадать, кто она. Чувствую, что тебя гложет еще что-то.

— Жгучий стыд. Это надо же — влюбиться в мираж! Узнают люди, засмеют...

— Ничего. Все уладится! Такие истории случаются со слишком влюбчивыми и легкомысленными. Для их же пользы. Земную любовь, если она крепка, не нарушат никакие шутки и проделки неземных красавиц. Все забудется. Забудь и ты свои тревоги и волнения. Поделись-ка лучше новостями. Что ожидает меня?

— Экипаж «Валькирии и викинги» и удивительный корабль. Но о нем умолчу — это сюрприз. Он доберется до самых окраин мироздания, до кольцевой галактики.

— Неужели? Помнится, новой галактике еще не подыскали названия.

— Уже! И знаешь, какое? Венок Аннабель Ли.

— Венок Аннабель Ли! Догадываюсь, откуда пришла наша красавица. Она оттуда... Из звездных далей... Не читал, пренебрегал коллективным творчеством астронавтов... А мог бы знать!

— Дружище, что с тобой? Слышу тебя все хуже и хуже!

— Мы отдаляемся... Наша последняя беседа... Хочешь знать, кто она? Поройся в книгах... Особенно — «Звездный фольклор».

Все. Как ни вслушивался, из глубин моих не поступило больше ни звука. Вскоре и внешний мир напомнил о себе: над сонной листвой Трех Братьев прошелестела крыльями какая-то ночная птица, вдали ухнула сова. И снова тишина. Лишь в ушах затухающим эхом звучали его последние слова: «Звездный фольклор». Но что это за книга? Где ее взять?

Вдруг кто-то невидимый, услужливый и понятливый пришел на помощь... Сфера Разума! В руках я ощутил прохладный переплет книги с искрившимся названием: «Фольклор астронавтов». Раскрыл ее, и передо мной распахнулась Вселенная — так странно выглядели черные бездонные страницы, где буквы светились, как звезды. Я с любопытством перелистывал эти космические страницы, потом понемногу стал вникать в содержание.

На первых порах попались легенды о богатыре... Стартовав с Земли, астронавты летят к созвездию Гер-

кулеса, похожему своими очертаниями на гиганта с палицей. И вот светящиеся контуры созвездия шевельнулись и стали оживать, обрастать человеческими чертами. Неприветливый гигант угрожающе взмахнул палицей... Я невольно улыбнулся: приключенческие хвастливого космического Геркулеса, временами больше похожего на барона Мюнхгаузена, были очень комичны.

Представил себе астронавтов, свободных от дежурства. Жестикую и перебивая друг друга, они с хохотом предлагают в свое коллективное творение поправки, неожиданные сюжетные повороты и смешные детали... Проходят годы. Новые поколения подхватывают легенду, вносят что-то свое...

Легенды о заносчивом богатыре искрились юмором. А дальше шли сказки и баллады, полные шмящей грусти. В них говорилось о русалках звездных морей. Но ни одна из них не походила на Аннабель Ли.

Я перелистнул несколько страниц и наткнулся на раздел, где помещались наиболее совершенные коллективные творения, ставшие потом в один ряд с шедеврами мировой литературы. И один из этих шедевров, легенда о сотворении мира, открывался эпиграфом — строками старинного поэта-романтика:

И всегда луч луны навевает мне сны

О пленительной Аннабель Ли;

И зажжется ль звезда, вижу очи всегда

Обольстительной Аннабель Ли...

С первых же страниц я был захвачен, заморожен музыкой, ритмом, поэтичностью строк и той образностью, что лежит на грани волшебства. Черные страницы с буквами-звездами в моем воображении будто провалились в бездонную пучину с буйством первозданных сил, образовавшихся после первичного взрыва атома праматери. Из хаоса рушащихся миров и вспышек огневых облаков, словно из пены морской, выступила стройная дева с фиолетовыми глазами. Белое платье ее соткано из мерцающей космической пыли, а черные волосы — пряди вселенской тьмы.

Сердце у меня учащенно забилось. Это она! Королева Лебединого озера!.. Немного успокоившись, стал читать дальше и обнаружил, что герои легенды, астронавты, которым повезло присутствовать при рождении мира, потрясены не меньше меня. В скафандрах они вышли из корабля в открытое пространство, где еще не было привычного мироздания, где сверкали исполинские молнии и гремели вулканы огня. Незнакомка подняла руки и повелительным жестом усмирила стихию. Бесформенный, грозно грохочущий океан огня подчинился красоте — преобразился в упорядоченные галактики, в звезды и планетные системы. На смену хаосу пришла гармония. И даже музыка почувствовалась астронавтам в наступившей тишине — скрипичными струнами пели лучи солнц и волокна туманностей, серебряными колокольчиками звенели звезды. Они будто силились что-то сказать, нежным перезвонным пытались произнести имя своей повелительницы. Какое?

— Аннабель Ли! — воскликнул вдруг один из астронавтов.

Незнакомка повернулась и удивленно вскинула брови.

— Это вы меня так называли? — улыбнулась она. — Мне нравится!

— Откуда ты? — спрашивали астронавты. — Кто ты?

— Не знаю, — с задумчивой грустью ответила она, потом с лукавой улыбкой добавила: — Я — тайна...

Она повернулась и ушла в звездные скопления, затерялась в глубинах своих владений...

Я читал с возрастающим волнением — так увлекателен и поэтичен был сюжет легенды, полный неординарных встреч и превращений. Образ Аннабель Ли был многозначен и многолик. В одной из глав она ста-

новится неуловимой «скользящей по звездам», отделенно напоминая «бегущую по волнам» Александра Грина.

В последней главе Аннабель Ли — фея космических лугов. Упоенная красотой своих владений, она идет по бархатно-черным полям и не может оторвать взгляда от полыхающих вокруг цветов — оранжевых, синих, изумрудных звезд. Аннабель Ли наклонялась, гладила их, затем начала срывать и сплетать сияющий веночек. Незаметно подошла к границе своего царства, к тому краю, где кончается все — вещество и свет, время и пространство. Села на обрыв и, отложив в сторону веночек, заглянула в пропасть. Изумленная, отшатнулась и огляделась. Снова наклонилась и долго не могла оторвать замороженного взгляда от разверзшейся бездны. Потом встала и, забыв про веночек, в глубокой задумчивости ушла. Что она видела — остается тайной...

Я отложил книгу. Образ Аннабель Ли, родившийся в звездных даях, спустился потом с космических высот и стал достоянием земных лугов и лесов, достоянием мудрой Биосферы, ее живой Памяти. А затем на одном из красивых и звучных озер он материализовался... Нет, не поворачивается язык назвать этим неуклюжим, грубым, шершавым словом удивительный выход из мира волшебной выдумки в мир звезд и земных туманов, в мир звуков и форм, запахов и красок...

Но что со мною? Я сидел под кроной Трех братьев, а туман, стлавшийся в степи, будто вползал в меня, сознание заволакивалось и гасло... На минуту оно прояснилось, и я, как утопающий за соломинку, судорожно цеплялся за корни дуба... Цеплялся за этот мир, стараясь удержаться в нем. Но я тонул! Я неудержимо падал в прошлые века! Сфера Разума нащупывала мое столетие и мой исходный образ. Мысли рвались, туманились и наконец погасли совсем.

Кто я?

Вместо эпилога

**О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..**

Ф. И. Тютчев

Пробуждение было столь внезапным, что я вскочил с кровати и ошарашенно огляделся. Где я? Опять в стране изгнанников? Заглянув в соседнюю комнату, но вместо дивана и спящих конвоиров обнаружил там письменный стол и полку с книгами. Неужели это мой рабочий кабинет? Еще не веря себе, осторожно приблизился к окну. Подошел к нему, с замиранием и страхом: именно за окном, в кустах на лужайке, часто поджидали меня кошмары — вампиры, пауки... Однако с высоты пятого этажа увидел светившуюся рекламными огнями знакомую ночную улицу.

Итак, я — дома — в городе на Рейне и в своем столетии. Моя душа, моя «психическая матрица» тоже «дома» — в своем теле, в этом от рождения предназначенном мне «биологическом скафандре»... Прошелся по комнате и поначалу ощутил тяжесть «скафандра», вялость движений. Потом освоился со своим телом, сел за стол и обхватил голову руками. Неужели все? Неужели Сфера Разума оставит меня здесь навсегда? Или город, который только что видел из окна, — мираж?

Но нет... Мне даже не пришлось ущипнуть себя, чтобы убедиться в обратном. Наступило утро, и город

заявил о себе «весомо, грубо, зримо». Я вышел на балкон, и улицы оглушили грохотом, шипением, а в ноздри ударил ядовитый воздух. На востоке какое-то тускло светящееся пятно плавало в жутком, апокалипсическом мареве промышленных испарений. Неужто солнце?

В страхе закрыл глаза, постоял немного и снова открыл. Да, это обычное солнце моего времени. Просто я по-настоящему еще не вернулся из страны, где занимались ясные зори, просыпались росистые луга с жураелиными криками вдали.

Я вошел в комнату, и реальность еще раз напомнила о себе: щелкнул замок входной двери. Это жена открыла ее своим ключом.

— Доброе утро, Пьер,— кивнула она.— Я ночевала у тетки.

Она лгала и прекрасно понимала, что я знал об этом. Но ведь и я частенько лгал... Тьфу, как неприятно вспоминать! Давно бы нам пора разойтись. Но все как-то откладывалось: не мешали друг другу «со вкусом ловить каждое пробегающее мгновение» — и ладно...

Обычно я встречал ее шутками и помогал снять плащ. Но в этот раз нелепо засуетился и даже покраснел. Завтракали молча. Жена с недоумением поглядывала на меня и, удивленно хмыкнув, заторопилась на службу. Что-то ее во мне смутило.

Я сел за стол и задумался. Понятно, что ее настрожило: я стал другим! Жизнь в дивной стране и мои скитания все во мне перевернули. И сейчас я здесь в нравственном смысле чужак, своего рода изгнанник.

В голову мне пришла неожиданная мысль. А что, если все это мне приснилось? Во сне я как бы раскололся на две личности, раздвоился. Ведь никто не знает погребов и подвалов своего духа, в каждом живет что-то скрытое, задавленное средой и воспитанием. Когда приспособленец и жуир Пьер Гранье спал, в нем проснулось что-то нравственно ценное, что-то доброе глянуло из запыленных и пожелтевших страниц моей прежней жизни, зазвучала мелодия из полузабытого чистого детства — своего рода пастушья свирель... Тогда понятны ночные диалоги: Пьер Гранье беседовал и спорил не с вымышленным Василием Синцовым, а с самим собой, со своим лучшим «я». А удивительные переходы из страны изгнанников в мир волшебного детства и не менее сказочной юности — это борьба двух полярных начал в моей душе. В этой борьбе попеременно побеждали то Черный паук (и он чуть было не съел меня), то таинственный и неизвестно куда зовущий Пастух.

Я встал и в волнении начал ходить из угла в угол. Получается какая-то чепуха. Выходит, что во сне я видел поток образов и по профессиональной привычке как бы лепил из них фантастический роман. Он-то и переделал мой внутренний мир... Нет, вероятнее другое. Сфера Разума — а в ее реальности я не сомневаюсь — при перебросе в мое столетие разворошила во мне муравейник самых противоречивых мыслей и желаний, ассоциаций и видений. И муравейник до сих пор не улегся.

Желая обрести душевное равновесие и поскорее включиться в свою и, к сожалению, окончательную действительность, я сел за стол и принялся за привычное дело. Тем более, что меня ждала неоконченная повесть «Диктатор Галактики». За время долгих странствий (вместившихся, однако, в одну секунду) я кое-что подзабыл и решил просмотреть ранее написанные страницы.

...Перечитал первые главы «Диктатора» и стал противен самому себе. Какая пошлость! Какой-то космический секс-балаган с убийствами, шпионами и звездными сражениями. Как и «Черный паук», такая повесть вполне могла бы сойти в мире изгнанников.

Впрочем, в мире, где сейчас нахожусь, тоже... Но писать такое уже не могу. Произведения, приносившие ранее хороший доход, вызывают у меня отвращение. А ничего другого я делать не умею. Что меня ожидает? Голод?

Вспомнил, что в издательстве лежит рукопись другой повести. Если ее примут, то получу большую сумму денег. Года на два хватит, а там соображу, что к чему, найду выход.

А повесть та для меня необычная — волшебная сказка для детей, полная смешных и чудесных приключений. Удивляюсь, как мне, автору «Черного паука», удалось написать такую милую и добрую вещь. Видимо, именно тогда впервые послышались во мне далекие, как эхо, звуки пастушьей свирели...

гадал: кто он? Дракон? Так и шел я, превращая процесс адаптации в своего рода шутку и забаву.

В кабинет редактора я вошел, однако, с некоторой тревогой. Но все обошлось. Повесть моя понравилась, и скоро она будет издана большим тиражом.

Возвращался я повеселевшим и уже не обращаю на прохожих особого внимания. Привык. Дома сел за стол с твердым намерением: хватит «Пауков» и «Диктаторов». Буду писать о Сфере Разума.

Работал, почти не выходя из дома. Писал с увлечением по четырнадцать часов в сутки. Жена — все более редкая гостья в моей квартире — поглядывала на меня с возрастающим удивлением. Насмешливо сощуриив глаза, однажды спросила:

— Ты что, в отшельники записался? В схимники?

Сегодня, кстати, я могу узнать о судьбе рукописи. Чтобы поскорее привыкнуть к своему миру, в издательство решил идти пешком. Перед дверью на минуту задумался. Вспомнилось, что Гулливер, вернувшийся домой из страны благородных лошадей-гуингмов, на первых порах шарахался от людей: они ему казались отвратительными иеху. Не случится ли нечто подобное со мной?

Так и есть! В подъезде я столкнулся с грузным мордастым субъектом и отпрянул в сторону. Вампир! Мистер Ванвейден! Субъект удивленно взглянул на меня, потом приподнял шляпу и поздоровался. Я ответил кивком головы. Это же хозяин дома, в котором живу. «Вампир и есть», — подумал я.

На улице я уже неплохо освоился. Мимо прошла молодая девушка с добрым улыбочивым лицом. А что, если она в истинном виде своем ведьма? Впереди шагал высокий сутуловатый мужчина, а я с усмешкой

— Записался, — смущенно ответил я.

Она как-то засуетилась и, пожав плечами, ушла. И больше не возвращалась. Я чуть ли не пугал ее, показавшись существом непонятым. В лучшем случае — не от мира сего, как оно, пожалуй, и было на самом деле...

С тех пор в моей квартире поселился большой дымчато-серый кот. С утра он усаживался на письменный стол и поглядывал на мои творческие потуги, как мне казалось, с плохо скрытой иронией.

И он прав. Что-то не клеилось у меня, не вытанцовывалось. После двух-трех ярких эпизодов потянулись серые, маловыразительные страницы. Я догадывался, в чем дело: город. Раньше я не ощущал его бремени, а его шипение и ляг воспринимал чуть ли не как музыку. Но сейчас он давил меня. Моя душа, избалованная видениями весенних лугов, рвалась на волю.

Решил отдохнуть день или два. Ведь не все сгнило, где-то еще сохранились поля и рощи. Утром сел в машину и через час выскочил из грохота и чада на относительно тихое шоссе. Через несколько километров свернул на еле приметную дорогу, миновал пыльный кустарник, жиденькую рощу и на одном из притоков Рейна нашел чудом сохранившийся уголок. На миг даже забылся: в тишине тенистой рощи шелестела листва, слышался чей-то живой говор. Уж не дриада ли? Усмехнувшись, постарался отогнать эту блажь. Травы и цветы, сосны и березы, которые я вижу сейчас, оживут по-настоящему в будущем, когда напитаются мудростью веков. До Сферы Разума им далеко. Сначала наша планета должна стать сферой разума в ином смысле — сферой разумных отношений между людьми и народами. А уж потом...

Не успел додумать эту мысль, как впереди слышались звонкие голоса, смех. Я вышел на опушку и на берегу небольшого пруда обнаружил ребятшек с удочками в руках. Сел рядом с ними, познакомился. До дяди Абу мне, конечно, далеко, но подружиться с ребятами я сумел. Разговорились, и я исподволь, незаметно стал приучать своих собеседников видеть в природе нечто живое, приветливое и доброе: в цветах — танцующих эльфов, в солнечных бликах на водной глади — беззвучный русалочий смех.

После обеда, когда мы опустошили багажник со съестными припасами, с запада тихо подкралась темная туча, несшая на себе пену облаков, окрашенных в самые неожиданные цвета и оттенки.

— А что, если облака тоже живые? — спрашивали ребята.

— Конечно, — убеждал я. — Это же волшебные кони! Видите того угнедога, с вьющейся рыжей гривой? А рядом серый в яблоках! А вон еще один. И на конях скачут небесные всадницы. Скоро они хватят мечи, и те засверкают, как молнии...

Пока туча бесшумно обкладывала небосвод, я рассказал о своем весеннем празднике грозы. Ребята, конечно, восприняли рассказ как только что при-

думанную сказку. Но я здорово увлек их своими видениями. И когда обрушился шипящий ливень и загрохотал гром, ребята не стали прятаться. Они глядели в клубящуюся мглу, вздрагивавшую от огненных вспышек, потом вместе со мной плясали, тянулись руками вверх и кричали:

— Валькирии! Валькирии! Возьмите нас!

...Дома я быстро, на одном дыхании, написал главу «Валькирии и викинги», забежав тем самым несколько вперед. Потом вернулся к первым главам.

И дело пошло... Как-то странно пошло. Я начал двоиться! И не во сне или в воображении, а наяву. Слово дверь распахнулась от порыва свежего ветра, и я вошел... Не знаю, как и выразиться. Я вошел не в приснившийся мир, а в самый что ни на есть реальный. В мир, в котором я доподлинно родился и доподлинно живу... Я стою на берегу ночного, отдыхающего Лебединого озера, вдыхаю родной воздух и с жадностью вглядываюсь в небо, где мириадами звезд раскинулась красавица Вселенная — таинственная Аннабель Ли...

Так кто же я на самом деле? Едва мелькнула эта мысль, как маятник качнулся в обратную сторону — и я снова Пьер Гранье. Я снова за столом и с волнением и страхом пишу о том непонятном, что творится со мной.

Внезапно жизнь Пьера Гранье оборвалась совсем. Уж не вымысел ли он?.. Нет, вернее другое — он где-то далеко в прошлом и сам по себе, а я — Василий Синцов. Тоже сам по себе... Я один в тихо шевелящейся ночи. Я иду от Лебединого озера домой, возвращаюсь в село, как из дальних странствий. Или как человек, долго пропадавший без вести... Я иду в свой мир, вливаюсь в его бесконечность...

Шелестят метелки трав, в роще глухо ухнула знакомая с детства сова, а вдали, басовито гудя, пролетели ночные жуки. Над лесостепью плывет луна, путаясь в сизых и вытянутых, как вербный лист, облаках. И вдруг в стороне, еще далеко за селом, послышалось всхрапывание лошадей и тихо запела свирель... Кто я?

АЭЛИТА, 1991, № 1—9

Повести и рассказы

1. Андрей БАЛАБУХА. Распечатыватель сосудов	№ 1
2. Александр ЧУМАНОВ. Ничто не ново — только мы	№ 2, 3
3. Геннадий ПРАШКЕВИЧ. Ловля ветра	№ 3
4. Александр ЕТОЕВ. Поучительный случай	№ 3
5. Владислав КРАПИВИН. Белый шарик Матроса Вильсона	№ 4-6
6. Александр БОГДАНОВ. Праздник бессмертия	№ 5
7. Сергей ГЕОРГИЕВ. Дракон; Мастер Лю	№ 5
8. Тамара ВЕТРОВА. Город, которому ничто не грозит	№ 6
9. Семен СЛЕПЫНИН. Сфера Разума	№ 7-9
10. Сергей ДРУГАЛЬ. Нимфа и лейтенант	№ 8
11. Татьяна ГРУЗДЕВА. Подкидыш	№ 9

ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ

Обзор ответов на викторину-91

— Ну а ты! Порох-то есть еще в пороховницах! Не слабеет память!

— Проверь.

— И проверю!

И. Забелин. Сказы о братстве

Проверили и мы... Рассказ же о результатах проверки ответов на очередную викторину начнем с грустного. Хотя почти в каждом письме, помимо предложений и замечаний, содержится и просьба сохранить викторину, количество участников вновь сократилось, причем более чем на треть. Свои ответы прислали лишь 92 человека (из них школьников, учащихся ПТУ и техникумов — примерно 37 %, женщин — 14 %). Возможно, разумеется, что сыграла черную свою роль злокозненная наша почта: в Москву, например, январский — с викториной! — номер журнала (весь год, заметим, печатавшегося строго по графику) поступил, по свидетельствам многих наших подписчиков, лишь в мае, когда времени для работы над этой вот самой викториной практически уже не оставалось...

Как и в прежних викторинах, мы брали в зачет ответы лишь на один вариант конкретного тура, подсчитывая при этом все находки, предположения и частичные ответы (скажем, когда правильны лишь автор или название), начисляя и соответствующую часть от положенных максимальных 2 баллов за верный ответ, честно отбирая тот вариант, в котором отвечающему повезло больше. И по-прежнему не склонны засчитывать ВСЕ ответы. Конкурс есть конкурс, он не может не быть, он должен и обязан быть честным!

Переходя к обзору ответов, благодарим тех, кто помог нам снабдить текст эпиграфами. Это — Н. Валевач (Джезказган), А. Давлетов (Уфа), С. Зырянов (В. Уфалей), Н. Ильиных (Красноярск), И. Калиганов (Бийск), В. Лобанов (Казань), Д. Могелайнен (р/п Муезерский), А. Почуев (Крутой Верх Тульской обл.), В. Суханов (Камышин), О. Федоркин (Мытищи), В. Шиловский (Норильск), А. Яковлев (Ульяновск).

Тур I-A

— Я человек образованный, — произнес он, медленно подбирая слова, — но в моем образовании есть пробелы... То, что вас интересует, явно относится к пробелам. Здесь я бессилен.

А. Бестер.
Звездочка светлая,
звездочка ранняя

Мы отчего-то не очень склонны считать, что на результативности ответов в первом туре сказалось уменьшение вариантов: скорее, дело вот в этих самых пробелах (точнее — памяти), да еще, в какой-то мере, доступности искомым произведений. Хотя, как вы легко убедитесь в дальнейшем, мы старались использовать далеко не самые редкие издания — как правило, не малотиражные, вышедшие не очень давно (последнее, впрочем, как вы тоже сможете заметить, не столь существенно). И все-таки более половины отвечавших не

смогли перешагнуть в этом туре рубеж в 10 очков. Рекордсменами, набравшими в своей возрастной группе наибольшее количество баллов, стали: у взрослых — А. Дороднов (Ульяновск, 20,5), В. Молчанов (Пермь, 20,0) и А. Яковлев (снова Ульяновск, 19,0), а среди школьников — Александр Пургин (Варнавино Нижегородской обл., 14,5), Дмитрий Шибакон (Челябинск, 14,0) и Илья Ладыгин (Усть-Каменогорск, 13,0).

Что ж, давайте посмотрим, какие возникали сложности при ответе на конкретные вопросы...

1. «БЫЛ ВОСЬМОЙ ЧАС ВЕЧЕРА, КОГДА ДОКТОР ПРИЛОЖИЛ УХО К МОЕМУ СЕРДЦУ, ПОДНЕС МНЕ К ГУБАМ МАЛЕНЬКОЕ ЗЕРКАЛО И... СКАЗАЛ ТОРЖЕСТВЕННО И ТИХО:

— ВСЕ КОНЧЕНО.

ПО ЭТИМ СЛОВАМ Я ДОГАДАЛСЯ, ЧТО Я УМЕР».

ГДЕ ОПИСАНА ЭТА НЕБАНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ!

— Это же так просто. Вы умерли минуту назад.

— Что вы говорите, а я этого совсем и не заметил!

Ч. Хрущевский.
Порок души

«И действительно, — рассуждает А. Скоробогатых (Охотск), — почему-то герои НФ очень любят умирать, чтобы потом воскреснуть и жизне-радостным тоном живописать свои загробные приключения. Есть мнение, что этой скорбной традиции дал начало еще Марк Твен своим «Путешествием капитана Стормфильда в рай», ну а совсем свежий пример продемонстрировал в повести «Бхага» Г. Гуревич». Произведений подобного типа и впрямь оказалось довольно много — не случайно именно данную тему чаще всего выбирали для реферата в туре III-2. При этом, скажем, в рассказе «Без дыхания» Эдгара По (писавшего, кстати,

много раньше М. Твена) даже описание происшествия очень похоже на цитату, приведенную в вопросе: «...молодой врач поднес к моим губам карманное зеркальце и убедился, что я бездыханен...».

Конкретное же произведение, хотя и было написано во времена все того же М. Твена, в последние годы неоднократно переиздавалось, поэтому с его поисками особых затруднений не было: рассказ Алексея Апухтина «Между жизнью и смертью» назвали совершенно правильно 20 взрослых и 10 школьников.

2. В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ВСТРЕЧАЮТСЯ РАСТЕНИЯ, «КОРНИ КОТОРЫХ УХОДЯТ В ГЛУБОКОЕ ПРОШЛОЕ, В НАСТОЯЩЕМ РАСЦВЕТАЮТ ИХ ЦВЕТЫ... И ЛИШЬ В ДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ ВЫЗРЕВАЮТ ИНОГДА ПЛОДЫ, СОДЕРЖАЩИЕ В СЕБЕ ТАЙНУ БЕССМЕРТИЯ?»

— Как, бишь, это называлось!..

А. Дмитрук.
Рай без охотников

«Трескучки» — так называются эти удивительные растения с далекой планеты... 53 участника викторины (в том числе 14 школьников) с легкостью нашли подробное их описание в «Белых колоколах Реаны» — первой части романа «Сезон туманов» Евгения Гуляковского.

3. «— И 82, ОН ЖЕ МИГЕЛЬ АНДРЕ ФОН ФЕРДИГАЙЛО ИБН СИДОРОВ 405/812 ПЛЮС-МИНУС БЕСКОНЕЧНОСТЬ,— ОБЪЯВИЛ ЭТОТ ГОЛОС С БЕССТРАСТНОСТЬЮ, НА КОТОРУЮ СПОСОБНЫ ТОЛЬКО АВТОМАТЫ,— ТРЕБУЕТ СВЯЗИ С ЭОЛИНГОМ 38!» ОТКУДА ЭТА ЦИТАТА!

— Как, как! Это же порядковый номер, а не имя!

М. ТВЕН.
На школьном холме

«Ничто не ново под Луной», — вздохнул В. Чашечников (Сумы). «Не перевелись еще в фантастике потомки Ральфа С 41+, рожденного фантазией незабвенного Хьюго Гернсбека», — продолжил его мысль В. Суханов (Камышин Волгоградской обл.). — Есть они и в романе Владимира Савченко «За перевалом», откуда взята цитата. Обидно только, что В. Савченко не смог придумать достойных имен для наших потомков. Ну, точь-в-точь унылые «нумера» Е. Замятина...» Что ж, создать

оригинальную систему имен не такто, по-видимому, просто; кроме того, не стоит упускать из виду, что различные замысловатости иной раз вводятся в текст вполне сознательно.

Что касается «...ибн Сидорова», неординарность его титулов не облегчила поиск: лишь 15 взрослых и 2 школьника обнаружили источник цитаты. Кстати, вопреки предположениям некоторых участников викторины, произведение не такое уж и «старое» — издано в 1984 году...

4. «— ВОТ ЧТО Я ВАМ ПОСОВЕТУЮ,— СРАЗУ ЖЕ ПЕРЕШЛА ОНА К ДЕЛУ.— ВОЗЬМИТЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КУРС АТОМНОЙ ФИЗИКИ ПРОФЕССОРА САХАРОВА. ЭТО, НА МОЙ ВЗГЛЯД, ЛУЧШИЙ ИЗ УЧЕБНИКОВ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС ЕСТЬ». В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ДАН ЭТОТ СОВЕТ!

— С Сахаровым мы знакомы. Это — фанатик! — с искренним уважением сказал Дягилев. — Помоему, он на пороге важных открытий...

И. Забелин.
Загадки Хаирхана

Знакомы-то, оно конечно, знакомы — кто ж нынче не слышал об Андрее Дмитриевиче Сахарове? К тому же, как верно заметила С. Петрова (Баево Вологодской обл.), «фамилия Сахарова не такая уж забытая в фантастике». В самом деле, здесь можно встретить и «того самого» (например, в наиболее часто упоминаемом участником викторины романе А. Кларка «2010: Одиссея-2», а также в рассказе В. Рыбакова «Давние потери»), и различных однофамильцев. Константин Андреевич в повести И. Забелина, из которой взят эпиграф, — энтузиаст пещерных исследований, председатель московского клуба спелеологов-туристов; в повести же С. Абрамова «Неформашки», к примеру, эту фамилию носит писатель. Ну, а Сахарова, которым интересовались мы, нашли лишь четверо взрослых да двое школьников (упоминавшиеся в преамбуле тура И. Ладыгин и Д. Шибаков).

Впрочем, сделать это было действительно довольно сложно: роман Ю. и С. Сафроновых «Внуки наших внуков», из которого извлечена цитата, вышел в свет в 1959 году... Предвидим массу возмущенных восклицаний, но уж слишком велик был соблазн использовать вопрос, предложенный В. Савиловым из Новомосковска: как-никак, а желание искать совета и помощи в трудах знаменитого нашего ученого-гражданина звучит сегодня актуально!

5. «— ВЫ ЕЩЕ НЕДОСТАТОЧНО ПОДГОТОВЛЕННЫ К ТОМУ, ЧТОБЫ НЮХАТЬ СЕРЬЕЗНУЮ МУЗЫКУ.— СКАЗАЛ ОН, УЛЫБАЯСЬ». ОТКУДА ЭТА ФРАЗА!

Сосредоточившись, он понял, что так могла пахнуть только гипотенуза, квадрат которой равен сумме квадратов катетов...

Е. Гуляковский.
Сезон туманов

В качестве эпиграфа к этому вопросу неплохо смотрелся бы и предложенный нам Н. Никифоровым (Измаил) диалог из рассказа Р. Подольного «Тяжелый случай»:

«— Все-таки симфония запахов не искусство. Иначе мы бы до него додумались раньше вас!

— Додумались был! Не искусство! — возмутился профессор. — А вы пробовали слушать музыку с пробками в ушах?»

Профессора, право же, можно понять — недаром многие из отвечавших вспомнили историю с Ийном Тихим (С. Лем. Путешествие 25-е), не получившим эстетического удовольствия по причине затынувшегося насморка...

О запахах искусства говорится во многих НФ произведениях, «Возвращение» А. и Б. Стругацких, «Люди как боги» С. Снегова, «Вечер в 2217 году» Н. Федорова... Высказывание же, вынесенное в вопрос, нашли в рассказе И. Варшавского «Старший брат» 11 взрослых и 16 школьников. Не так уж и много, если учесть, что напечатан он в № 3 «Юного техника» за 1989 год.

6. «КАПИТАН СЕРЬЕЗНО КИВНУЛ И, ЗАЖАВ В КУЛАКЕ ВОСЕМЬ СПИЧЕК, В ТОМ ЧИСЛЕ ТРИ СЛОМАННЫЕ, МОЛЧА ПРОТЯНУЛ К НАМ РУКУ». В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ СТОЛЬ НЕОБЫЧНО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ВЫБОР ТРЕХ ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАНИЯ!

Спор, по обыкновению, закончился жеребьевкой. Я подкинул в воздух шайбу-прокладку и на лету прихлопнул ее ладонями...

А. Климов.
Кинозал для «Альбатроса»

Как выяснилось, в фантастике жеребьевка применяется довольно часто, и предметы для этого используются самые разнообразные. Однако у внимательных читателей возникают ехидно-недоуменные вопросы — для чего бы это, например, для какой такой нужды оказываются припасены в ракете солома (Э. Нортон. Саргассы в космосе),

веник (Р. Брэдбери. Ракета) или те же спички?.. Кстати, цитата для вопроса взята из рассказа А. Азимова «Коварная Каллисто», о чем нам и сообщили 10 взрослых и 4 школьника. Немного? Что ж, рассказ-то хоть и был напечатан в том же «Юном технике», но — давненько-таки: в 1978 году...

7. «— А КТО ПЕРВЫЙ ИЗОБРЕЛ ОКСИТАН! НЕ ЗНАЕШЬ, ТРУДЯГА! А В КАКОМ ГОДУ! ТОЖЕ НЕ ЗНАЕШЬ!» А ВЫ ЗНАЕТЕ!

— Это просто, как блин,— сказал он.— Это тривиально. Это плоско и банально. Это даже неинтересно рассказывать...

А. и Б. Стругацкие.
Понедельник начинается в субботу

Честно говоря, мы даже несколько удивлены: лишь треть участников викторины уверенно назвала первоисточник — другую повесть братьев Стругацких, «Возвращение (Полдень, XXII век)». Да, конечно, впервые она вышла едва ли не тридцать лет назад, но ведь не раз затем переиздавалась! Кроме того, с произведениями Стругацких проблем обычно не возникало: нас, бывало, даже упрекали в излишней легкости таких вопросов. Вот почему в этот раз мы несколько усложнили задачу и за указание произведения начисляли лишь один балл. Еще одно очко получали те, кто сообщил требуемые вопросом сведения; помимо того, им начислены дополнительно 0,5 балла — за внимательность.

Полная информация по этому вопросу обнаружена нами лишь у 11 взрослых и 5 школьников: в главе «Злоумышленники» Геннадий Комов (он же — Капитан) сообщает Альберту Сидорову (проще — Ато-су), что окситан изобрел Эл Дженкинс в 72-м. Версия некоторых участников викторины: поскольку подобное сокращение характерно обычно для текущего столетия, можно предположить, что произошло это в 2172 году.

8. «И ТУТ Я ЗАМЕТИЛ НЕОБЫЧАЙНОЕ ЯВЛЕНИЕ: СОЛНЦЕ ПОШЛО ВСПЯТЬ К ВОСТОКУ, ПОСТЕПЕННО СКАТЫВАЯСЬ К ГОРИЗОНТУ». В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ВОЗНИКЛА ЭТА СИТУАЦИЯ?

— Поглядите-ка, — заметил швед,— Солнце стало опускаться к востоку!

К. Циолковский.
Вне Земли

В ваших письмах мы с интересом прочитали о различных причинах, по которым Солнце может двигаться «неправильно», — и чисто теоретические рассуждения, и соответствующие примеры из НФ произведений. Но лишь 7 школьников и 8 взрослых нашли предложенную цитату в «Звезде КЭЦ» Александра Беляева... Вещь, конечно, написана давненько, но в книгах Беляева создан свой особый мир, который достоин того, чтобы о нем помнили.

9. «— ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ! — УДИВИЛСЯ Я.

— СЕЙЧАС ВЫ СКАЖЕТЕ МНЕ ОБ ЭТОМ, — СПОКОЙНО ОБЪЯСНИЛ ГУМАНОИД.

ЛОГИКИ В ЭТОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ Я НЕ НАШЕЛ. ОДНАКО ПО СУЩЕСТВУ ОН БЫЛ, РАЗУМЕЕТСЯ, ПРАВ».

ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТРЫВОК!

Как хотите, но есть в этом что-то от контрамоции... Нутром чую.

А. и Б. Стругацкие.
Понедельник начинается в субботу

«Нутро» не подвело лишь 14 взрослых и 2 школьников — предложенный в вопросе отрывок они нашли в рассказе Михаила Пухова «Коммуникабельный гуманоид». К слову сказать, многие вспомнили очень похожий диалог, произошедший в повести «Девочка с Земли» К. Булычева, а несколько человек попытались найти ответ в «отчетах» Ийона Тихого. Знаменитому космопроходцу вообще повезло почему-то в нынешней викторине: практически по каждому вопросу хотя бы один из участников предлагал в качестве первоисточника какое-либо из произведений С. Лема об этом «звездном Мюнхгаузене»...

10. В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ФИГУРИРУЕТ СВЯЩЕННАЯ КАРТИНА, НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕНЫ «...ДЕРЕВО, И ЦВЕТЫ, И РЕКА, И ДОМ ВДАЛЕКЕ, И НЕБО С ОБЛАКАМИ, И ВЕТЕР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО ВИДНО, НО КОТОРЫЙ ЧУВСТВОВАЛСЯ!»

Интересно, что я даже не удивился. Такая постановка вопроса показалась мне совершенно естественной.

А. и Б. Стругацкие.
Малыш

«Как-то все мы вместе с писателями-фантастами забываем о быте...

все приборы да приборы. Вот и возникла религия: люди стали молиться Священной Картинае...» — размышляет О. Тумановский (Ровно). Эту Картину в рассказе Клиффорда Саймака «Поколение, достигшее цели» нашли 29 взрослых и 18 школьников. Возможно, и они рассуждали так же, как москвич Л. Выставкин: «Все перечисленные предметы и природные явления для нас совершенно обычны, а то, как они выделены, свидетельствует, что для кого-то они являются недоступными. Очевидно, люди очень длительное время находятся в каком-то ограниченном пространстве — или в противоатомном бункере, или в космическом корабле. Осталось проверить повесть Р. Хайнлайна «Пасынки Вселенной» и искомый рассказ К. Саймака...»

Добавим, что другими участниками викторины проверялись также рассказы Р. Брэдбери и «Город наверху» К. Булычева.

11. «— СТАНЦИЯ! — ПРОСТО-НАЛ Я.— НЕИСПРАВНОСТИ ПРОВЕРЬТЕ, КОМУ РАНЬШЕ ПРИНАДЛЕЖАЛ СКАФАНДР, И...

Я НЕ ЗАКОНЧИЛ ФРАЗУ; ГОВОРЯТ, МИКРОФОН НЕ ВЫДЕРЖАЛ МОЕГО ВОПЛЯ. НО КАКОЙ ЧЕЛОВЕК, НАГЛУХО ЗАПЕРТЫЙ В КОСМИЧЕСКОМ СКАФАНДРЕ, НЕ ЗАВОПИЛ БЫ, ВДРУГ ПОЧУВСТВОВАВ НАШЕЕ МЯГКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ!»

ОТКУДА ЭТОТ ОТРЫВОК!

Где-то я читал про такую каватасию,— подумалось Семену,— где-то в зарубежной фантастике...

С. Абрамов.
Стена

Да, уж что только не нарисует нам растревоженное воображение! А и вся-то причина «вселенского ужаса» — в маленьком котенке, случайно пригравшемся в неподходящем месте... При этом участникам викторины известны случаи, когда совместное влезание в один скафандр (например, в повести Р. Хайнлайна «Имею скафандр — готов путешествовать»; или — шустрые мальчишки в одном из приключений Ийона Тихого...) происходит без подобных панических воплей. Ну, а рассказ Артура Кларка «Кто там?..», из которого взят отрывок для вопроса, нашли 11 взрослых и 4 школьника.

12. КОРАБЛЬ — ЭТО ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ, СОСТОЯЩЕЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗ КОМАНДЫ. ГИБЕЛЬ ОДНОГО — УДАР ПО ВСЕЙ КОМАНДЕ... В КА-

КОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ СКАЗАННОЕ ПОНИМАЕТСЯ БУКВАЛЬНО!

— Вам не кажется, что вы пытаетесь меня надуть! — спросил он наконец.

— Простите! Что вы имеете в виду!!

С. Лем.
Дознание

В ответах на восьмой вопрос кое-кто упрекал нас за слишком большое количество ситуаций (а значит, и произведений), где Солнце может двигаться «неправильно». Ну, а здесь мы получили даже обвинения в некорректности вопроса и полной его расплывчатости. В первом-то случае существовала все-таки некая цитата, данный же вопрос сформулирован своими словами, что неизбежно дает возможность различных толкований. Вот и предлагались нам в качестве ответа, причем с логическим его обоснованием, и «Гражданин Галактики» Р. Хайнлайна, и «Девять жизней» У. Ле Гуин, и «Звездочка-Во-Лбу» О. Ларионовой, и «Идеальная команда» Б. Шоу, и еще кое-что... Между тем, ключевыми в вопросе являются слова «исключительно из команды» — они-то и помогли 24 взрослым и 9 школьникам обнаружить этот странный Корабль в рассказе Роберта Шекли «Специалист» («Ускоитель»).

13. «— МИНУТА НАШЕГО ВРЕМЕНИ РАВНА 41 $\frac{2}{3}$ ГОДАМ ВАШЕГО. ПО НАШЕЙ СИСТЕМЕ ИЗМЕРЕНИЯ МНЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ, А ПО ВАШЕЙ БЕЗ МАЛОГО ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ». ОТКУДА ЭТОТ ОТРЫВОК!

Время относительно. В одной части Вселенной проходит мгновение, в другой — миллиарды лет. Оно растягивается и сжимается. Минута обращается в столетие и тысячелетие...

А. Дубаева.
Потерявший орбиту

С этим рассказом Марка Твена особых сомнений не возникало: его или находили, или нет. Издавался он у нас неоднократно и под разными названиями — «На школьном холме», «Школьная горка» и др. Положенные за правильный ответ 2 балла получили, разумеется, все 25 человек (среди них 8 школьников), назвавшие любой из вариантов перевода.

Тур I-B

— Вы пробовали расшифровать эту надпись! — спросил Холмс.

— Пробовали. К сожалению, безуспешно...

Е. Войкунский, И. Лукодянов.
На перекрестках времени

В этом году криптограмму решали 36 человек (в том числе 10 школьников), из них зачетной она стала для 28, а у остальных набранное количество баллов было ниже или равно набранному ими при ответах на вариант «А». Обычно здесь набиралось количество очков, близкое к 10; лишь четверо среди взрослых сумели набрать больше 15-ти (причем один из них — В. Молчанов из Перми — полностью выполнил все задание); среди школьников более всего преуспели Анатолий Кабанов (Златоуст, 14 баллов) и упоминавшийся уже Илья Ладыгин (17 баллов).

В чем особенности нынешней криптограммы?

Прежде всего — происхождение цитат «текста». Наиболее повезло первой из них (от начала до «тимьяна») — ее уверенно нашли в рассказе А. Донева «Алмазный дым» 18 взрослых и 4 школьника. Следующая цитата (до слов «...в том же духе» включительно) была из «Голоса неба» С. Лема — ее обнаружили лишь 3 взрослых и школьник из Н. Новгорода Дмитрий Зимин. Затем вновь идет кусочек из «Алмазного дыма» (до «...хрипловатый голос»). Отрывок до слова «иероглифы» взят из повести Г. Мартынова «Сто одиннадцатый», о чем сообщили только В. Молчанов и Н. Кочергин (Мичуринск Тамбовской обл.). Следующая цитата заканчивается перечислением заглавных букв и обнаружена 11 взрослыми и 3 школьниками в романе «Море Дирака» («Черный ящик Цереры») М. Емцева и Е. Парнова. Заключительное обращение к Ватсону вновь взято из «Алмазного дыма»; предыдущий же — самый большой — кусок текста 13 взрослых и 4 школьника нашли в рассказе Г. Альтова «Богатырская симфония». Вплотную к этому куску подогнаны вопросы на знание фантастики.

Что значит все это! Какой смысл таится в наборе таинственных слов!

Н. Томан.
В погоне за Призраком

В общем-то ничего таинственно-го — это и есть основной ключ к шифру: правильно отгаданные слова

вписываются над числами, и мы получаем буквенно-цифровой алфавит для прочтения зашифрованного текста. А слова такие: **Адж-Богдо** (А. Шалимов. Тайна гремющей расщелины), **Альверон** (А. Кларк. Спасательный отряд), **ОЗХ** (Э. Роудс. Солнце на продажу), **Горизк** (А. Волков. Тайна заброшенного замка), **Апокалипсус** (С. Лем. История о Множественниках, их короле Мандрильоне, советнике его совершенном и Трурле-конструкторе...), **термогард** (Б. Шоу. Свет былого) и, наконец, **Черный Яша** (одноименная повесть З. Юрьева).

И не было ничего удивительного, что их поиски оставались безуспешными...

К. Саймак.
Кольцо вокруг Солнца

Во-первых, прежде чем замечать цифры на буквы, нужно внимательно прочесть «текст», из которого следует, что и перечень заглавных букв тоже является ключом. Он представляет собою ряд чисел от 1 до 10, обозначенных первыми буквами их названий. Нетрудно сообразить, что от чисел шифровки нужно отнять (обратный вариант — со сложением — отпадет при исследовании чисел ключевых слов) последовательно значения этих цифр. А вот, во-вторых, дальше начинается самое простое, но и самое сложное: замена цифр буквами. Несмотря на предварительные перепроверки, и в этот раз в шифрограмму вкрались опечатки (честное слово, не специально, как подозревают некоторые участники викторины!), причем рекордное количество. Правда, 3 человека все же прочли послание — не только путем долгого перебора вариантов с расчетом на предполагаемые опечатки, но и догадавшись по первым буквам, что текст начинается с приветствия. Это, кроме В. Молчанова, упомянутый выше Н. Кочергин, а также Р. Масленников (Кострома).

Ну, а получиться должно было следующее:

«Здравствуй, дорогие братья по разуму! Вы от нас немного отстали, но мыслить можете, а это хорошо. Так что мы вас сейчас быстренько малость подтянем, потому что это наш долг. Значит, так: во-первых...»

Это заявление сделано в повести В. Малова «Посылка» из его сборника «Форпост «Надежда» (М.: МГ, 1989) — специально уточняем публикацию, т.к. в «Юном технике» (1984, № 9) текст несколько отличается.

Вот почти и все об этом варианте первого тура. Осталось только добавить, что из ключевых слов

легче всего были найдены Черный Яша (21 взрослый и 5 школьников), Горизк (соответственно 15 и 6) и термогард (11 и 6). Остальные слова нашли, в той же последовательности: Адж-Богдо — 4 и 2, Альверон — 11 и 3, ОЗХ — 7 и 2, Апокалипсис — 5 и 2.

Принимая нарекания на опечатки, мы все-таки не согласны с теми, кто категорически отрицает саму криптограмму; для того и существуют два различных по характеру задания, чтобы каждый выбирал то, что ему более по вкусу. Если же не подходят оба варианта, мы с удовольствием рассмотрим и опробуем любые иные — лишь бы они были интересны и равноценны существующим.

Тур II

— Я сделаю все, что в моих силах,— пролепетал я...

Ч. Сноу.

Смерть под парусом

Можно было бы, конечно, привести здесь какой-нибудь из полученных нами эпиграфов, рассказывающий о «бурной нелюбви» определенного количества участников викторины к этому туру, но цитата из Ч. Сноу понравилась нам тем, что одинаково отражает как ваши, так и наши усилия. Вот уже несколько лет мы (пока безуспешно) пробуем различные варианты, сохраняя лишь основу задачи — так называемый «технический обзор» литературы. Отринув субъективную сторону проблемы (кто-то любит, а кто-то категорически отвергает подобные задания), вновь вздохнем о том, что списки получились неравноценные по величине и сложности работы.

Участники викторины заинтересовались-таки практической частью библиографического обзора новинок НФ: 40 взрослых и 24 школьника заня-

лись именно этим вариантом. Правда, лишь немногие, не ограничившись просмотром «Книжного обозрения», решились на более серьезную работу; многие не приложили усилий и для отсеивания переизданий. Объемы же списков получились следующие: у 7 взрослых и 9 школьников — менее 100 названий в списке, у 18 и 9 — от 100 до 200, у 12 и 5 — от 200 до 300, и лишь трое взрослых и один школьник составили более обширные каталоги. Самую большую работу проделал В. Окулов (Иваново), который указал более 600 изданий, выделив переиздания в особый перечень. Сравнительный анализ списков позволил нам составить достаточно объемистый обзор новинок НФ, который, как вы несомненно заметили, мы и печатаем с предыдущего номера.

Тех, кто изучал аппараты и иные приспособления для чтения мыслей, оказалось 25 человек (из них 6 школьников). Не удивительно, ведь эта работа заметно сложнее; нужно не просто указать произведение или назвать аппарат, но и сообщить различные «технические данные». Большинство участников обнаружило не более 15 таких устройств, самые же длинные перечни: среди школьников — 22 — у Александра Борисова (Углич), а среди взрослых — 58 и 59 — у Н. Каргапольцева (Курган) и О. Тумановского (Ровно).

Неожиданно оказалось, что в обоих вариантах предельной служит цифра 6, хотя и с разным количеством нулей, от которых мы постарались избавиться, деля количество названий в варианте «А» на 100, а в варианте «Б» — на 10. Хотелось бы здесь успокоить тех, кто наверняка вздохнет по поводу низкой оценки трудов в этом туре. Поверьте, мы очень ценим ваши усилия, но не хотим загромождать оценки трехзначными числами. К тому же, одинаковое уменьшение едва ли способно существенно повлиять на объективный больший или меньший успех и распределение в очереди...

Тур III-1

В природе существует все. Во всяком случае — все, что мы можем вообразить.

М. Пухов.

Станет светлее

Как и в прошлые годы, одни участники викторины заданий этого тура не делали вовсе, зато другие отвечали на оба варианта.

Формами разумной жизни с двумя и более фазами существования заинтересовались лишь 26 читателей. Представлено 13 рефератов; рассказ П. Вежинова «Синие бабочки», из которого взята фраза, нашли 10 взрослых и 8 школьников.

Гораздо большее внимание было уделено НФ играм — потому ли, что цитату быстрее находили, или тема более разработана в фантастике? Всего на вариант «Б» отвечали 68 человек, из них 19 школьников и 41 взрослый успешно отыскали рассказ С. Кинга «Сражение» («Поле боя»), в котором описано происшествие с «Вьетнамским сундучком американского солдата Джо»...

Тур III-2

— Видите ли... я всегда читаю, что ответ зависит прежде всего от вопроса.

А. Кристи.

Смерть в облаках

Возможно, формулировка этого задания действительно сложна, потому многие даже и не пытаются его выполнить? Вот и в нынешней викторине лишь 28 взрослых и 7 школьников составили рефераты; плюс к тому с десяток неудачных попыток... Обиднее всего, что иной читатель в туре I-А эмоционально, серьезно или с юмором, рассказывает о поисках ответа, о встреченных сходных ситуациях и т.д., дой-

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ-91

Победителями очередной нашей викторины стали в группе взрослых В. Молчанов (Пермь; 47,1 балла), А. Дороднов (Ульяновск; 41,2), В. Чинарин (Междуреченск Кемеровской обл.; 35,6), Р. Масленников (Кострома; 31,7), Н. Кочергин (Мичуринск Тамбовской обл.; 31,0), А. Яковлев (Ульяновск; 30,1), В. Лаушкин (Абакан; 29,7), В. Чашечников (Сумы; 29,7) и Н. Шахова (Благовещенск; 29,1).

В группе школьников победителями стали Сергей Колесников (Норильск, 11 кл.; 23,5), Валерий Ладыженко (Самара, 7 кл.; 23,0), Александр Пургин (Варнавино Нижегородской обл., 11 кл.; 22,2), Сергей Соболев

(Липецк, 10 кл.; 22,1), Павел Волон (Тверь, 11 кл.; 21,2) и Наталья Чернышева (Кулянк-Узловая Харьковской обл., 9 кл.; 21,1).

В борьбе за приз «за волю к победе» (по сумме очков, набранной за три года) победителями стали: среди взрослых — К. Киреев (Самара; 104,1) и А. Почуев (п. Комсомольский Тульской обл.; 101,8), а среди школьников — А. Царев (Степногорск Целиноградской обл., 11 кл.; 40,0).

Названным здесь читателям высылаются книги с автографами советских писателей-фантастов.

дя же до третьего тура, вдруг теряется, начинает сокрушаться об отсутствии времени, книг, литературного таланта...

В следующей викторине мы попытаемся, оставив суть задания неизменной, изменить формулировку. Пока же отметим, что заинтересованнее всего обсуждались «вопросы жизни после смерти в свете НФ» и неординарные ситуации по № 11, по три-четыре человека работали над развитием 2, 10 и 12 вопросов.

Думаем, вы уже познакомились с опубликованной нами подборкой рефератов, присланных на прошлогоднюю викторину. Хотим заметить вновь, что объем текста, как и количество просмотренных произведений или сверхвысокохудожественный стиль изложения сами по себе, изолированно еще не могут гарантировать максимальный балл. Нередко не мельшью, а иногда и более высокую оценку, нежели длинный сухой отчет-перечень, получает небольшое по объему и на основе лишь нескольких примеров, но зато живое, заинтересованное рассуждение на тему вопроса, — дерзайте же!..

НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ: 1989-1990

Публикуем продолжение нашего списка — начало его см. в предыдущем выпуске «Аэлиты». Там же дан и перечень принятых нами сокращений, к которым добавим только, что «МФ» — это «Мастера фантастики», а «Д» в аббревиатурах типа «ДФП» обозначает «Детектив». Вновь отметим, что список наш не носит исчерпывающего характера и потому открыт для дополнений: уже и здесь приведены сведения о нескольких пропущенных было нами изданиях.

Должны также в очередной раз повторить, что в распоряжении редакции книг нет, их рассылкой мы не занимаемся.

Сергей БЕЛЯЕВ. ВЛАСТЕЛИН МОЛНИИ. Романы. Ташкент: Изд-во лит. и иск., 1990. 528 с. (ФП). 200 т. э.

Илья ВАРШАВСКИЙ. СЮЖЕТ ДЛЯ РОМАНА. Сб. НФ рассказов. М.: Знание, 1990. 222 с. 700 т. э.

Юрий ВАСИЛЬЕВ. ИСТИНА. Повести и рассказы. Л.: ХЛ; ЛЛК «Редактор», 1989. 112 с. 5 т. э. (А); ТЕАТР. Повесть, рассказы. Л.: ХЛ; ЛЛК «Редактор», 1990. 110 с. 5 т. э. (А)

А. ЗАГОРУЛЬКО. ВИЛЛА «КСЕНИЯ». Фант. рассказы. Симферополь: РО Облволиграфиздата, 1990. 63 с. 10 т. э. (А)

Михаил КРИВИЧ, Ольгерт СЛЫГИН. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В ТРИ ЧЕТВЕРТИ. Повести, рассказы. М.: Орбита, 1990. 270 с. (Альфа фант.). 100 т. э.

В. НОВИН. ОПЕРАЦИЯ «ЧЕРНАЯ ДЫРА». Прикл. фант. повесть. Заволжск Ивановской обл., 1990. 272 с. 10 т. э. (А) НФ Сб., вып. 33. Сост. Н. Беркова. М.: Знание, 1990. 124 с. 200 т. э.

НФ Сб., вып. 34. Сост. М. Зарецкая, Л. Чуткова. М.: Знание, 1990, 1991. 238 с. 1000 т. э.

РУССКАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА XIX — начала XX в. Сост. Ю. Медведев. М.: Правда, 1989. 447 с. (МП). 500 т. э.

СЫН НЕБЕС. Сб. НФ. Сост. И. Зубцов. М.: МГ, 1990. 606 с. (РФ). 50 т. э.

ТЕМНАЯ ОХОТА. Сб. повестей молодых писателей-фантастов. Сост. С. Смирнов. М.: Возд. транспорт, 1990. 416 с. 200 т. э.

Георгий ТЕР-СТЕПАНИАН. РАЗУМНЕЕ ЛЮДЕЙ. НФ роман. Ереван: Айтастан, 1989. 224 с. 20 т. э.

Владимир ТИТОВ. ШОУ ДЛЯ КАНДИДАТА В ИМПЕРАТОРЫ. НФ повесть. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. 127 с. 25 т. э.

Владимир ТИТОВ. ПРИЗРАК УЩЕЛЯ АННЫ; В. БРОВНИН. КОРОВА НА ЛУНЕ. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. 146, 107 с. 30 т. э.

Владимир ТРАПЕЗНИКОВ. ПЛАНЕТА РАЗВЛЕЧЕНИЙ. Повесть. М.: Информреклама, 1990. 159 с. 150 т. э.

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ. Сб. НФ произведений. Сост. Ю. Шамаков. Хабаровск: Амур, 1990. 175 с. (БФ «Дальневост. Кольско»). 50 т. э.

Алексей УСТИМЕНКО. ЗА КОЛЬЦАМИ

ДАЛЕКОГО САТУРНА; Михаил ГРЕБЕНЮК. ЗАГАДКИ ДРЕВНЕЙ ПЕЩЕРЫ; Эдуард МАЦИПУЛО. ЛОВУШКИ БОГОВ. Фант. повести. Ташкент: Юлдузча, 1989. 366 с. 30 т. э.

ФАНТАСТИКА. Повести А. Азимова; В. Галечьяна, В. Ольшанецкого. Л.: ЛО СФК, 1990. 118 с. 60 т. э.

ФАНТАСТИКА. Повести, рассказы. Сост. Т. Чернышева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 462 с. (Сиб. б-ка для детей и юн-ва). 100 т. э.

ФАНТАСТИКА 88/89. Сб. НФ повестей, рассказов и очерков. Сост. А. Левин. М.: МГ, 1990. 320 с. 200 т. э.

ФАНТАСТИКА-90. Сб. Сост. В. Фалеев. М.: МГ, 1990. 414 с. 155 т. э.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ. Л. и З. Кулиевы; О. Новикевич. М.: Прометей, 1989. 248 с. 20 т. э.

Игорь ФЕДОРОВ. ОТКРЫТИЕ. Сб. фант. рассказов. М.: Прометей, 1989. 63 с. 125 т. э.

В. ФЕДОРОВИЧ. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗАПОВЕДНУЮ. Ф-ка. Краснодар: Кн. изд-во, 1990. 253 с. 5 т. э. (А)

ФЕМИ-ФАН. Фант. повести, рассказы. Сост. С. Ягунова. Симферополь: Таврия; 1990. 288 с. 55 т. э.

Александр ХАЛМУРАТОВ. ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ. НФ повесть. М.: Прометей, 1990. 118 с. 10 т. э. (А)

Владимир ЦАРИЦЫН. ФИНИТА ЛЯ... Фант. повести. Новосибирск: Кн. изд-во, 1990. 124 с. 5 т. э. (А)

ЦЕХ ФАНТАСТОВ, 1990. Фант. повести и рассказы. Сост. В. Ревяч. М.: Моск. рабочий, 1990. 431 с. 75 т. э.

Олег ЧАРУШНИКОВ. ЕСЛИ ТАК РАССУЖДАТЬ... Повести и рассказы. Баку: Гянджлик, 1990. 271 с. (ДФП). 105 т. э.;

ЗДЕСЬ МОГУТ ВОДИТЬСЯ ЛЮДИ. Фант и сатир. повести и рассказы. М.: Прометей, 1990. 271 с. 15 т. э.; НА «ОЛИМПЕ» ВСЕ СПОКОЙНО. Фант. повесть и рассказы. М.: Прометей, 1990. 114 с. 48 т. э.;

То же. Новосибирск: Кн. изд-во, 1990. 255 с. 15 т. э.

Олег ЧАРУШНИКОВ. ПУНКТ ПРОКАТА; Борис ШТЕРН. ДОМ. Сб. фант. произведений. М.: Прометей, 1989. 172 с. 50 т. э.

ЧАС ОБОРОТНЯ. Ф-ка. Сост. С. Смирнов. М.: СП «Вся Москва», 1990. 314 с. (Плеяды). 200 т. э.

Александр ЧУМАНОВ. СЕМЬ СОТОК МАРСА. Рассказы и повести. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1990. 335 с. 15 т. э.

Александр ЧАЯНОВ. ВЕНЕЦИАНСКОЕ ЗЕРКАЛО. Повести. М.: Современник, 1989. 236 с. (Из наследия). 200 т. э.;

ИЗБРАННЫЕ ПОВЕСТИ. М.: Прометей, 1989. 139 с. 100 т. э.; РОМАНТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ. М.: Правда, 1989. 63 с. (Б-ка «Огонек»). 150 т. э.

Михаил ШАЛАМОВ. СЕРАЯ ХРИЗАНТЕМА. Фант. повести и рассказы. Пермь: Кн. изд-во, 1990. 168 с. 10 т. э.

Александр ШАЛИМОВ. ЭСТАФЕТА РАЗУМА. Фант. повести. М.: МГ, 1989. 336 с. (БСФ). 100 т. э.

Анатолий ШАЛИН. ЗАПАС ПРОЧНОСТИ. Фант. рассказы. М.: Прометей, 1990. 116 с. 50 т. э.

Георгий ШАХ. О, МАРСИАНЕ!; Еремей ПАРНОВ, Михаил ЕМЦЕВ. ЗЕЛЕНАЯ КРЕВЕТКА; Кир БУЛЫЧЕВ. ГУСЛЯРСКИЕ ИСТОРИИ. М.: Мир, 1990. 192 с. (По страницам «МП»). 200 т. э.

Георгий ШАХНАЗАРОВ. ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО. Сб. НФ произведений. М.: Наука, 1989. 692 с. 100 т. э.

Александр ЩЕРБАКОВ. ЗМИЙ. Фант. повести и рассказы. М.: СП «Интербук», 1990. 254 с. 100 т. э.

Владимир ЩЕРБАКОВ. МЕЧ КОРОЛЯ АРТУРА; Игорь ТКАЧЕНКО. РАЗРУШИТЬ ИЛИ ОН; Николай ПОЛУНИН. КОРИДОР ОГНЕЙ МЕЖ ДВУХ ЗЕРКАЛ. Сб. фант. произведений. М.: МГ, 1990. 288 с. (РФ). 50 т. э.

ЭВОЛЮЦИЯ. Сб. дальневост. фант. ред.-сост. В. Вещунов. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 240 с. 15 т. э.

ЭРИДИАНА. Фант. повести и рассказы писателей Киргизии. Сост. Ж. Алыкулов. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 314 с. 15 т. э.

ЭТЮД О ВЗРОСЛОМ ГРАВИЛТЕ. Э.

А ВАША ОЦЕНКА?

Как и в прошлые годы, предлагаем читателям оценить произведения, опубликованные на страницах «Аэлиты».

На стр. 46 помещено оглавление литературной части нашего журнала в журнале; повести и рассказы, включенные в него, пронумерованы.

Просим вас переписать на открытке (с пометкой: «Аэлита-91») эти номера — от 1 до 11. И каждому произведению (указывать их названия, авторов не обязательно) — воздать должное.

Предлагаем все ту же пятибалльную систему:

5 — в восторге; отличное произведение!
4 — хорошее, добротное, нужное; правильно сделали, что напечатали;

3 — не возражаю против публикации, но... можно было и не печатать; переиздать, во всяком случае, не буду;

2 — вызывает массу замечаний: недоработанное, сырое произведение; автор и редакция слишком поторопились с публикацией;

1 — категорически против публикации: зря потрачена бумага, занято чужое место!

Открытку с оценкой «Аэлиты»-91 просим отослать на адрес редакции не позднее, чем через месяц после получения этого номера.

Ф-ка. Сост. А. Мельников. Краснодар: Кн. изд-во, 1990. 208 с. 5 т. э. (А)

ЮЛИЯ, ИЛИ ВСТРЕЧИ ПОД НОВОДЕВИЧЬИМ. Моск. романт. повесть конца XIX — начала XX в. Сост. В. Муравьев. М.: Моск. рабочий, 1990. 543 с. (Лит. летопись Москвы). 100 т. э.

Зиновий ЮРЬЕВ. БЕТА СЕМЬ ПРИ БЛИЖАЙШЕМ РАССМОТРЕНИИ. Фант. роман. М.: ДЛ, 1990. 287 с. (БНФ). 100 т. э.

Николай ЮТАНОВ. ОБОРОТЕНЬ. Фэн-тэзи. Рига: Астрал, 1990. 143 с. (Альм. ДФ «Астрал», 1). 100 т. э.

И. ЮЩУК. ТРОЕ НА ЛУНЕ. Грамматико-фант. повесть. Киев: Веселка, 1989. 133 с. 115 т. э.

Анатолій ЯБРОВ. ГОСУДАРСТВО № 49 И ЕГО ПРЕЗИДЕНТ ЛУКЬЯН ТУЗОВ. Роман-памфлет. Кемерово: Кн. изд-во, 1990. 224 с. 30 т. э.

Светлана ЯГУПОВА. ТВОЙ ОБРАЗ. Повести. М.: МГ, 1990. 270 с. (БСФ). 100 т. э.

Юрий ЯНОВСКИЙ. ЭСТАФЕТА ВРЕМЕНИ. Фант. повести и рассказы. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1989. 223 с. 50 т. э.

Фантастика печаталась, кроме того, в сборниках «Будни и праздники» (М.: Современник, 1990), «Весть» (М.: Кн. палата, 1989), «Воложка» (Куйбышев, 1990), «В черте жизни» (Ишкар-Ола, 1990), «Дельтаплат» (вып. 3, Новосибирск, 1990), «Дельтаплат» (Кишинев: Лит. артистика, 1989), «День свершений» (М.: ХЛ, 1989; Роман-газета для юн-ва, 6-7), «Дополнительное расследование» (М.: МГ, 1988), «Дорогами приключений» (вып. 1, Новосибирск, 1989), «Игра без козырей» (Ставрополь, 1990), «Исток-90» (М.: МГ, 1990), «Камчатка» (Петропавловск, 1989), «Мир «Искателя» (М.: МГ, 1990), «Мир приключений» (М.: ДЛ, 1989 и 1990), «Молодые голоса» (Баку: Гянджлик, 1989), «На ветрах» (Южно-Сахалинск, 1989), «На суше и на море» (вып. 29, М.: Мысль, 1989), «Нокаут на шестой минуте» (М.: Физк. и спорт, 1990), «Орленок-89» (Куйбышев, 1989), «Параллелипед» (М.: МГ, 1990), «Первый полет» (Красноярск, 1990), «Поиск-89» (Свердловск, 1989), «Поиск-90» (Пермь, 1990), «Поиск-84» (М.: ИМА-пресс, 1989), «Пульс-89» (Пермь, 1989), «Пять костров ромбом» (Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1989), «Русская новелла начала XX века» (М.: Сов. Россия, 1990), «Сахалин» (Южно-Сахалинск, 1989 и 1990), «Смех в эпоху техпрогресса» (Новосибирск, 1990), «Серия-13» (М.: РИО Упр. полиграфиздата, 1990), «Три старинных романа» (т. 2, М.: Современник, 1990), «Цветок папоротника» (М.: Моск. рабочий, 1990), «Цена метафоры» (М.: СП «Юнона», 1990), «Черноморские румбы» (Одесса, 1989), в книге А. Адамовича «Три повести» (М.: Изд-во ДОСААФ, 1988; М.: СП, 1989), В. Азерникова «Отпуск за свой счет» (М.: Искусство, 1990), Л. Асанданова «Вопросы социализма» (М.: Политиздат, 1990), А. Браницкого «Узник ненависти» (Горький: РИО Упр. полиграфиздата, 1990), В. Вещунова «Прошедший сквозь стену» (Владивосток, 1990), М. Веллера «Рандеву со знаменитостью» (Таллин: Периодика, 1990), Г. Вирена «Настоящее небо» (М.: Моск. рабочий, 1990), В. Громько «Ты да я...» (Куйбышев, 1990), А. Давыдова «Целебный камень» (М.: ДЛ, 1990), В. Жилинская «Англодисменты» (М.: СП, 1990), А. Иванченко «Автопортрет с догом» (Свердловск, 1990), Ю. Кима «Волшебный сон» (М.: СП, 1990), Р. Канушкина «Страх» (М.: Прометей, 1990), О. Козловой «Восьмое чудо света» (Хабаровск: Амур, 1990), В. Комарова «Путь к тайне» (М.: Педагогика, 1990), А. Крашенинникова «Дороги в лучшие пространства» (М.: СП, 1990), В. Каякса «Город, которого нет» (М.: СП, 1989), В. Когута «Невидимая нить» (Минск: Юнацтва, 1989), С. Кржижановского «Воспоминания о будущем» (М.: Моск. рабочий, 1989), Б. Крылова «Четыре стороны

света» (Улан-Удэ, 1989), В. Набокова «Избранные произведения» (М.: Сов. Россия, 1989), «Круг» (Л.: ХЛ, 1990), «Пьесы» (М.: Искусство, 1990) и др., М. Орлова «Травы чужих полей» (Томск, 1989), С. Подгорного «Мозаика» (Днепропетровский, 1990), В. Прокопенко «Механик небесных сфер Семенов» (Киев: Молодь, 1990), Г. Россоха «Сильвестрова находка» (М.: ХЛ, 1990), Г. Прашкевича «Апрель жизни» (Новосибирск, 1989), О. Слободчикова «Штольни, туннели и свет» (Алма-Ата: Жазушы, 1989), М. Успенского «Из записок Семена Корябеды» (М.: Правда, 1990; Б-ка «Огонек»), В. Хлебникова «Проза» (М.: Современник, 1990), С. Федотова «Дукачься в завтра» (Красноярск, 1990), Г. Чистякова «Спящая на том берегу» (Л.: Лениздат, 1989), В. Шатилова «Воспитательный момент» (Ростов н/Д, 1989), Е. Шатко «История короткой любви» (М.: СП, 1990), П. Шестакова «Взрыв; Страх высоты; Туда и обратно...» (Ростов н/Д: Журнал «Дон», 1990).

В обозреваемые два года переиздавались, помимо уже указанных в основном списке, произведения Г. Адамова, Ч. Айтматовой, А. Беляева, М. Булгакова (вышли, в частности, его «Сочинения» в 5-ти томах — М.: ХЛ, 1989—1990), К. Булычева, Е. Велтистова, А. Волкова, А. Грина, В. Губарева, И. Ефремова (в частности, в 1989 г. вышел — в трех книгах — заключительный 5-й том его «Сочинений»), Е. Замятна, А. Казанцева (издан его новый трехтомник — М.: ДЛ, 1989—1990), Л. Лагина, Я. Ларри, Н. Носова, В. Обручева, Ю. Олеши, С. Павлова, Е. Парнова, А. Платонова, А. и Б. Стругацких, Е. Шварца, «Чао» П. Амагуни (Ростов н/Д, 1989), «Очень далекий Таргес» Е. Войскунского и И. Лукодянова (М.: Знание, 1989), «Руки вверх!» Л. Давыдычева (М.: Сов. Россия, 1989), «Чакра Кентавра» О. Ларионовой (М.: Изд-во МПИ, 1989), «Листы каменной книги» А. Линевского (Петрозаводск: Карелия, 1990), «Гигант» (Л.: ДЛ, 1989) и «Каллисто» (Л.: Лениздат, 1989) Г. Мартьянова, «Коралловый город» Е. Наумова (Киев: Веселка, 1989), «Могила Таме-Тунга» К. Нефедьева (Челябинск, 1990), «Повесть о Манко Смедом» С. Писарева (Л.: ДЛ, 1990), «Охотники на мамонтов: Поселок на озере» С. Покровского (Пермь, 1990), «За тридцать планет» Г. Попова (Минск: Маст. лит., 1990), «Продавец приключений» Г. Садюникова (М.: ДЛ, 1989), «Аватара» В. Суханова (М.: МГ, 1989; Алма-Ата: Жалын, 1989; Минск: Юнацтва, 1990), «В дебрях Даль-Гея» Ю. Тулицына (Волгоград, 1990), «Волшебная шапка; Конец Желтого Дива» Х. Тухтабаева (Ташкент: Юлдузча, 1989), «Охотники за динозаврами» А. Шалимова (Л.: Недра, 1990), «Сказки для умных» В. Шефнера (Л.: Лениздат, 1990), «Чаша бурь» В. Щербак-ова (М.: ХЛ, 1990, Роман-газета для юн-ва, 8; Киев: Воениздат, 1990; М.: ХЛ, 1990, БФ, 14).

Из переводной фантастики переиздавались произведения А. Азимова, О. Балзака, Р. Брэдли, П. Буля, Вернора, Ж. Верна, Г. Гарсия Маркеса, Э. Т. А. Гофмана, А. Конан Дойла, Ф. Карсака, Л. Кэрролла, С. Лагерлэф, Д. Оруэлла, Э. По, Д. Б. Пристли, Ф. Рабле, Ж. Рони, К. Саймака, Д. Свифта, О. Уайльда, Г. Уэллса, д'Эрвилли, «Человек Без Лица» А. Бестера (Таллин: РПНО «Союзбланкоиздат», 1990), «Проза разных лет» Х. Л. Борхеса (М.: Радуга, 1989), «Повелитель мух» У. Голдинга (М.: Педагогика, 1990), «Гибель Дракона» С. Комацу (М.: Недра, 1989), «Мальвиль» Р. Мерля (М.: Правда, 1990), «Семь дней в мае» Ф. Нибела и Ч. Бейли (М.: Прогресс, 1990), «Саргассы в космосе» Э. Нортон (М.: Изд-во МАИ, 1989), «Хоббит» (Л.: ДЛ, 1989; Новосибирск, 1989; Хабаровск: Амур, 1990) и «Хранители» (М.: Радуга, 1989; 1990) Д. Р. Р. Толкина, «День триффидов» Д. Уиндема (М.: Изд-во МАИ, 1990), «Переворотное дерево» К. Чандара (Л.: Лениздат, 1990), «Франкенштейн» М. Шелли (М.: ХЛ, 1989).

Вышли также в переводе на русский язык:

Айзек АЗИМОВ. РАССКАЗЫ. Пер. с англ. Алма-Ата: Социум, 1990. 96 с. (ЗФ). 200 т. э.

АЛЬФА-1. Альм. НФ. Пер. с англ. М.: Бук Чембер Интернешнл, 1990. 112 с. 100 т. э.

АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИКА. А. Бестер, Р. Шекли. Пер. с англ. Сост. А. Туров. М.: Профиздат, 1989. 191 с. (Арг. Прил. к журн. «Техника и наука»). 300 т. э.

АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИКА. Сб. повестей и рассказов. Вып. 1. Пер. с англ. и сост. Ю. Зараховича. М.: Прометей, 1989. 189 с. 150+300 т. э.; То же. М.: Кн. дом, 1990. 200 т. э.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИКА XX ВЕКА. Повести. Вып. 1. Пер. с англ. и сост. Ю. Зараховича. М.: Прометей, СП «Лесинвест ЛТД», 1990. 174 с. 200 т. э.

Пол АНДЕРСОН. ТРИ СЕРДЦА И ТРИ ЛЬВА. Фант. роман. Пер. Красноярск: Альм. «Енисей», 1989. 71 с. 50 т. э.

Ричард БАХ. ЧАЙКА ПО ИМЕНИ ДЖОНАТАН ЛИБИНГСТОН. Повесть-притча. Пер. с англ. Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. 102 с. 100 т. э.

БЕЗУМНАЯ ЛУНА. Сб. произведений писателей-фантастов США. Сост. А. Воеводина. Владивосток: Уссури, 1990. 143 с. (ЗФ XX в.). 500 т. э.

БЕЛАЯ БЕЗДНА. Сб. болг. ф-ки. Сост. П. Тодоров. София: Свят, 1990. 208 с. 100 150 э.

БЕЗРАБОТНЫЙ РОБОТ. НФ рассказы. Сост. Г. Ануфриев, В. Цветков. Минск: Юнацтва, 1989. 366 с. 180 т. э.

Эдгар БЕРРОУЗ. ДОЧЬ ТЫСЯЧИ ДЖЕЛДАКОВ (ПРИНЦЕССА МАРСА). Роман. Пер. с англ. М.: Мол. центр «Успех», 1990. 231 с. 5 т. э.; БОГИ МАРСА. Роман. Пер. с англ. М.: МЦ «Успех», 1990. 254 с. 5 т. э.; ВЛАДЫКА МАРСА. Роман. Пер. с англ. М.: МЦ «Успех», 1990. 174 с. 5 т. э.; ТАРЗАН И СОКРОВИЩА ОПАРА. Роман. Пер. с англ. М.: РИПОЛ, 1990. 173 с. 200 т. э.

Ли БРЕКЕТТ. ШПАГА РИАНОНА. Фант. роман. Л.: СП «Экс», 1990. 171 с. 50 т. э.

Пьер БУАЛО, Тома НАРСЕЖАК. В ЗАКОЛДОВАННОМ ЛЕСУ. Детект. проза. Пер. с фр. М.: ИМА-пресс, 1990. 212 с. (БП), 151 т. э.

Дино БУЦЦАТИ. ТАТАРСКАЯ ПУСТЫНЯ. Роман, рассказы, повесть. Пер. с ит. М.: Радуга, 1989. 422 с. (МСП). 100 т. э. Альфред ВАН ВОГТ. МИР НУЛЬ-А. Роман, рассказ. Пер. с англ. Л.: ХЛ, 1989. 168 с. 5 030 э. (А); ПОТЕРЯНО ПЯТЬДЕСЯТ СОЛНЦ. Фант. повесть. Пер. с англ. Л.: ХЛ, 1990. 59 с. (Оверлайд, 2). 20 т. э.; ВАРВАР. Фант. повести. Пер. с англ. Л.: ХЛ, 1990. 85 с. (Оверлайд, 3). 20 т. э.

Навел ВЕЖИНОВ. СИНЕ БАБОЧКИ. Повести и рассказы. Пер. с болг. М.: Правда, 1990. 478 с. (МП). 300 т. э.

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ. Сб. НФ произведений. Пер. с англ. Сост. Н. Гацунаев. Ташкент: Изд-во лит. и иск., 1989. 334 с. (ФП). 240 т. э.

Курт ВОННЕГУТ. МЕЖДУ ВРЕМЕНЕМ И ТИМБУКТУ, ИЛИ «ПРОМЕТЕЙ-5». Сценарий. Пер. с англ. М.: Искусство, 1990. 62 с. (Б-ка кинодрам.). 50 т. э.

Пьер ГАМАРРА. ДВАДЦАТЬ ТОНН БРИЛЛИАНТОВ. Повесть. Пер. с фр. М.: ЛЛ, 1988. 158 с. 100 т. э.; То же. 1989. 200 т. э.

Эдмонд ГАМИЛЬТОН. ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛИ. Сб. произведений. Пер. с англ. М.: МГ, 1990. 255 с. 100 т. э.; То же. М.: СП «Старт», 1990. 150 т. э.; СОКРОВИЩЕ ГРОМОВОЙ ЛУНЫ. Повесть. Пер. с англ. М.: Прометей, 1989. 64 с. 100 т. э.

Гарри ГАРРИСОН. БИЛЛ — ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ. Фант. повесть. Пер. с англ. Ташкент: Мехнат, «ДИВ», 1990. 63 с. (Амер. Ф). 60 т. э.; КОНИНЕ ВАРВАРЫ. Прикл.-фант. роман. Пер. с англ. М.: Изд-во стандартов, 1990. 143 с. 150 т. э.; То же. М.: Информ-эко, 1990. 143 с. 50 т. э.; КРЫСА ИЗ НЕРЖАВЕЮ-

ШЕЙ СТАЛИ. НФ роман. Пер. с англ. Одесса: ТПП «Хайтех», 1990. 127 с. (МФ, 2). 20 т. э.; НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА; СПЕЦИАЛИСТ ПО ЭТИКЕ; МИР СМЕРТИ. Романы. Пер. с англ. Рига: Авотс, 1990. 432 с. (МФ, 1). 25 т. э.

ГДЕ НЕ СТУПАЛА НОГА... Сб. рассказов. Пер. с англ. Сост. В. Царев. М.: Изд-во МГУ, 1989. 165 с. (Ф, 1). 10 т. э.

ГЛАЗА МУМИИ. Сб. зарубеж. рассказов ужаса. Сост. Ю. Табак. М.: Прометей, 1990. 64 с. 50 т. э.

Роберт ГОВАРД. КРЫЛЬЯ В НОЧИ. Фант. рассказы. Пер. Красноярск: Альм. «Енисей», 1989. 51 с. 35 т. э.; ЧАС ДРАКОНА. Романы, повести, рассказы. Пер. с англ. Л.: СП «СМАРТ», 1990. 365 с. (Фантакрим-экстра, 3). 100 т. э.

Уильям ГОЛДИНГ. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСОЛ. Повесть. Пер. с англ. М.: Кн. палата, 1990. 64 с. 175 т. э.

ГРАНЬ ТЬМЫ. Сб. Пер. с нем., англ. Сост. Э. Хруцкий. М.: МГ, 1989. 560 с. 100 т. э.

Любен ДИЛОВ. НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН ОДНОЙ СТУДЕНТКИ. Пер. с болг. София: София Пресс, 1989. 256 с. (Б-ка «Болгария»). Б/т.; ЖЕСТОКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ; НЕЗАВЕРШЕННЫЙ РОМАН СТУДЕНТКИ. Пер. с болг. М.: СП «Интерпринт», 1990. 393 с. 148 т. э.

ДРУГОЕ НЕБО. Сб. зарубеж. НФ. Сост. В. Гаков. М.: Политиздат, 1990. 574 с. 300 т. э.

Фридрих ДЮРРЕНМАТТ. ЗИМНЯЯ ВОЙНА В ТИБЕТЕ. Фант. повесть и радиопьесы. Пер. с нем. М.: Известия, 1990. 188 с. (Б-ка журн. «ИЛ»). 50 т. э.; ПОРУЧЕНИЕ, ИЛИ О НАБЛЮДЕНИИ ЗА НАБЛЮДАЮЩИМ И НАБЛЮДАТЕЛЯМИ. Драм. и проза. Пер. с нем. М.: МГ, 1990. 176 с. 100 т. э.

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ. ДОЛИНА ПРОКЛЯТИЙ. Фант. роман. Пер. с англ. М.: СП «Бук Чембер Интернэшнл», 1990. 86 с. 300 т. э.; РОЗЫ ДЛЯ ЭККЛЕЗИАСТА. Фант. рассказы. Пер. с англ. Л.: Вас. остров, 1990. 250 с. 50 т. э.; ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ ЭМБЕРА. Фант. роман. Пер. с англ. Л.: ХЛ, 1990. 137 с. 5 030 э. (А); РУЖЬЯ АВАЛОНА. Фант. роман. Пер. с англ. Л.: ХЛ, 1990. 146 с. 5 030 э. (А).

ЗАВЕЩАНИЕ ДЖЕФФРИ. Зарубеж. НФ. Сост. В. Баканов. М.: Мысль, 1990. 319 с. 150 т. э.

Януш ЗАЙДЕЛЬ. ПРЕДЕЛ. Роман. Пер. с пол. М.: Орбита, 1989. 256 с. (ДПФ). 150 т. э.

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА ПРОШЛЫХ ВЕКОВ. Соц. утопия. Пер. с лат., англ., фр. Сост. И. Семибратова. М.: Правда, 1989. 607 с. (БФ, 15). 400 т. э.

ИГРА ТЕНЕЙ. Сб. Пер. с болг. Сост. А. Мелконян. София: София Пресс, 1989. 60 с. (Б-ка «Болгария»). Спец. прил.). Б/т.

ИНЫЕ МИРЫ, ИНЫЕ ВРЕМЕНА. Сб. ЗФ. Пер. с англ. Сост. В. Кан. Л.: Вас. остров, 1990. 368 с. (ЗФ). 200 т. э.; То же. Л.: СП «СМАРТ», 1990. 304 с. 100 т. э.

Эжен ИОНЕСКО. ЛЫСАЯ ПЕВИЦА. Пьесы. Пер. с фр. М.: Известия, 1990. 222 с. (Б-ка журн. «ИЛ»). 50 т. э.

ИСТОРИИ ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ. Сказки для взрослых. Пер. с ит. Сост. Л. Вершинин. М.: Радуга, 1990. 511 с. 100 т. э.

ИСТРЕБИТЕЛЬ ВЕДЬМ. Пол. ф-ка. Сост. А. Каширин. М.: МГ, 1990. 351 с. 110+150 т. э.

Франсис КАРСАК. ГОРЫ СУДЬБЫ; ЛЬВЫ ЭЛЬДОРАДО; Клиффорд САЙМАК. КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ; Джон УИНДЕМ. КРАКЕН ПРОБУЖДАЕТСЯ; Роберт СИЛВЕРБЕРГ. ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДЫ. Пер. с фр., англ. Сост. В. Быстров. Рига: Авотс, 1990. 575 с. (МФ, 2). 50 т. э.

Генри КАТТНЕР. ЖЕЛЕЗНЫЙ СТАНДАРТ. НФ рассказы. Пер. с англ. М.: Вод. транспорт, 1990. 319 с. 100 т. э.; МЕХАНИЧЕСКОЕ ЭГО. Сб. НФ рассказов. Пер. с англ. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 239 с. 100 т. э.

Даниэл КИЗ. ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА. НФ роман. Пер. с англ. М.: Мир, 1990. 214 с. (В б-чку любителя ЗФ). 100 т. э.

Хол. КЛЕМЕНТ. ОГНЕННЫЙ ЦИКЛ.

Сб. НФ произведений. Пер. с англ. М.: Мир, 1990. 448 с. (ЗФ). 52 т. э.

КЛЮЧИ К ДЕКАБРЮ. Сб. НФ произведений англ. и амер. писателей. Сост. В. Баканов. М.: Правда, 1990. 477 с. (МП). 300 т. э.

КНИГА ПЕСЧИНОК. Сб. фант. прозы Лат. Америки. Пер. с исп. Сост. В. Багно. Л.: ХЛ, 1990. 416 с. 100 т. э.

КОМПЬЮТЕР ПО ИМЕНИ ДЖО. Сб. НФ рассказов зарубеж. авторов. Сост. Р. Рыбкин. М.: ДЛ, 1990. 351 с. (БПНФ). 100 т. э.

КРЫЛЬЯ НОЧИ. Сб. Пер. с англ., фр., ит. Сост. Г. Ануфриев, С. Солодовников. Минск: Университетское, 1989. 462 с. (Галактика). 150 т. э.; То же. 1990. 150 т. э.

Мацей КУЧИНСКИЙ. ПОДРУГА КОСМОНАВТА. Фант. рассказ. Пер. с пол. Симферополь: Таврия, 1990. 19 с. 100 т. э.

Петр КЫРДЖИЛОВ. ПРИЗРАЧНЫЙ ЦИКЛ. Повести. Пер. с болг. София: София Пресс, 1989. 47 с. (Б-ка «Болгария»). Спец. прил.). Б/т.

Роберт ЛАДЛЭМ. ЗАГОВОР «АКВИТАНИЯ». Роман. Пер. с англ. М.: Междунар. отн., 1989. 624 с. 50+100 т. э.

Урсула ЛЕ ГУИН. ПОРОГ. Роман. Пер. с англ. М.: Известия, 1989. 224 с. (Б-ка журн. «ИЛ»). 50 т. э.

Станислав ЛЕМ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ИИОНА ТИХОГО. Пер. с пол. М.: Кн. палата, 1990. 527 с. (Попул. б-ка, Ф, 3). 100 т. э.; МАСКА. Не только ф-ка. Пер. с пол. М.: Наука, 1990. 317 с. (Б-ка журн. «Химия и жизнь»). 130 т. э.; СЛЕДСТВИЕ. Повести и рассказы. Пер. с пол. Л.: Лен-издат, 1990. 508 с. 100 т. э.

ЛУННАЯ НОЧЬ. ФП произведения пол. писателей. Сост. Б. Скачков. М.: МГ, 1990. 287 с. 100 т. э.

Густав МЕЙРИНК. ГОЛЕМ; ВАЛЬПУРГНЕВА НОЧЬ. Романы. Пер. с нем. М.: Прометей, 1990. 333 с. (Мистич. традиция). 50 т. э.

Шемас МАКАННЫ. МОЙ РЫЖИЙ ДРОЗД. Роман. Пер. с ирл. М.: МГ, 1989. 255 с. 100 т. э.

Эмил МАНОВ. ГАЛАКТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА. Роман. Пер. с болг. София: Свят. 1989. 157 с. 150 150 э.

Лайош МЕШТЕРХАЗИ. ЗАГАДКА ПРОМЕТЕЯ. Роман. Пер. с венг. М.: Радуга, 1989. 334 с. (Новый мир). 50 т. э.

МУХА С БЕЛОЙ ГОЛОВОЙ. Сб. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 94 с. 60 т. э.

Авраам МЕРРИТ. ДЬЯВОЛЬСКИЕ КУКЛЫ МАДАМ МЭНДИЛИП. Крим. роман. Пер. с англ. Кишинев: Конкордия, 1990. 128 с. 100 т. э.

МЫ С МОЕЙ ТЕНЬЮ. Сб. рассказов. Пер. с англ. Сост. В. Царев. М.: Изд-во МГТУ, 1990. 192 с. (Ф-ка, 2). 40 т. э.

Величка НАСТРАДИНОВА. У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНый. Рассказы. Пер. с болг. София: Свят, 1990. 152 с. 200 150 э.

НЕВЕСТА ДЬЯВОЛА. Сб. новелл ужаса. Вып. 2. Пер. с англ. Сост. А. Бутузов. Тверь: Кн. клуб, 1990. 47 с. 5 т. э. (А)

Йозеф НЕСВАДБА. МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ; СПАСИТЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Повести. Пер. с чеш. Тбилиси: Грузинформкино, 1990. 78 с. 100 т. э.

Владимир НЕФФ. У КОРОЛЕВ НЕ БЫВАЕТ НОГ. Пер. с чеш. М.: ХЛ, 1990. 447 с. (Зарубеж. роман XX в.) 200 т. э.; ПЕРСТЕНЬ БОРДЖА. Пер. с чеш. М.: ХЛ, 1990. 335 с. (ЗР XX в.) 200 т. э.; ПРЕКРАСНАЯ ЧАРОДЕЙКА. Пер. с чеш. М.: ХЛ, 1990. 383 с. (ЗР XX в.) 200 т. э.

Ларри НИВЕН. ВАРИАНТ ДАЙСОНА. Фант. роман. Пер. с англ. Волгоград: Периодика, 1990. 206 с. 20 т. э.; ПРОИСШЕСТВИЕ В БАРЕ «ДЛИННАЯ ЛОЖКА». Повесть. Пер. с англ. М.: ВПХО «ТрансФ», 1990. 39 с. 100 т. э.

Уильям НОЛАН. СПЕЙС РАБОТАЕТ ПО НАЙМУ. Фант. роман. Пер. с англ. М.: Слово, 1990. 56 с. 5 т. э.

Эндрю НОРТОН. КОЛДОВСКАЯ МИР. Фант. роман. Пер. с англ. Одесса: ТПП «Хайтех», 1990. 148 с. (МФ, 6). 20 т. э.; То же. Л.: Обьед. «Комплекс» ЛО СП «Автокомп», 1990. 168 с. (Прил. к журн. «Новая Ф»). 50 т. э.

Алан НУРС. ХОЛЦОВЫЙ МЕШОК;

Чарльз БОУМОНТ. КРАСИВЫЕ ЛЮДИ; Даниэл КИЗ. ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА. Пер. с англ. М.: Спасатель, 1990. 59 с. (Ф-ка и П, 2). 50 т. э.

НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР. Сб. зарубеж. ф-ки. Сост. Е. Панаско. Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. 574 с. 200 т. э.

Любомир НИКОЛОВ. ЧЕРВЬ НА ОСЕН-НЕМ ВЕТРУ. НФ повесть. Пер. с болг. София: София Пресс, 1989. 160 с. (Б-ка «Болгария»). Б/т.

НОЧНАЯ ПОГОНЯ. Сб. НФ повестей и рассказов. Сост. Р. Рыбкин. М.: ДЛ, 1989. 303 с. (БПНФ). 100 т. э.

НЭНСИ. НФ рассказы амер. писателей. Сост. Р. Рыбкин. М.: Правда, 1990. 47 с. (Б-ка «Огонек»). 150 т. э.

ОБМЕН РАЗУМОВ. Рассказы, повесть. Пер. с англ., ит. Сост. М. Гребенюк. Ташкент: Еш гвардия, 1989. 462 с. (ЗФ). 400 т. э.

ОБНАЖЕННОЕ СОЛНЦЕ. Сб. Сост. Г. Ануфриев, С. Солодовников. Минск: Университетское, 1990. 512 с. (Галактика). 160 т. э.; То же. 1991. 120 т. э.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ. Сб. НФ. Сост. В. Бабенко. М.: Мир, 1990. 542 с. (ЗФ). 200 т. э.

О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР. Англ. антиутопия: романы. Вып. 1. Сост. А. Шинкин. М.: Прогресс, 1990. 639 с. (Утопия и антиутопия XX в.). 100 т. э.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОРИЦАНИЕ. Сб. фант. рассказов. Пер. с англ. Сост. О. Азарьев. Симферополь: Таврия, 1990. 81 с. (Космос и магия). 30 т. э.

ВАМПИРЫ. Фант. роман барона ОЛШЕВРИ из семейной хроники графов Дракула-Карди. Пер. с англ. М.: СП «Корона», 1990. 232 с. 100 т. э.; То же. 1991. 200 т. э.

ОРДЕР НА УБИЙСТВО. Сб. амер. ф-ки. Сост. В. Родиков. М.: МГ, 1990. 398 с. 150 т. э.

Хильберто ОРТИС. ТАЙНА ОПАЛОВОЙ ШКАТУЛКИ. Повесть. Пер. с исп. М.: ДЛ, 1989. 126 с. 100 т. э.

Джордж ОРУЭЛЛ. СКОТСКИЙ ХУТОР. Сказка. Пер. с англ. Таллинн: Периодика, 1989. 78 с. 75 т. э.; 1984. Роман; ФЕРМА ЖИВОТНЫХ. Сказка. Пер. с англ. М.: ДЭМ, 1989. 320 с. 500 т. э.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗЕМЛИ. Англо-амер. ф-ка. Сост. В. Ковалевский. М.: Прометей, 1990. 252 с. 100 т. э.

ПАСЯНКИ ВСЕЛЕННОЙ. Сб. НФ. Пер. с англ. Сост. А. Степин. Кишинев: Штиинца, 1989. 655 с. (Икар). 200 т. э.

ПЛАНЕТА ГРЕНВИЛЛА. Сб. ф-ки. Сост. Е. Оселедчик. М.: ПХО «ТРАНС КИП», 1990. 48 с. 50 т. э.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ РОБОТ. Сб. амер. ф-ки. Ред.-сост. Н. Чековитов. Хабаровск: Кн. изд-во, 1990. 160 с. 100 т. э.

ПУТЬ ГАЛАКТИКИ. Сб. фант. рассказов. Пер. с венг. Сост. П. Куцка, М. Пухов. М.: МГ, 1990. 95 с. (Б-ка журн. «МГ»). 70 т. э.

ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ДРАКОН, Сб. амер. ф-ки. Вып. 1. Сост. Г. Кузьминов. М.: ИМА-Пресс; АПН, 1990. 93 с. 40 т. э.

РАЙ ЗЕМНОЙ. Зарубеж. проза на экологич. темы. Сост. Р. Рыбкин. М.: Радуга, 1990. 672 с. 50 т. э.

Жозеф РОНИ. ЗВЕЗДОПЛАВАТЕЛИ. Романы, повести, рассказы. Пер. с фр. М.: СП «Вся Москва», 1990. 384 с. 200 т. э.

Клиффорд САЙМАК. БЕЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ; УПАСТЬ ЗАМЕРТВО. Фант. повести. Пер. с англ. Л.: МФИН, 1990. 62 с. (Солярис, 1). 100 т. э.; ИЗБРАННОЕ. Пер. с англ. М.: Мир, 1988. 559 с. 290 т. э.; ГОРОД; ВСЕ ЖИВОЕ...; РАССКАЗЫ. Пер. с англ. М.: Правда, 1989. 479 с. (МП). 600 т. э.

Клиффорд САЙМАК. ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ. Роман; РАССКАЗЫ; Роберт ШЕКЛИ. ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА. Повесть; РАССКАЗЫ. Пер. с англ. М.: Радуга, 1990. 560 с. 60 т. э.; То же. общее назв.: АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА. М.: Радуга, 1990. 560 с. (БФ, 18/2). 400 т. э.

Фред САБЕРХАГЕН. САГА О БЕРСЕРКЕРЕ. Сб. НФ. Пер. с англ. Одесса: ТПП «Хайтех», 1990. 207 с. (МФ, 10). 20 т. э.

Роберт СИЛВЕРБЕРГ. НА ДАЛЬНИХ

МИРАХ. Сб. Пер. с англ. М.: Мир, 1990. 599 с. (ЗФ). 200 т. э.; ХРАНИЛИЩЕ ВЕКОВ. Рассказы. Пер. с англ. М.: Интерпракс, 1990. 80 с. (Амер. Ф). 260 т. э.; ЧЕЛОВЕК В ЛАБИРИНТЕ. Фант. роман. Пер. с англ. М.: СП «Интербулк», 1990. 160 с. 150 т. э.

Джордж СМИТ. ОТВЕРЖЕННЫЕ; Мюррей ЛЕЙНСТЕР. ЭТИЧЕСКИЕ УРАВНЕНИЯ; Стенли ВЕЙНБАУМ. МАРСИАНСКАЯ ОДИССЕЯ. Рассказы. Пер. с англ. Алма-Ата: Гылым, 1990. 61 с. (Ренессанс). 100 т. э.

С РУЖЬЕМ НА ДИНОЗАВРА. Сб. зарубеж. ф-ки. Сост. О. Лопатин. Алма-Ата: Кайнар, 1990. 575 с. 50 т. э.

Брэм СТОКЕР. ГРАФ ДРАКУЛА, ВАМПИР. Роман. Пер. с англ. Таллинн: Валгус; МГП «Гарт», 1990. 318 с. 600 т. э.; То же. М.: Фирма «АДА»; ТПО «Странник», 1990. 366 с. 500 т. э.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ. Сб. нф рассказов англ. и амер. писателей. Сост. С. Гансовский. М.: Правда, 1989. 447 с. (МП). 500 т. э.

Марк ТВЕН. № 44, ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. Повести, рассказы. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1989. 416 с. (Б-ка атенст. лит.). 200 т. э.; То же. 1990. 200 т. э.

ТЕ, КТО УХОДИТ ИЗ ОМЕЛАСА. нф рассказы амер. писателей. Сост. Р. Рыбкин. М.: Известия, 1990. 182 с. (Б-ка журн. «ИЛ»). 50 т. э.

Уильям ТЕНН. УИНТРОП БЫЛ УПРЯМ. Фант. повесть. Пер. с англ. Красноярск: Кн. изд-во, 1990. 57 с. (ЗФ). 50 т. э. (А)

Джон Р. Р. ТОЛКИЕН. ДВЕ ТВЕРДЫНИ. Летопись 2-я из эпохи «Властелин колец». Пер. с англ. М.: Радуга, 1990. 415 с. 200 т. э.; То же. 1991. 100 т. э.

ТРАНСПЛУТОН. Фант. рассказы. Пер. с англ. Рига: Интекс, 1990. 48 с. (Старая Ф). 2). 100 т. э.

УБИЙЦА ВЕЛИКАНОВ. Ф-ка. Б. Чандлер, Р. Хайнлайн. Пер. с англ. Свердловск: Ур. следопыт, 1990. 109 с. 15 т. э.

Дирк УЙЛИ, Фредерик КАММЕР-мл. КОГДА ВРЕМЯ СОШЛО С УМА. нф повесть. Пер. с англ. Л.: Аквилон, 1990. 64 с. (Солярис, 2). 50 т. э.

Джон УИНДЕМ. ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ. Фант. роман. Пер. с англ. М.: Мир, 1990. 159 с. 200 т. э.

УЛЬТИМАТУМ. Сб. рассказов. Сост. А. Митрошенков. М.: Наука; Поиск, 1990. 255 с. 200 т. э.

УЦЕЛЕВАЯ ПЛАНЕТА. Сб. амер. нф. Сост. Р. Рыбкин. М.: Столица, 1990. 95 с. 200 т. э.

Филипп ФАРМЕР. ПЛОТЬ. нф роман. Пер. с англ. Одесса: ТПП «Хайтех», 1990. 173 с. (МФ, 8). 20 т. э.

Джек ФИННЕЙ. ИЗБРАННОЕ. Пер. с англ. М.: Мир, 1990. 399 с. 400 т. э.

ФРАНЦУЗСКАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА. Сост. А. Григорьев. М.: Мир, 1989. 511 с. 100 т. э.

Роберт ХАЙНЛАЙН. ДВЕРЬ В ЛЕТО. Фант. роман. Пер. с англ. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1990. 240 с. (Ф-ка). 25 т. э. (А); То же. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1990. 232 с. 150 т. э.; То же. М.: Мир; Возд. транспорт; Кооп. «Орион», 1990. 200 с. 100 т. э.; ЗВЕЗДНЫЕ РЕЙНДЖЕРЫ. Роман. Пер. с англ. М.: Слово, 1990. 159 с. 300 т. э.; ИМЕЮ СКАФАНДР — ГОТОВ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ. Роман. Пер. с англ. М.: Кн. дом, 1990. 222 с. (Англо-амер. ф-ка XX в., 2). 300 т. э.

Фрэнк ХЕРБЕРТ. ДЮНА. Фант. роман, кн. 1. Пер. с англ. Ереван: КИПА «Ереван», 1990. 200 с. (Б-ка ЗФ). 50 т. э.

ХОЛОД И ПЛАМЯ. Рассказы. Пер. с болг. Сост. А. Карапанчев. София: София Пресс, 1990. 150 с. (Б-ка «Болгария»). Б/т.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ БУДУЩЕЕ. Сб. рассказов. Вып. 2. Сост. Г. Кузьминов. М.: ИМА-Пресс, 1990. 96 с. 100 т. э.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ДРУЖИЛ С ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ. Сб. амер. ф-ки. Сост. В. Бакайов. М.: Радио и связь, 1989. 285 с. 100 т. э.

Гильберт ЧЕСТЕРТОН. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧЕТВЕРГОМ. Роман, эссе.

Пер. с англ. М.: Известия, 1989. 190 с. (Б-ка журн. «ИЛ»). 50 т. э.

ЧУДОВИЩЕ. Сб. повестей и рассказов амер. фантастов. Сост. Е. Воронцова. Ростов н/Д; Изд-во Ростов. ун-та, 1990. 196 с. (ЗФ). 70 т. э.

ЧУДОВИЩЕ. Сб. амер. ф-ки. Сост. А. Горло. Кишинев: Периодика, 1990. 377 с. (Улисс). 100 т. э.

Роберт ШЕКЛИ. КОРПОРАЦИЯ «БЕССМЕРТИЕ». нф роман и рассказы. Пер. с англ. Одесса: ТПП «Хайтех», 1990. 161 с. (МФ, 1). 25 т. э.; НОСИТЕЛЬ ИНФЕКЦИИ. Рассказ. Пер. с англ. Волгоград: Волж. новости, 1990. 29 с. (ЗФ). 30 т. э.; ПОХМЕЛЬЕ. Фант. рассказы. Пер. с англ. М.: Новелла, 1990. 80 с. 500 т. э.; РАЗРЕШИТЕ ВОРВАТЬСЯ В ВАШ СОН. Рассказы. Пер. с англ. Л.: СП «СМАРТ», 1990. 64 с. (Фантаkrim-макро). 200 т. э.; ХОЖДЕНИЕ ДЖОЭНИСА. Фант. повесть и рассказ. Пер. с англ. Киев: Друг читача, 1990. 144 с. 100 т. э.

Роберт ШЕКЛИ. ОХОТА; Теодор ТОМАС. ЦЕЛИТЕЛЬ; Клиффорд САЙМАК. КОГДА В ДОМЕ ОДИНОКО. Рассказы. Пер. с англ. М.: Панорама, 1990. 31 с. (Попул. б-чка «Коробейник»). 200 т. э.

Роберт ШЕКЛИ. НОСИТЕЛЬ ИНФЕКЦИИ; Роберт УИЛЬЯМС. ПОЛЕТ «УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ»; Артур ПОРДЖЕС. ЦЕННЫЙ ТОВАР. Рассказы. Пер. с англ. Алма-Ата: Горизонт, 1990. 63 с. (Ренессанс). 100 т. э.

Боб ШОУ. ВЕНОК ИЗ ЗВЕЗД. Сб. нф произведений. Пер. с англ. М.: Мир, 1989. 566 с. (ЗФ). 100 т. э.

Харлан ЭЛЛИСОН. ПАРЕНЬ И ЕГО ПЕС. Фант. повесть. Пер. с англ. Свердловск: СНД; ТМ КВН УПИ, 1990. 35 с. (Амер. ф-ка). 80 т. э.

ЭТО БЫЛО В КАМЕННОМ ВЕКЕ. Сб. Пер. с англ., фр. Сост. Г. Чернушенко. Минск: Юнацтва, 1989. 447 с. 1050 т. э.

Роберт ЯНГ. СРУБИТЬ ДЕРЕВО; Теодор СТРАДЖОН. ИСКУСНИКИ ПЛАНАТЫ КСНАДУ. Пер. с англ. Алма-Ата: Горизонт, 1990. 77 с. (Ренессанс). 100 т. э. ЯПОНСКАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА. Пер. с яп. М.: Мир, 1989. 591 с. (БФ, 22). 400 т. э.

Переводная фантастика включалась, кроме того, в сборники «Великанова купель» (М.: Радуга, 1989), «Детектив. Фантастика» (вып. 2; М.: Вокруг света, 1990), «Дорогами приключений» (вып. 2; Новосибирск, 1990), «Звездное воинство Америки» (М.: Прогресс, 1988), «Перст судьбы» (М.: Рос-Маркетинг, 1990), «Противостояние» (М.: Воениздат, 1990), «Скандинавия» (вып. 1; М.: ХЛ, 1989), «Современная повесть ГДР» (М.: Радуга, 1989), «Темная башня» (М.: Искусство, 1990), в книги А. Бирса «Заколюченное окно» (Свердловск, 1989), Д. Дюморье «Не позже полуночи» (Л.: Лениздат, 1990), Ф. Дюрренматта «Правосудие...» (М.: Радуга, 1990, «Мастера соврем. прозы», Б. Маламуда «Шляпа Рембрандта» (М.: Известия, 1990), С. Мрожека «Хочу быть лошадию» (М.: МГ, 1990), В. Незвала «Избранное» (т. 1; М.: ХЛ, 1988), А. Савинно «Вся жизнь» (М.: Известия, 1990), У. Хоуэлса «Возвышение Сайласа Лэфема; Гость из Альтрурии» (М.: ХЛ, 1990, «Б-ка лит. США»), Г. Честертон «Избранные произведения» (т. 1; М.: ХЛ, 1990).

Из книг о фантастике и писателях-фантастах выпущены:

Эдуард БАТАЛОВ. В МИРЕ УТОПИИ. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 319 с. 65 т. э.

В МИРЕ ФАНТАСТИКИ. Сб. лит.-критич. статей и очерков. Сост. А. Кузнецов. М.: МГ, 1989. 238 с. 100 т. э.

ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАИЛЕ БУЛГАКОВЕ. Сб. М.: СП, 1988. 528 с. 100 т. э.

Вл. ГАКОВ. УЛЬТИМАТУМ. Ядерная война и безъядерный мир в фантазиях и реальности. М.: Политиздат, 1989. 347 с. 100 т. э.

НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

ЛЮБОВЬ И СЕРДЦЕ БЕСПРЕДЕЛЬНОСТИ

Раскрывая черты Вселенной, Идет Человек, ступая шагом длинным,

Бесконечным.

Железные цепи сна
Сковывали долго

бездонную массу сознания,

Не знавшего зерна

Любви истинной.

Сегодня настал час гласа

Сил Великих,

Закон Любви входит в силу,

И, отрываясь от прежних порогов

представлений и понятий,

Мы входим в бесконечный поток

Мудрости Вселенной...

Д.М. МАКСИН

«Любовь и сердце беспредельности» — книгу под таким названием готовит к печати Екатеринбургский облсовет общества охраны природы. Ее автор — музыкант, экстрасенс, контактер Дмитрий Максин. Эта книга в сегодняшнем потоке эзотерической литературы стоит несколько особняком. Половину ее страниц занимают Знаки — автор дает свою трактовку знакового языка Космоса и его использования для борьбы с Космическим Злом. Читая книгу открывает свое сердце, свое знание для духовного единения людей планеты Земля, для победы сил Света.

С автором книги беседует директор Екатеринбургского эколого-культурного центра «ЭКО Энроф» имени Даниила Андреева Галина ФЕДОРОВА.

— Дмитрий, ваша книга необычна. Многим непонятна. Освоение ее непросто. Вы считаете, что именно теперь, в конце XX века, через Вас открывается людям новое знание в столь нетривиальной форме? Как будут детские почеркушки, которые соседствуют со стихами, со страницами в прозе... Нужно ли это людям?

— Цель создания книги, продиктованной мне Учителем Сириусом с духовной планеты Сизинда, — приобщение людей к космическим знаниям, к космическому языку. К тому языку, который един для разных Вселенных, для миров с различной материальностью, различными простран-

ственно-временными структурами. Необходимость изучения этого языка появилась из-за страшной опасности, нависшей не только над планетой Земли, над нашей Солнечной системой, но и над другими мирами.

— Что же это за опасность? Мы знаем, как страдает Земля, во что мы превратили наш зеленый дом. А какие опасности подстерегают другие мироздания?

— Есть космический закон: «Что вверху, то и внизу». Происходящее на Земле отражает то, что происходит в Космосе. Космические войны — это не просто модная тема фантастических романов. Войны действительно идут. Космическое Зло защищает свои территории отчаянно и жестоко.

— Давайте уточним, что же такое Космическое Зло. Мы на Земле привыкли считать злом войны и нечестивость, жестокость и разврат, предательство и трусость, равнодушие и фанатизм. А что такое Зло в вашем понимании?

— Зло имеет особую энергетическую структуру. То, что Вы назвали злом — это ее проявления. И победить Зло можно, только изменив его энергетику. Мы боремся со злыми силами Зла, а не с его высшими иерархиями. Можно ли уничтожить сорняки, если просто скосить их? Нужно вырывать Зло с корнем. Нужно изменить структуру энергетических образований, несущих Зло. Трансформировать их, очистить. Это можно пояснить таким примером. Есть магнитофонная лента. Предположим, на ней записана ругань пьяных у пивного ларька. Если стереть эту запись и заменить ее симфонией Гайдна, например, это будет та же кассета, но содержание ее изменится. То же и при работе с испорченными энергетическими структурами. Можно программу, записанную на них силами Зла, заменить божественной программой.

— Но это тоже насилие? Как это увязать с названием вашей книги — «Любовь и сердце беспредельности»?

— Я хотел бы сослаться на самый высокий для меня авторитет — Иисуса Христа. Он нес в мир любовь, он побеждал врага любовью. Он призывал людей молиться за врагов своих. То же и здесь. Человек, вооруженный знанием космического языка, преобразует Зло в Любовь и Добро. Один из знаков, данных мне, — круг в треугольнике — знак Гения Любви Иисуса Христа. Гений любви способен преобразовать духовные центры человека; любовь — это нить связи с Христом.

— По данным некоторых экстрасенсов, Христос сейчас из Шамбалы курирует действия всех инопланетных цивилизаций на Земле. Вы много пи-

шете о Шамбале. Для Вас она действительно существует?

— Конечно, и не просто существует, а является духовной столицей Земли. Ее задача — спасение Земли в Космосе. Это форпост светлых цивилизаций космического братства на нашей планете.

— А НЛО, о которых мы сейчас столько говорим и читаем — это, по-вашему, корабли великой Шамбалы?

— К сожалению, среди НЛО, по моему мнению, очень мало кораблей Шамбалы. К НЛО нужно относиться с большой осторожностью. В основной массе это — посланцы цивилизаций, которые не знают любви, у них нет понятия любви. Они хотят чем-нибудь поживиться на Земле. Им непонятно таинство духовного потенциала людей нашей планеты, оно их пугает...

— Человек может противостоять далеко опередившим нас НЛО навтам? В чем наша сила?

— Мы часто сами не знаем нашей силы. Человек, овладевший наукой, искусством работы со своими астральным, ментальным и высшими тонкими телами, становится сам как бы богом в мирах тех, иных материальностей. Он может сознательно участвовать в жизни иных миров, причем совершать там действия, которые мы бы отнесли к компетенции богов или полубогов...

— Дмитрий, мне сейчас подумалось, что наше интервью может показаться людям вымыслом, розыгрышем... Даже тем, кто посещает в нашем центре курсы по экстрасенсорике, биоэнергетике, философии, я уж не говорю о простых людях. Как можно доказать людям, что они — боги?

— Пусть покупают мою книгу, изучают. Те, кто подготовлен, прошел курсы по парапсихологии, экстрасенсорике, смогут разобраться в знаках, использовать их для победы Света.

— А если знаки захотят использовать злые люди?

— Им это не удастся. Им не дано подняться до уровня сверхтонкой материальности тех вибраций, через которые работают Добро и Любовь. Этими знаками может воспользоваться только истинно добрый человек — и во имя защиты и победы Добра.

— Вы меня успокоили. Тогда я могу сообщить нашим читателям, что центр «ЭКО Энроф» высылает наложенным платежом книгу всем желающим. Ее цена — 50 рублей. Нужно написать заявку по адресу: 620219, г. Екатеринбург, Пушкина, 9, комн. 401, облсовет общества охраны природы, центр «ЭКО Энроф».

И еще один, заключительный вопрос. Наш центр занимается пропагандой учения Даниила Андреева, распространяет его книгу «Роза мира» (так же наложенным платежом и по той же цене). Как вы относитесь к

философии Андреева, к его географии Шаданакара, как он называет систему разноматериальных слоев вокруг Земли?

— Взгляды автора «Розы мира» во многом совпадают с моими представлениями об устройстве Вселенной. Только мне эта книга кажется немного грустной, может быть, это связано с тем временем, когда она писалась — с долгими годами, проведенными Андреевым в ГУЛаге. Я согласен: все религии имели реальные предметы для обожествления, и стоит относиться с уважением, с любовью к духам лесов и гор, рек и полей, к планетным духам и к обитателям звезд, так же, как к Матери мира и великой Святой Троице... Язычество, буддизм, христианство, зороастризм — как и все другие религии — это знания, накопленные человечеством, это достояние наше, это тот фундамент, на котором мы сегодня строим единую модель Мира. И все-таки я должен признаться, что мне ближе всего Агни-йога, учение Рерихов. Учение об использовании тех энергий, которые нам сегодня посылает Космос и которые могут нас уничтожить, если мы не научимся трансформировать их на благо себе и всем людям Земли.

— И это снова — о Космическом Зле?

— Да, и о том, как преобразовать его в Добро и черпать в этой работе очищения Земли силы для жизни...

ПАМЯТИ ТОВАРИЦА

Печальная весть, скорбная весть пришла в середине октября из Москвы: умер Аркадий Натанович Стругацкий.

Братья Стругацкие – это целая эпоха в истории отечественной фантастики. Они взорвали литературный мир устоявшихся схем и банальных истин, сломали привычную модель, по которой советские фантасты 50–60 годов, за немногим исключением, нещадно обличали в своих книгах капитализм со всеми его язвками и пороками, а будущее человечества рисовали исключительно в образе светлого коммунистического Завтра. Яростное сопротивление консерваторов от литературы (публичная ругань, нередко площадного свойства, отказы издательств, прямые запреты цензуры) и горячая признательность миллионов читателей фантастики – в этом накале страстей творили братья Стругацкие. Пршлое, настоящее и будущее органично и в сложнейшей диалектической связи встает со страниц их книг, писатели не убаюкивают читателя развлекательным чтивом, а, напротив, тревожно бьют в колокол, побуждая читателя задуматься о предназначении человека, о его ответственности перед обществом, планетой Земля, перед космосом. Человек сам по себе явление не менее сложное, чем планета, и изучению этой планеты они посвятили всю свою жизнь.

Аркадий Натанович был другом нашего журнала, оставаясь до последних дней жизни бессменным членом редколлегии «Уральского следопыта». Вместе с патриархом отечественной фантастики А.П.Казанцевым Аркадий и Борис Стругацкие стали первыми лауреатами премии «Аэлита». Аркадий Натанович дважды приезжал в Свердловск на традиционную весеннюю встречу фэнов страны. Он с глубоким уважением относился к своим читателям, и они отвечали искренней любовью. Стоило ему где-либо показаться, как вокруг него тотчас образовывался рой читателей, и незапланированная встреча затягивалась до полуночи. Глубинная эрудиция, страстная полемичность, нежелание идти ни на какие компромиссы, когда речь заходит о серьезной литературе, и в то же время отеческая помощь молодым талантам, огромный заряд душевной энергии, человеческая открытость и отзывчивость – таким навсегда останется Аркадий Натанович Стругацкий в нашей благодарной памяти.

Редакция журнала
"Уральский следопыт"

Вниманию читателей! Журнал "Уральский следопыт" и Творческая мастерская "КВН УПИ" объявляют подписку на 1-й том многотомной книжной серии **БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ** **«УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА».**

Книги серии будут издаваться в твердом переплете, едином оформлении, объемом до 400 страниц, стоимость – 20 рублей (в ценах октября 1991 года).

... Над каменными осыпями висел туман. Поднималось маленькое красное солнце – красный карлик ЕН 92, и туман казался красноватым. Под мягкими гусеницами вездехода шуршали камни, из тумана одна за другой выплывали темные невысокие скалы. Потом что-то зашевелилось на гребне одной из скал, и Охотник остановил машину...

А. и Б. Стругацкие.
Возвращение (Полдень. XXII век)

... Вадим сидел, поставив локти на стол и обхватив голову руками. Вот так цивилизация! Хорошо, думал он, пусть это жертвы грабителей. Но это же чушь: здоровые шестнадцатилетние мальчишки дали себя раздеть без сопротивления и покорно замерзли. Но не фанатики же они! Он представил себе фанатика. Это был изможденный плешивый старик с безумными глазами, с огромной ржавой цепью через плечо. Нет, подумал он. Какие это фанатики!..

А. и Б. Стругацкие.
Попытка к бегству

Первый том серии составят повести Аркадия и Бориса Стругацких «Возвращение (Полдень, XXII век)» и «Попытка к бегству». В следующих двух томах выйдут практически неизвестные нынешнему читателю романы французского писателя-фантаста Мориса Ренара, а также трилогия Владислава Крапивина «Голубятня на желтой поляне».

Купоны для оформления подписки на очередные тома серии и информация о порядке доставки заказанных Вами книг будут напечатаны в нашем журнале. Ориентировочный срок получения 1 тома – май 1992 г.

Для оформления подписки на первый том, не позднее 20 января 1992 г., нужно:

1) Перечислить почтовым переводом 20 рублей (за один экземпляр) по адресу: 620151, Екатеринбург, «Средуралбанк», р/с № 161802/1345417 ОПЕРО Свердловского областного управления госбанка, МФО 253006.

2) Заполнить подписной купон (укажите в нем Ваш точный почтовый адрес, перечисленную сумму, дату и номер квитанции перевода, количество заказанных экземпляров).

3) Вложить купон в конверт и выслать его по адресу: 620219, Екатеринбург, ГСП-353, ул. Декабристов, 67, редакция журнала «Уральский следопыт».

Если Вам или Вашим знакомым понадобятся дополнительные купоны, Вы можете по нашему образцу заполнить обычную почтовую открытку.

ПОДПИСНОЙ КУПОН на 1-й том Библиотеки фантастики "Уральского следопыта"

Адрес подписчика _____

Фамилия _____

Имя, отчество _____

Сумма _____ Дата перевода _____

№ квитанции перевода _____ Количество экземпляров _____

Обложка АНАТОЛИЯ ПАСЕКИ
Слайды В. ДОНЕЦКОГО

Отказываясь от всех внешних конъюнктур, очень легко подпасть под самую опасную: ту, что незаметно диктуется самим собой.

Пусть все идет, как идет...

...А в интернат, в самый разгар моего углубления в поэзию, приехали гости. Ребята из какого-то соседнего детдома. Директриса вызвала меня и сказала:

— Кузнецов, нужно дискотеку для гостей организовать. Сгоняй-ка в Тюльган, за Шатуновым...

И я поехал. Даже с радостью. И вовсе не потому, что горел желанием во что бы то ни стало провести эти показательные дискотеки. Нет, я вдруг понял, что за месяц с небольшим успел привязаться к своему солисту, что мне не хватает его идиотской упрямости, его вызывающих «ну, чё?»... Мне захотелось рассказать ему, как моя мама позвонила после Новогоднего вечера Тазикеновой, интересуясь дебютом. Нашим дебютом. (Как это важно, что одно материнское сердце все-таки болело и за меня, и за него!). Мне не терпелось вместе посмеяться бредовой идее записать в соавторы «ЛМ» классиков XX века... Ну и, конечно, я боялся, что проклюнувшийся с таким трудом интерес Шатунова к работе в группе за долгие зимние каникулы может пропасть, не дав зеленого ростка.

По дороге в Тюльган я вспомнил, что адреса шатуновской тети не знаю. Утверждение же, что язык до Киева доведет, как-то не очень утешало: не в глухую ведь деревню из пяти дворов еду, а в какой-никакой город... К тому же за окном автобуса разгулялась метель. В салоне стало от этого неуютно, тревожно. Я ехал в чужой город, где меня никто не встречал.

К счастью, Тюльган оказался не таким большим, как рисовался моему воображению. Весь он раскинулся на горе, которая курилась поземкой, как вулкан. Хотя сравнение с вулканом не очень удачное... Вулканы все-таки связаны с теплом, а Тюльган встретил меня набравшей силу метелью да холодом. Я двинулся по первой попавшей улочке. Кривой и пустынной. Шел, отплеываясь от снега. Проклинал свою несообразительность (мог бы у Тазикеновой адрес взять!). И высматривал прохожих. Наконец впереди, в просветах пурги замаячила чья-то фигура, и когда мужчина в завидно теплом тулупе поравнялся со мной, я сбиечиво спросил:

— Парень из Оренбурга... Где остановился, не знаете?.. Шатунов по фамилии...

Прохожий подозрительно оглядел меня и развел руками.

Я бродил по городу и думал, а ведь не я один... Сколько людей сейчас разделены вот этим же бураном, который не на шутку принял за Оренбуржье, сколько человеческих сердец тянутся сейчас друг к другу и не могут пробиться сквозь ледяную круговерть... А когда пурга утихнет — не многим из них станет легче, потому что есть еще холод непонимания, отчужденности, чужой злобы.

Я взбирался все выше в гору, и снежный ветер все более хлестал меня по лицу. Но что эта боль по сравнению с той, которая пронизывает сердца многих и многих людей, разлученных друг с другом. Я думал о них, а в голове билась невесть откуда взявшаяся строчка:
А метель бьет в лицо.

Как она к вам жестока...

Вдруг я понял, что это песня... Прорвалась сквозь какие-то преграды и согревает, утешает меня. Я повеселел (не Шатунова привезу, так хоть песню). Я пошел медленнее, я уже не проклинал ни пургу,

ни кривые, бессистемные улицы. Город начал мне нравиться. Но чтобы переменной настроения не вспугнуть песни, я попрिдержал в себе щемящую нежность к шедрому городу...

В зимнем городе незнакомом
Власть взяла в свои руки вьюга,
Стал хозяином снег.
Вьюга бродит от дома к дому,
Отделяя их друг от друга.
Нет дороги к ним, нет...

Настроение и музыкальный ритм будущей песни сложились. И я решил, что день 5 января 1987 года прожит не зря... Вот только Шатунова бы еще отыскать...

Видно, одна удача не ходит без другой. Едва я вспомнил о Шатунове, как откуда-то из проулка зазвенели голоса мальчишек, и я запоздало спохватился: какого черта пугаю своими вопросами всех прохожих подряд... Мальчишек надо спрашивать, уж эти-то все знают!

Я подошел к юным лыжникам и спросил:

— Где Шатунов живет?

— А вам на что? — настороженно поинтересовались они.

Я развеял их подозрения и уже через несколько минут шлепал по указанному адресу.

Шел, а в голове крутилось:

К ночи улицы как в пустыне.
Все безлюднее с каждым часом.
Снег, он этому рад.
Белый город от вьюги стынет,
Отдавая ей свет и краски,
Чтоб дожить до утра...

Подходя к обыкновенной совковой двухэтажке, к которой меня направили Юркины приятели, я решил, что в песне, вопреки реальности, вьюга должна покинуть город.

Дверь в квартиру мне открыли две девочки. Как я понял, двоюродные сестренки Шатунова. Я даже не стал спрашивать, здесь ли Юрий Васильевич. Из комнаты доносились пиликанье гармошки, а это ли не шатуновские «позывные»? (Он рассказывал, что играет на гармошке с раннего детства). Я поздоровался с девочками, и на мой голос выглянул из комнаты Шатун:

— О, Кузя, привет!.. — в его голосе почудилась такая открытая радость, что даже следующая фраза «Ты чё?» не показалась мне бесцеремонной. Меня подмывало ответить с высокопарной шутливостью: «Да вот вьюгу над вашим городом решил разогнать!», — но я побоялся вспугнуть песню и сказал просто:

— Собирайся, поехали... Дискотеку надо провести...

Мы ехали в полупустом автобусе, и салон не казался неуютным, хотя пурга за окнами несколько не смягчилась. Я последний раз взглянул на маленький городок, облепивший снежный «вулкан», и мне захотелось пожелать ему, этому городу-незнакомцу, спокойного душевного здоровья... Пожелать строчками будущей песни.

Но закончится ночь, и вьюга
Незнакомый оставит город,
Зло истратив сполна.
И увидят дома друг друга...

Вернувшись в Оренбург, мы отыграли дискотеку для интернатских гостей. А после нее Юра свалился со страшной простудой. Тюльганская метель, подарившая нам песню, для него даром не прошла.

Я съездил домой. Привез меду, варенье. Отыскал лимоны. Всем этим делом его напичкал. Дал таблеток от простуды. (Когда пришло время, эти таблетки мне припомнили. Обвинили, что я накачиваю детей «колесами»). Уложил Юру спать. И только после этого сел и дописал «Метель в чужом городе».

Через два с небольшим месяца песня была полностью готова. Мне хотелось, чтобы ее премьера состоялась на районном смотре художественной самодеятельности, где нас обязали выступить. Но там она не прозвучала. Из-за громкого скандала, после которого на следующий же день меня уволили из «инкубатора», а «ЛМ» первый раз распался. Об этом конфликте еще будет речь, и я забегаю вперед лишь для того, чтобы подчеркнуть, не такая легкая судьба у этой песни, как кажется некоторым.

Недавно мне показали вырезку из одной молодежной газеты. Там, под рубрикой «Песня субботы», опубликована «Метель». Вместо фамилии автора значится: «Из репертуара группы «Ласковый май». Вроде все правильно. Но по Тюльгану-то, по заледенелому, бродил вовсе не абстрактный «Репертуар». И за Юрку, чья болезнь, хоть и косвенно, но была связана с этой песней, переживал тоже не «Репертуар». И позорно выгнали с работы из-за «Метели» вовсе не «Репертуара».

Так стоит ли связывать мою «Метель» только с «Репертуаром»? Хоть и «ласковомавевским»?

6. Песня с привкусом...

гидропирита

Какая из моих песен мне дороже всего? Не знаю... Ко всем отношусь как к детям малым. И стараюсь не бросаться песнями. Не вымучивать что-то из себя на пределе рационального, осознанного, не потакать себе, принимая за собственное отголоски чужих слов и музыкальных фраз. Песни — продукт иррационального. Они сами приходят, когда у них появляется желание. И к кому, и зачем прийти — знают, хотя автор об этом может и не догадываться.

Когда я ловлю себя на мысли, что придумываю рифму или натужно обдумываю музыкальную строку — я уже знаю, песня не получится. Можно вставить из-за инструмента, гасить свет.

Все, что люди услышали из моих уст, вернее, из уст моих солистов — все это вышло само собой и сразу же. Хотя вынашивалось не один и не два месяца. Сколько, я не знаю. Может, с самого рождения.

Когда начинаешь ориентироваться на публику, гадать, что подойдет, а что нет, и какое словечко вставить, чтобы оно понравилось подросткам — песня не получится. Поэтому я по заказу не пишу. Меня часто просят: «Кузя, напиши-ка нам песню!». А ее по заказу сделать невозможно.

К сожалению, многие думают по-другому. Считают, что песенки — хорошее средство «на прокорм». Я знаю людей, для которых сочинительство песен — дело чисто коммерческое, рассчитанное на немедленную прибыль. Глядя на них, думаешь, может, и детей они будут рожать с единственной выверенной мыслью, чтобы те не обнесли их в старости куском хлеба. Нельзя так... Выпустить песню — это огромная ответственность, очень огромная.

Я люблю свои песни, как отец большого семейства любит сыновей и дочерей, среди которых нет случайных, нет «нежданок».

От безысходности я решил попытаться сделать музыку на чужие тексты. Стал прикидывать, кто из поэтов подошел бы для такого дела. Классику отменил сразу: Заставить Шатунова петь на слова Державина, все равно что выпустить его на сцену в клоунском гриме. Да и сам я классику не больно жалую. Почему-то... Поэтому Пушкина и иже с ним оставил в покое. Решил «пройтись» по XX веку...

Из современников крупным поэтом я считаю Андрея Макаревича. Когда на моем, подростковом еще, горизонте, всплыла его «Машина времени», — я был потрясен энергией, заложенной в словах. Тяжелый ритм рока обнажал эту энергию до предела, нес ее нам, слушателям... Даже слова с затертым смыслом искрились от напряжения, будили в нас некие неведомые, но страшные силы, готовые снести любые преграды на пути к Справедливости. «Машина времени» вовсе не отвечала моему ощущению мира, но не уважать я ее не мог. Все там было искренне, талантливо, люто.

Еще из современников нравится мне Андрей Вознесенский. Усложненные метафоры превращают любовь в его лирических вещах в чувство иррациональное, в нечто, данное свыше для того, чтобы упорядочить земной хаос. Именно это мирит меня с обилием техницизмов в поэзии Вознесенского, с образами, рассчитанными на элитарного читателя. Однако, когда встал вопрос, на чей текст написать музыку, на сборнике Вознесенского и ноты моей не сидело. Слишком разные уровни — Вознесенский и «Ласковый май». Принципиально разные...

Перелистал я в тот отчаянный момент книгу Анны Ахматовой. Мне многое у нее нравится. Близок по духу ее мистицизм. Ее проглядываемая в строках вера в иррациональное. Но примериваясь к ахматовскому сборнику с достаточно утилитарной целью — смогут ли ее стихи прозвучать со сцены в исполнении «Ласкового мая»? — я вдруг открыл, что ахматовский мистицизм, ранний, по крайней мере, ничего общего с моим не имеет. Слишком он мрачен и безысходен. В самом деле:

Луна над озером остановилась,
И кажется распахнутым окном
В притихший, ярко освещенный дом,
Где что-то нехорошее случилось...

Мне верялось только в хорошее. Мне хотелось, чтобы именно о такой вере пел Юрий Шатунов. В конце концов, шел все-таки 87 год, все громче и громче звучала анафема тем душным временам, которые породили дикую, нечеловеческую боль Анны Андреевны, ее скептицизм. Наше время худо-бедно давало надежду, что люди осознали, в какой тупик загнали себя, и уже потихонечку сдают из этого затхлого закоулка истории. Мне хотелось в меру сил поддержать эту надежду. Нет, не в горьковском утешителе Луке видел я свою роль — упаси боже... Мне нужно было поделиться со слушающими верой, что мир все же чист, по большому счету, и светел. Что есть некая сила, которая в нужный момент призовет нас к совести, и там, где власть этой силы — «нехорошее» не может быть. Но Анна Ахматова не поддержала меня в моей вере.

Общение с крутыми поэтами, конечно, не прошло даром. Текста для переложения на музыку я так и не выбрал. (И кстати, раз и навсегда решил больше не грешить этим). Но сам дух Большой Поэзии вдруг отразил, насколько несовершенно наше доморощенное творчество. Несовершенно — даже при всей разности задач. Как много еще нужно работать!

И я решил не понукать себя, не требовать от себя новых песен.

Напомню, навсегда в прошлое уходил 1986 год.

...Нока после вечера мы убрали аппаратуру, мама, зная о нашем дебюте, не удержалась и позвонила директору интерната:

— Как там, Валентина Николаевна, вечер прошел?

— Вы знаете, Валентина Алексеевна, это сенсация! — ответила Такикенова. — Никто не ожидал, что за такое короткое время Сереже удастся сделать группу. И неплохую группу!

Мама пересказала мне эти слова, но я-то знал, что группе невероятно далеко до совершенства. И наше волнение сказалось. И качество аппарата.

Мы с Юрием Васильевичем отработали Новый год, много вечеров отработали. На одном из них Юра немножко не выдержал. В одном месте требовалось взять высокую ноту, а он то ли простыл, то ли уже мутация начала сказываться, — вот и не вытянул это место. Бросил микрофон. Убежал со сцены. Слезы там... Я говорю, ничего, радость моя, успокойся. Через год мы из тебя сделаем звезду. Посмеялись вместе... Поскольку даже не предполагали, что уже через несколько недель окажемся в центре пусть слабенького, но все же внимания меломанов.

После Нового года я решил сделать несколько пробных записей того, что мы наработали с Юрой. Записывались в ДК «Орбита», куда я устроился по совместительству, чтобы иметь доступ к хорошей аппаратуре. И вот однажды едем с Шатуновым в автобусе из «Орбиты» в инкубатор, а она, зараза, песня-то наша, где-то там впереди играет. Кто-то из молодых на свой «мофончик» записал. Мы, конечно, удивились, слегка обрадовались. Шатунов у паренька, что впереди сидел, спрашивает:

— Это что за музыка?

Тот отвечает:

— Какие-то «Оренбургские мальчики», наша группа, оренбургская...

— Какие «Мальчики»? Обалдел, что ли? — вмешался в разговор его приятель. — Это группа «Ветерок».

Мы с Шатуновым переглянулись. Я подумал, не пора ли записать свой альбом? Не пора ли представиться насторожившейся публике:

— Здравствуйте, мы — «Ласковый май»!

Но для этого требовались новые песни. Из тех, что у меня уже были, для Шатунова подходили не все...

5. Метель

в чужом Тюльгане

После новогодних вечеров у меня начался нудный, томительный простой. Юра укатил на каникулы в Тюльган, к своей тетке. Я слонялся по наползавшему опустевшему интернату, прикидывал, какие из исполненных Юрой песен оставить в его репертуаре, какие — нет... Картина складывалась невеселая: песни, которые сложились в армии, шатуновского образа не подкрепляли. Может потому, что уже звучали в другом исполнении, несли на себе легкий отпечаток другого прикосновения? А песен для Шатунова не придумывалось...

Сама песня, какая бы ни была, пишется у меня за минуты. Вся полностью. Но это, когда ты садишься за инструмент и знаешь, о чем напишешь, когда живешь настроением новой песни. Но дорога к этой счастливой творческой минуте может занимать и месяц, и год, и два... Когда осуществляются те замыслы песен, которые роились во мне, я не знал. Настроения, понятно, это не прибавляло.

Одно больно: я не могу защитить их от ловких рук.

Сам я своих песен не эксплуатирую. Естественно, только идиот не мечтает о безбедном существовании, я тоже хочу жить с размахом. Но считаю гнусным гнаться за тем, чтобы песни меня озолотили. Я лишь терпеливо жду, вспомнят ли они обо мне, накормят ли...

Увы, иногда моим песням не до меня. И не потому, что они, как безродные дети, выпорхнули на просторы вседозволенности... Часто они просто попадают в такие руки, из которых не вырваться.

Андрей Разин зарегистрировал товарный знак «Ласкового мая». Ему принадлежит теперь то, что родилось в предновогодней спешке 1986 года.

Ради бога! Ни товарного знака, ни названия «Ласковый май» — ничего мне не нужно. Не нужны разинские солисты. Не очень-то горюю и без Шатунова — раз ему уютнее в разинской компании. Но песен-то моих не дергайте... Хотя бы тех, которые появились после моего ухода из «Ласкового мая», которые написаны для «Мамы», для Саши Прико, для других моих солистов.

Увы, стоит «Маме» выпустить новый альбом — часть песен перекочевывает в репертуар «ЛМ». И люди недоумевают, почему одни и те же песни поют и Прико, и Шатунов. Не объяснишь же каждому, что авторским правом наши песни не защищены. Совок-! Желющие могут испытать негодность авторского права на себе: возьмите и исполните с эстрады песни... ну, хотя бы Розенбаума — и ничего вам не будет, номер пройдет безнаказанно. Точно так же, как и у «Ласкового мая». Мы свои новые альбомы не раскручиваем, нет ни сил, ни времени, ни денег, а может, и опыта нет... да и не в наших это принципах. А Разин на коммерции собаку съел. Наши альбомы скупаются, переписываются, засвечиваются на телевидении — потому что у них есть на это деньги, — и попадают с новым товарным знаком в самые престижные звукозаписи. И под маркой «Ласкового мая» неплохо идут, потому что за «ЛМ» — и история, и годы рекламы, и хорошо налаженное производство. Разлетаются наши песенки по совку...

Не дай бог, кому испытать, как его дитятю, едва вставшего на ноги, выводят на панель!

Но вновь и вновь на концертах бойкие ведущие объявляют: «А сейчас свои песни для вас споет Андрей Разин». И попробуй его поймать! Все подносится без криминала. Он называет песни своими, но ведь можно это расшифровать и так: песня моя, потому что я ее исполняю, а кто ее написал — одному богу известно.

А иногда концертные объявки еще хлеще: «Эту песню Шатунов посвящает Андрею Разину!» — и в зале раздаются, например, «Розовый вечер». Я написал песню, а он ее посвятил... Зашибись!

«Розовый вечер» я написал для Саши Прико и только для него. Не думаю, что Шатунов был бы в диком восторге, узнай в свое время, что какой-то нахал проделывает тоже самое с «Белыми розами».

«Белые розы»... Вот про эту песню Шатунов, пожалуй, мог бы сказать: пою СВОЮ песню. Она действительно его. Не потому, что им написана. А в том смысле, что впитала в себя и трагическую атмосферу оренбургского «инкубатора», и характер «маленького оборвыша», каким был Шатунов в свои тринадцать, впитала все издержки его переходного возраста.

Интересно, помнит ли Юрий Васильевич, как записывалась эта песня?

Записывали мы ее с Юрой в конце 1987 года. А вынашивать эту тему я начал за год до того. По-всякому пробовал: и так, и так...

Вариантов было куча, но все — мимо кассы, лажа. Какого-то случая не хватало, чтобы песня сама прорвалась сквозь преграды рационального.

А я в то время уже отработал свое в интернате. Уже хорошо был знаком с Юркой. С другими мальчишками и девочками. Видел их взаимоотношения, их любовные терзания. Любовь кипела как в итальянских фильмах. То рыдания, то кто-то вены вздумал себе резать... Как-то мода пошла наколки на руках делать, имена любимых. Даже девочки закрывались в своих комнатах, обматывали иглу ниткой, макали в чернила и печатными буквами по живому — самое нежное и дорогое на свете имя...

Меня убивало, что многие педагоги относились ко всем этим любовным всплескам, как к эпидемиям чумы. А если, о ужас, мальчик с девочкой в бытовке закрылся — значит все, атомный взрыв на подходе, надо ломать двери, бить во все колокола и так далее... Зачем? К чему все это? У детей шло нормальное развитие.

Мальчиков и девочек в интернате разделили, одних поселили на шестом этаже, других на пятом. Вероятно, думали, что так ребячьи души будут правильной формироваться. А может, с природой решили поспорить, не считаясь с тем, что наносят детям психические травмы.

Но от этих «педагогических мер» влюбленные не перестали тянуться друг к другу, не стали равнодушной.

Однажды я увидел, как с шестого этажа, из обледелого окна, спускаются свитые в канат, связанные простыни, а юный Дон Жуан вскарабкивается на подоконник, и его намерения не вызывают сомнений. Увидев меня, пацан смылся... Но картинка: худенькая фигурка на белом канате, закрытое окно на девчачьем этаже, заледенелое, сквозь которое видны только легкие цветные пятна — эта картинка разбудила во мне песню.

Я шел домой, и во мне эта песня уже жила. Песня не о любви, не о несчастных подростках, в которых пытаются заглушить ростки естественного чувства. Нет, песня была о чем-то другом, в чем мне самому еще требовалось разобраться...

Немного теплее за стеклом,
Но злые морозы,
Вхожу в эти двери,
Словно в сад июльских цветов.
Я их так хочу согреть теплом.
Но белые розы
У всех на глазах
Я целовать и гладить готов.

Пришел домой. Сел за инструмент. И за пятнадцать минут я эту песню сделал.

Сомнений, справится ли Юра Шатунов с этой песней, у меня не было. Песня сложилась для него. Песня была его. Он тоже страдал от неразумной черствости взрослых, он каждый день видел, как от этого страдают его друзья. Может, и сам зависал, вцепившись в простынный канат, над смертельной пустотой. В конце концов, у него была своя любовь. К счастью, удачная и взаимная. Я уже видел, как чувства к своей девочке помогают Юре работать над песнями. И не сомневался, что Юрина переполненность светлой, пьянящей, как хмель, любовью выплеснется и в «Белых розах».

Я очень быстро сделал «фанеру» (фонограммы в тех условиях давались нелегко, слишком «совершенный» был у меня аппарат!). И по-

пустоту превращается Человек. Высасывает из тебя все, что можно, и равнодушно выплевывает, готовый к новым нападениям...

Новый год между тем наплывал, как стремительный айсберг. Но он меня уже не страшил. Программа для праздничной дискотеки была почти готова. Оставалось совсем немного. Во-первых, придумать себе название... Я предложил «Ласковый май». Юре и Славе оно не понравилось. Я согласился с ними, действительно, звучит больно слыша. Но времени на поиски нового не оставалось, и мы решили оставить его как рабочее. До той поры, пока не придумается более точное, соответствующее образу нашего солиста.

Вторая проблема, которая возникла у нас перед самым выступлением — Юркин костюм. Решить ее кардинально не было ни времени, ни возможностей, и мы решили выкрутиться самым простеньким образом. У Шатунова имелись выходные штаны — обыкновенные «совдеповские» джинсы. Я взял иглу, нитки, вспомнил армейские навыки и эти штаны Юре ушил. Чтоб не болтались на нем, как на пугале огородном.

Кстати, Юркины костюмы — целая история. Когда его первые сценические джинсы поизносились, пионервожатая подарила ему костюм. Специально для того, чтобы он в нем работал. Коричневый, с небольшим отливом. По тем временам это был класс! Мы уже уехали в Москву, а тот костюм все валялся у меня дома. Потом мама отнесла его в интернат. В Москве же мы начали работать более серьезно, — серьезнее подходили и к внешнему своему виду. За Шатуновым стал следить администратор группы Аркаша Кудряшов. Одевал его с Рижского рынка. Возьмет там какую-нибудь майку, куртку крутую, сидит, часами ее обшивает, доводит до ума...

Когда-то неистощимому на коммерческие дела Андрею Разину пришла в голову мысль сделать музей «Ласкового мая». Если бы такой музейчик возник, самой печальной экспозицией, думаю, стала бы экспозиция Юркиных костюмов... Висело бы оно в ряд, это тряпье, и напоминало каждому, какая дикая дистанция от коротеньких брючишек стремительно вырастающего детдомовца до белого, в выпендренных дырах, костюма поп-звезды... Напоминало бы, как быстро растут мальчишки... Предупреждало б, что расти — вовсе не значит меняться к лучшему...

И вот настал наш «судный» день — новогодний вечер в инкубаторе. В небольшом актовом зале дети сдвинули стулья, организовали себе место для танцев. В первой части вечера я поставил им танцевальный музончик. Полумрак. Приглушенный свет. И дым столбом из всех углов (за курение администрация интерната меня гоняла, я в свою очередь гонял детей, но за всеми разве уследишь?..) Вот такая интересная обстановка в первой части. По коридору идешь — вроде все инкубаторское: флаги висят, портреты Лукича, планы работы активы, отряда и т. п. А в актовый зал заходишь: все прокурено, в одном углу обнимаются, в другом целуются, в третьем еще хлеще... Атмосфера такая, будто на взрослую тусовку попал. Как бы, думаю, не растерялся Юрий Васильевич в таких условиях.

Началась вторая часть вечера. Я сел за инструмент. Слава, немножко волнуясь, взял бас-гитару. А Юрка — микрофон.

И впервые прозвучало перед мальчишками и девочками:
— Выступает группа «Ласковый май»!

Шатунов запел, и я боковым зрением увидел, как из темных углов один за одним выходят поближе к сцене крутые детдомовцы и как медленно, но безудержно тают на их лицах ироничные ухмылки.

— До Нового года осталось с гулькин нос. Еще не поздно отказаться от дискотеки, которую мы пообещали под нашу с тобой группу. Нас поймут... Или все-таки рискнем и подготовим программу?

Юрка посмотрел на меня с недоумением, как на хнычущего хоккеиста, и сказал:

— О чем разговор? Конечно, рискнем.

С этой поры я уже не чувствовал, что репетиции Шатунов просто отбывает. Он доходил до фразы «Как верю я твоим глазам, мы долго ждали этой встречи»,— и его собственные глаза освещались отчаянной отвагой. Он не просто исполнял эту песню для какого-то абстрактного зрителя, а пел ее как бы конкретной девчонке, в которую уже успел втюриться. И в этом тоже был момент так боготворимого Юркой риска. (Попробуй-ка признаться в любви симпатичной девчонке, если тебе всего 13, если ты к тому же новичок в интернате, если не знаешь, как к этому отнесутся ребята постарше, да и сама девчонка... То-то...)

Ну, а когда мы начали мастерить световое оформление для дискотеки, то Юра не отставал от меня ни на шаг. Техника оказалась третьим из китов, на которых держался шатуновский интерес к жизни.

Когда хоккейный корт убежал весенними ручьями, Юркино внимание переключалось на картинги. Пожалуй, для него картинг стал важнее, чем хоккей. Никаких выступлений, никаких репетиций, хлебом не корми — только картинги! У него был свой картинг, закрепленный за ним. Вот он на нем и рассекал... Классно носился! У них там для этого было специальное заасфальтированное место.

— Кузя,— спросил он как-то,— а почему ты про технику песен не пишешь? Например, про картинг... Вжжих, вжжих, резкий поворот... Крепче за баранку держись... А?

— Я не люблю эту тему,— ответил я.— Техника развивается, через несколько лет она будет совершенно другой. А то, о чем я пишу, останется надолго, навечно. Я не хочу, чтобы через десятки лет мои песни выглядели так, как сейчас выглядят песни 50-х годов...

— Ты думаешь, твои песни будут и через десятки лет?

— Вряд ли. Но очень хочется... И все зависит от нас.

Когда заканчивались репетиции, я пытался вытащить Шатунова куда-нибудь в центр. В театр, кино. Это тоже было проблемой. С удивлением я обнаружил, что Юра домосед (или правильнее — детдомосед? Извини, Юра, за горькую иронию...). Но иногда наши вылазки удавались, и некоторые из них помнятся до сих пор. Помнятся и приобретают какой-то новый смысл. Так однажды я вытащил Славу и Юрку на «Бесконечную историю». Был такой обалденный фильм, шатуновский совместно с ФРГ. Просто чума, а не фильм! Тончайшие краски, тончайший смысл... В этом фильме есть такой персонаж: Пустота. Просто Пустота, которая все поглощает, спокойно, безэмоционально, ненасытно. Поглощает и доброе, и злое, и готовое к добру. А сама от этого не становится ни добрее, ни злее, ибо Пустота и есть Пустота.

— Не хотелось бы с таким явлением столкнуться,— сказал я после фильма.— А вам?

Шатунов промолчал. Испуганный этим молчанием, я свел вопрос к шутке:

— М-да, не для «совковых» детей фильм... — и перевел разговор на другую тему. А образный персонаж из импортного фильма стал преследовать меня, и преследует до сих пор (фильм даже на кассету у меня сейчас записан). Только теперь я понимаю, что Пустота — это никакой не иррациональный образ. В жизни все проще. В жизни в

шли мы с Юркой ко мне на работу,— я в то время из интерната перебрался в ДК «Орбита», тоже занимался музыкой, дискотека была у нас там.

Я говорю Юрию Васильевичу:

— Ну, давай, дружок...

Мы с ним порепетировали немного. Вроде все гладко идет. И Шатунов такой смиренный... Пай-мальчик прямо... Будто незадолго до этого у нас с ним не было никакой крутой ссоры.

Ссорились мы с ним, надо сказать, часто. Основная причина стычек — заниматься ли Шатунову музыкой или не заниматься. Он не хотел, ужасно не хотел. И мне приходилось быть жестоким. (Хотя даже в самых сокрушительных скандалах я не позволял себе того, что Шатунов потом сделал в отношении меня. И мне, и ему — бог судья...)

А скандал, который случился незадолго перед записью «Белых роз», был, можно сказать, традиционным для нас. Шатунов заупрямился:

— Кузя, не хочу репетировать. Там наши в хоккее гоняют. Я к ним...

Я — уговаривать:

— Надо. Давай еще немного... Новый год скоро. Надо поработать, подготовиться к дискотеке.

Он удила закусил:

— Сказал, не буду. Я играть пошел...

Тогда я взорвался:

— Уходи! И больше сюда не приходи! Ты мне не нужен! Начну с Серковым репетировать.

И тут неприступный Юрий Васильевич сел в уголок и — слезы в три ручья... И такая беззащитность в его позе, такая обида в глазах, такое моментальное одиночество во всем нескладном по-подростковому облике, что мне стало не по себе. Вот так же, наверняка, забивался он в угол, когда, малышом еще, обижали его старшие интернатские ребята. Забивался в угол, лил беззвучные слезы, никого не рассчитывая этими слезами пронять. И думал о том, что никому нет дела до его горя, что никому он не нужен.

— Да нужен ты мне, нужен! — закричал я, спохватившись. Подошел, погладил его.

— Вот увидишь, мы еще сделаем из тебя «звезду». Помнишь мое обещание?

Ничего, вроде успокоил... И с тех пор слова «нужен — не нужен» постарался забыть, приберечь их лишь на самый крайний случай. На самый крайний! Кто же знал, что он, этот случай, уже не за горами...

В общем, ту ссору мы пережили. Я уже прекрасно представлял упрямый шатуновский характер, взрывчатость его, поэтому когда мы стали репетировать «Белые розы» — старался следить не только за аппаратурой, не только за тембром Юркиного голоса, но и за настроением будущей «звезды». Мне хотелось, чтобы ничто не отвлекало его в момент репетиции от собственного внутреннего мира. Только так песня окрасится чувствами исполнителя.

Вроде все шло нормально. Записали первый дубль. Мне очень понравилось несколько украшений мелодии, которые Юра неожиданно сделал. И я предложил ему акцентировать их...

Юра еще раз, без микрофона, пропел:

— Белые розы, белые розы —
Беззащитны шипы.
Что с ними сделали снег и морозы —
Лед витрин голубых.
Люди украсят вами свой праздник
Лишь на несколько дней
И оставляют вас умирать
На белом холодном окне...

Мне вариант понравился. Я говорю:

— Ну ладно, отдохни немного. Я перемотаю «фанеру», и еще разик запишем.

Ушел в соседнюю комнату. Перемотал пленку. Вернулся.

Юра стоял у окна. А на подоконнике — бутылка из-под шампанского. В ней — перечись водорода. Обыкновенный гидропирит. Он ужасно похож на воду. Ничем не пахнет, без цвета. Юра и подумал: вода. И безо всякой задней мысли хлобысь — и в рот эту бутылку. И захлебнулся...

И тут началось. Спазмы. Рвота с кровью. Кашель. И так далее. И так далее.

Вызвал я «скорую». Сделали ему промывание. Немножко оклемался наш Юрий Васильевич. Но только бригада врачей уехала — с ним новый приступ. Снова пришлось врачей вызывать. Так в тот раз первым вариантом «Белых роз» и ограничилось. Не до них было.

Вот таким образом эта песня далась нам. Очень сложно. И я иногда грешным делом думаю, может, история с гидропиритом — не просто случайность, может, сама песня потребовала для себя не только душевных переживаний, но и физических страданий? Юркиных страданий?

А основной вариант, который сейчас и ходит, мы с Юрием записали в феврале 1988 года. Через два месяца после происшествия с гидропиритом.

Собственно говоря, мысль слепить свой альбом приходила ко мне и раньше. Но я отмахивался от нее. Все думал: с моим-то аппаратом да в калашный ряд!.. Хотя вчерновую альбом уже существовал, существовала «фанера» «минус один» с песнями «Белые розы», «Снова седая ночь», «Лето», «Я откровенен только лишь с луною», «Пусть будет ночь». Все эти пять песен мы сделали лишь для того, чтобы можно было отработать новогодние концерты и дискотеки в интернате. А когда Новый год прошел, когда отпели мы его, — мне в башку торкнуло: дай-ка я на все это наложу голос. Потому что ждать аппарата не было смысла.

Спрашиваю у Шатунова:

— Готов в «звезды»? Попробуем?

Улыбается без застенчивости:

— Попробуем!

И мы попробовали. Я все приготавливаю в Доме пионеров Промышленного района, куда только что перешел работать из ДК «Орбита». Все — это два магнитофона «Эльфа» и «Комета». Ровно в девять утра там появляется пионер Шатунов с бодрим видом всегда и ко всему готового человека, и мы начинаем работу.

Где-то часам к пяти мы уже все закатали — наложили на «фанеру» голос. Альбом был готов.

На другой день, 16 февраля 1988 года, я отправился в поход по киоскам «Звукозаписи». К одному подхожу и голосом обладателя дефицита:

— «Ласковый май» надо?

— Куда?!!

— В Тюльган, наверное. К своей тетке.

Так оно потом и оказалось. И те две недели, что он пробыл там, были для меня не самые радостные. Что Шатунов вернется в Оренбург, я не сомневался. Ходу назад, в Акбулакский детдом, к бывлым своим обидчикам, ему просто не было. Я засомневался в другом: а нужна ли ему музыка? Увы, последнее мое сомнение полностью подтвердилось.

В интернат Юра, конечно же, вернулся. И репетировать мы с ним начали. Но каждый раз, когда Шатунов появлялся в моей рабочей камерке, я почти физически чувствовал, как он преодолевает себя, свое нежелание заниматься музыкой. Поет, а сам прислушивается к звукам шайбы, несущимся с хоккейного корта... И я понимаю, весь он сейчас там, среди пацанов-хоккеистов... А пение — это лишь форма благодарности за вызволение из акбулакского плена. Иногда он позволял себе врываться на репетиции даже не сняв коньки, и мне приходилось терпеть такое неуважение к песне. Я понял, что если хочу сохранить этого солиста, должен многое терпеть. И должен навести между нами какие-то личные мосты. Заразить его своими принципами, своей верой и любовью к музыке. Найти общие точки соприкосновения.

Что может нас объединить? Безусловно, хоккей... Но притворяться, что во мне вдруг проснулся страстный болельщик; категорически не хотелось. Да и не смог бы я этого сделать. Я стал присматриваться, какие, кроме хоккея, радости есть у Шатунова еще.

Вторым его любимым занятием было полазать по дачам. За интернатом, внизу под горой, стояли дачи. Зимой они пустовали. И Шатунов со своими новыми приятелями очень быстро протоптали туда по снежной целине свои беспечные маршруты. Пройдутся по садовым домикам, посмотрят, кто и как наладил здесь свой загородный семейный очаг. Частенько бывало — и припрут оттуда что-нибудь. То посуду, то самовар, то какой-нибудь чайник. Однажды, смотрю, тащатся с какой-то раздолбанной плиткой.

— А это зачем? — спрашиваю.

Отвечают с вызовом:

— Отремантируем, на этаж себе поставим. Будем чай кипятить.

Конечно, во многом это ребячье «увлечение» шло от интернатской нищеты. Не было в ребячьих комнатах самых необходимых в быту вещей. Собственных вещей, личных. Не было, к примеру, транзисторов. А какой пацан не мечтает о них? Поэтому транзисторы были «выведены» нашими бродягами подчистую по всей округе. Так хороший огородник выводит в своих наделах сорную траву. Транзистор считался одной из самых ценных добыч. Судя по тому, что у Шатунова сменилось не одно поколение радиоприборов, добытчиком он был удачливым. (Я думаю, обворованные дачевладельцы хоть чуть могут утешиться тем, что косвенно участвовали в развитии музыкальных вкусов будущей поп-звезды.)

Набеги на дачи диктовались еще и чисто спортивным азартом. Хотя я не мог поддержать и второго увлечения Юры, но относился к нему с достаточным пониманием. Мне даже нравилась эта Юркина черта характера — рисковость. Нравилась прямота: застигнутый с той же злосчастной плиткой, он не увиливал от ответа, не врал, облебая себя... Нет, все-таки солист мне попался то, что надо... А нелюбовь к музыке... Что ж, попытаемся не фиксировать на этом внимание.

Как-то я подошел к Юрке, сказал:

будет дарить тепло, доброту, нежность тысячам людей, как будет напоминать им, что мир невелик и нельзя в нем гадить... Юра же в тот момент, как оказалось, ждал от судьбы совсем немногого: чтобы вызволила она его из Акбулака. Невмоготу там стало от издевательств старших ребят.

— Вода родника, живая вода, ты как любовь чиста... — пел Юра, взлетев голосом, нет, не к верхней октаве — к самой надежде, к вере, что хоть и нелегкой будет новая жизнь, но все-таки легче, чем в Акбулаке, что еще существует родниковая чистота человеческих отношений.

Я остановил его и спросил:

— Будем петь? В группе?

Он кивнул головой. Без особых эмоций, потому что еще жил в песне, которую я прервал.

— Только одно условие, — предупредил я. — Я не люблю подпевал. Не люблю, когда солист то там чужую песню подхватит, то там... Как бездомная собака — репы... Петь будем только свое.

— Даже «Голуби летят над нашей зоной» нельзя что ли спеть?

— Для себя — ради бога, а со сцены — нет, — отрезал я.

— Что же тогда со сцены петь?

Я сел за «Электронику» и показал мелодию песни «Вечер холодной зимы». Потом наскоро написал на клочке бумаги слова.

— Есть у меня такая песенка... Давай попробуем.

Юра взял бумажку. Опирается на косяк двери не стал. Подошел к инструменту. Теперь это был немного другой человек.

Я положил пальцы на клавиши, и Юра запел, слегка отставая от музыки, так как разбирал мои каракули:

— Еще не скоро до весны,
И звезды скрылись в снежных тучах.
Метели, вьюги холодны,
Но этот вечер самый лучший.
Как верю я твоим глазам,
Мы долго ждали этой встречи.
И необъятен шумный зал,
И этот вечер будет вечность...

До весны, действительно, было не скоро. На улице хмурилась зима. Но до «Ласкового мая» оставалось совсем немного, считанные недели. И первый шаг к нему был уже сделан. Юрий Шатунов впервые пропел мою песню.

...Потом Юра показал пальцем на «Электронику»:

— А можно я на этой штуке попробую?

— Умеешь, что ли?

— Не-а, но сейчас научусь.

Я с иронией уступил ему место за клавишами. И он, ни разу, как оказалось, не видевший электрооргана, уверенно воспроизвел мелодию, которую я только что играл. Слух у него и впрямь оказался обалденным.

Обалденной оказалась и тяга к бродяжничеству. Когда на следующий день я пришел в интернат, радуясь, что наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки, что к Новому году мы успеем сделать дискотечную программу, Слава Пономарев встретил меня нерадостной новостью:

— А Шатунов сбежал...

— «Ласковый май»? Че-та мы про такое слышали... Про какие-то дискотеки... (А в городе плохонькие записи с наших дискотек уже погуливали). Да, говорят, в принципе знаем, но не надо...

В одну, в другую, в третью «Звукозапись» прошел — никому мы не нужны. На вокзал двинул: Надо?

И вдруг: Надо!

А спустя три месяца весь наш совок, почти каждой своей квартирой, слушал восходящую «звезду» эстрады Юрия Шатунова. Слушал «Белые розы», не подозревая, какой привкус у этой песни.

Да и другие песни были не «слаще»...

7. Жалко так...

В последнее время в группе (в нашей, в «Маме!») у всех на языке одно любимое выражение: «жалко так...» Придумал эту фразу наш гитарист Саша Ларионов. Однажды мы не очень удачно выступили. Когда шли за кулисы, Саша поморщился и, растягивая слова, произнес: «Жалко так...» Несмотря на паршивое настроение, нас это развеселило.

Хорошие слова, многозначные и универсальные. Кроме оценки ситуации, есть в них еще ирония, которая не позволяет заикливаться на том, что не получилось. Скажешь себе «Жалко так!» — и покатил дальше, вперед.

Жалко так — значит плохо, убого, недостойно. Но «жалко так» — это еще и переживаемо, несмертельно... Фраза годится и в музыкальных спорах, и в политических, при собственном самоанализе и в оценках бывших друзей.

Поэтому главу о первом предательстве Юрия Васильевича мне захотелось назвать именно так.

Популярность «Ласкового мая» мы почувствовали месяца через два после того, как я прокатил первый альбом через «Звукозапись». Голос Шатунова слышался из автобусов и троллейбусов, несся из открытых окон, звучал на дискотеках. Бурный поток, как говаривал незабвенный Евгений Сазонов из «Лит. газеты».

Я думал, это только в Оренбурге так. Нет. Друзья приезжают из других городов, рассказывают: и там слышали, и там, и там... Совок слушал нас!

Собственно, что нас будут слушать все, я знал уже во время записи альбома. Почему? Трудно сказать. Что-то внутри подсказывало, что вот это — не то что песни эти, а песни в ТАКОМ исполнении — будут слушать.

Когда мы только завязались работать с Шатуновым вплотную, все мои друзья советовали мне: дурак, что ты делаешь, чем ты занимаешься, с пацаном с каким-то связался — возьми себе нормального солиста, взрослого, серьезного, который не будет срывать репетиций и концертов. Однажды возникла маза, возможность работать в группе, которая создавалась на серьезной базе. Выделили для них огромную сумму — только создавайтесь, ребята... И идея была неплохая — сделать коллектив из одних клавишных. Я долго думал, но отказался. И правильно сделал. Нельзя слушать чьи-то советы, когда дело касается творчества.

Верность собственным принципам вознаградилась популярностью

группы. И я ждал: теперь-то эта популярность, наоборот, поможет отстаивать мои принципы и дальше. Особенно в спорах с директором интерната Валентиной Николаевной Тазикиной. Не тут-то было...

Претензий ко мне со стороны Валентины Николаевны к марту 1988 года накопилась масса. Сейчас, когда нас с ней уже ничего не связывает, я пытаюсь объективно, без былых обид, разобраться в ее придирах. Они были достаточно разные. Одни — справедливые, наверное. Это когда нам с Пономаревым пенялось за выпивки.

Слава Пономарев жил тогда в интернате. Там целая перегородка этажа, несколько комнат, пустовали, одну из них оборудовали под общежитие — и Слава в ней поселился.

Иногда мы с ним отрывались. Получим зарплату (а тогдашнему финансовому положению моему — не позавидуешь! Мама была уже на пенсии — и домой вроде денег надо, и дискотеку оборудовать, и...) — так вот получим зарплату, что-то скроем, возьмем коньячку — и сидим, тоску разгоняем. Что-то вспоминаем. Строим планы на будущее. Откровенничаем. Мы с Пономаревым ничего друг от друга не скрывали. Вот за эти отрывы нам и доставалось от Тазикиной:

— Почему там пьете?! Детское заведение — не положено!

Я говорю:

— Мы же одни, без детей. Дети сами найдут, где выпить.

Нет, нельзя, и все! В принципе, она права.

Другие ее претензии ко мне я хоть и не принимал, но мог понять, что это претензии не педагога, а чиновника, приставленного к педагогике, с которого в верхах постоянно что-то спрашивали, что-то требовали, а помогать — деньгами, разумеется — и не думали. Поэтому понимаю, откуда шло требование Тазикиной, чтобы я работал не с одним солистом — Шатуновым, а набрал бы себе минимум — хор. Она постоянно подчеркивала, что семьдесят рублей мне платят не за Шатунова, а за то, чтобы я работал с тремя группами по 15 человек. Им нужен был охват. А мне — один солист, но классный. Это несовпадение интересов шло от интернатской бедности, запущенности. Да что б с каждым ребенком только один взрослый работал?! Да что б его индивидуальные способности развивал? Не было на это у наробразов денег.

Затею сделать из меня хоровика Тазикинова в конце концов оставила. После первых интернатских дискотек она увидела, что «Ласковый май» — это не просто амбиция какого-то Кузи, а дело, полезное всему детдому. Мы же для всех работали... Дети под музыку отдыхали, танцевали. Кроме того, и Тазикинову спасали, когда нужно было заткнуть дыры в многочисленных смотрах художественной самодеятельности и фестивалях, не посрамить «чести интерната».

Но это не означало, что Валентина Николаевна оставила меня в покое. Денег на группу не выделялось, а спрос с меня возрастал. Приходилось на пупе вертеться, чтобы из нашего дохлого аппарата выдохнуть мало-мальски приличный звук. Но музыкальные эстеты из руководства этот звук не удовлетворяли. Доходило до курьезов.

Однажды Тазикинова решила разобраться, почему мы стали работать не вживую, а под фонограмму.

Я ее спрашиваю:

— А вы хоть койку вложили на развитие группы, на то, чтобы мы могли без «фанеры» работать?

— Двадцать тысяч вложила...

А эти двадцать тысяч, причем безналичком, выделил мне бывший директор интерната, когда я там еще до армии работал. Я аппарат

Но я подумал на советы.

Если задумал что стоящее (или считаешь, что стоящее), самое вредное — обращать внимание на чужие подсказки. Надо остерегаться советов. Надо сквозь них идти напролом к своей цели.

(Сейчас, когда начинающие солисты, музыканты звонят мне и просят высказать свое мнение по какому-либо поводу, что-то посоветовать, я всегда отвечаю: «Единственно, чем могу помочь — это не вмешиваться в ваши дела, ничего не советовать».)

...Время шло. Аппаратура простаивала. Солиста не было.

И вдруг на моем горизонте появился Слава Пономарев.

Надо сказать, что за время моей армейской службы в интернате произошла смена власти. Старый директор куда-то ушел, а на его место перевели Валентину Николаевну Тазикинову, которая до этого руководила Акбулакским детдомом (это в области, неподалеку от Оренбурга). То ли женщиной она оказалась предусмотрительной, то ли Макаренко со своей методикой был у нее в особом почете — уж не знаю, но из бывшей своей вотчины она привезла в Оренбург, как в свое время Антон Семенович — в Куряж, несколько старших воспитанников и выпускников.

Среди этой ударной бригады оказался и Слава. (После окончания десятилетки он остался работать в детдоме кочегаром. Работа ему не шибко нравилась, и он с благодарностью принял тазикиновское предложение поехать в Оренбург вместе с ней).

В Оренбурге Валентина Николаевна устроила Славу руководителем интернатского технического кружка.

Пока Пономарев возился с картингами, ему было не до музыки. Но когда дела в техническом кружке пошли нормально — Слава заглянул в мою рабочую каморку. Не мог не заглянуть... По натуре он был музыкантом. Вернее, любителем музыки, как и я. Играл на гитаре.

Мы подружились.

Как-то я пожаловался Славе, что не могу найти солиста. Пономарев пожал плечами:

— Что ж ты раньше не сказал? Давай попробуем одного паренька из Акбулакского детдома. Ему тринадцать лет. Голос не знаю как, а слух — обалденный... Юрка Шатунов.

Я сказал:

— Вези,— и подумал, скольким фамилиям я уже пытался придать эстрадный блеск. Не получилось. Теперь вот какой-то Шатунов...

Слава укатил в Акбулак и скоро вернулся с нахохленным, как чиж на мокрой ветке, подростком.

Я прикинул, вроде ничего, для сцены подходит. Довольно симпатичный. И характер угадывается такой, какой мне нужен.

Протянул ему гитару:

— Ну, давай, Лоретти из Акбулака, сбациай что-нибудь.

Юра взял гитару, откинулся спиной на дверной косяк. От этой его позы моя каморка сразу превратилась в какую-то подворотню, но стала почему-то уютнее.

— Живи, родник, живи, родник моей любви,— запел Юра.

Сначала он пел нехотя, будто сдавая экзамен по ненавистному предмету. Потом забыл про экзаменатора, то бишь про меня, про Славу Пономарева, с гордым видом собственника слушавшего песню Лозы, про то, что на карту поставлена его, шатуновская судьба. Хотя, что решается судьба, он, может, и не забывал. Только совершенно поразному мы понимали, куда должна направиться его жизнь. Мне, слегка ошалевшему от его голоса, уже представлялось, как этот голос

быть про них. Выбросить из головы мусор пропагандистских накачек. Послушать песни не о том, как «хорошо в стране советской жить», есть, пить, совокупляться и слушать споры на съездах депутатов. А о другом послушать, о чем-то более простом и вечном. А может, причина успеха в ином: в солисте. Мне такое объяснение как-то ближе.

Впервые на эстраду вышел пацан и запел не красногустучные марши и не «Чебурашку» — а то, что в какой-то мере отражало его... если не состояние, то идеалы. Запел — словно перескочил через безвременье перестроек — переделок-переналадок и очутился в своем собственном будущем, где уже все спокойно, где осела политическая пена, где вновь в цене оказались любовь, дружба, тяга к прекрасному.

Не потому ли заслушивались «Ласковым маем», что ворвался он в наш дурной мир бесхлостной телеграммой из будущего?

Не потому ли полюбили Юрия Шатунова, что сам он в силу своего возраста уже принадлежал и принадлежит этому будущему? Разве поверили бы нам, если послание с грифом «Ласковый май» принес бы в страну другой человек? Другой «разносчик телеграммы»? Старый, хоть и молодящийся, насквозь циничный, хоть и ириво улыбающийся с эстрады? Нет! Нет!! Нет!!! Нужен был иной солист.

И я начал искать такого солиста в оренбургском интернате № 2. Вернее, продолжил. Потому что в этом интернате я успел поработать перед армией. Мы с бывшим директором закупили тогда аппаратуру, плохонькую, но по тем меркам вполне сносною, можно было работать. Я намеревался создать детскую группу. Но не успел: пришла повестка из военкомата. Проводы в армию получились спешными, скоропалательными, — я даже аппарат, закрепленный за мной, не успел сдать (это потом сделала моя мама). Не успел попрощаться с теми, с кем познакомился в интернате. Хотя и не очень огорчился: особых дружеских отношений ни с кем тогда не возникло. И я не знал, вернусь ли после армии на прежнюю работу. Получилось так, что вернулся. Хотя и не сразу. После дембеля, в мае 86 года, устроился в Оренбургский Дом отдыха, проработал там все лето. Но когда Дом отдыха закрыли на реконструкцию, я понял: нужно идти в интернат, это судьба...

К тому времени я уже приблизительно знал, как будет выглядеть будущая группа (сказался армейский опыт). Не было проблем и с репертуаром — не торопясь, я доводил до нужного уровня первые свои песни («Маскарад», «Вечер холодной зимы», «Встречи», «Старый лес»). А вместе с решением вернуться в интернат окрепла во мне самая важная идея, которая потом и определила успех. Идея сделать солистом пацана и только пацана.

Мысленно я даже составил себе нечто вроде «фоторобота» этого пацана. Правда, в отличие от милицейских эрзац-портретов, где воссоздавалась лишь внешность, фоторобот моего будущего солиста включал и голосовые данные, и музыкальность слуха, и черты характера... «Фоторобот» был, а того, кто хотя бы отдаленно с ним совпадал — нет.

Кого я только не перепробовал на эту роль, но ни в ком не было толка! Впору — хоть развешивай по всем городам и весям Оренбуржья ориентировку с отчаянным призывом: «Его разыскивает... популярность!»

Друзья, видя мои мучения, советовали: «Да плюнь ты на этот интернат. Сколоти группу на стороне, со взрослыми музыкантами и солистами. Вон сколько талантливых ребят без дела. Неужели непонятно, что единомышленником сможет стать только сверстник?.. Плюнь, плюнь на этих пацанов!»

купил — и в армию ушел. Пришел, а все уже раскурочено, кто-то от души помузицировал... Пришлось свои зарплаты вбухивать в это дело 70 рублей получу — и почти все «на развитие группы». То радиодетали купить надо, то провода, то лампочки, то на оформление дискотеки. Но кому докажешь, что моих семидесяти недостаточно для хорошего, чистого звука, для работы без «фанеры»... Тазикенова приказывает:

— Никаких фонограмм! Будет фестиваль — я специально проверю. Только попробуйте честь интерната своей фальшивкой опозорить.

Вот и фестиваль, как бельмо на глазу. Он проходил у нас в «кин-кубаторе» и гордо назывался «Слет детских домов». Подошло время нашего выступления, и я поставил «фанеру». Иначе не выступить! Просто технически невозможно!

А у нас люди не понимают, что фонограммы бывают разные. Что не все — халтура. Что есть «фанера» «минус один». То есть только музыка, а голос не записан. Голос, как положено, — через ревер и в портал, если то безобразия, где мы выступали, можно назвать порталом.

Выступаем... Появляется Тазикенова. Начинает возмущаться.

— Сережа, я же просила... Нельзя так! Почему он не поет? Почему обман?

Я молча остановил фонограмму, а Шатунов продолжал петь без музыки.

Однажды, это было в марте 1987 года, готовился районный смотр художественной самодеятельности. Мне сказали:

— Кузя, от вас нужна песня...

Нужна так нужна. Мы с Юркой подготовили «Тающий снег», «Лето» и премьеру «Метели». Приезжаем на смотр, а он, оказывается, посвящен очередной годовщине Лукича, нашего незабываемого Ленина. А мы — со своим «Тающим снегом»... Привет Лукичу!

Но «Тающий снег» мы еще исполнили. И «Лето» исполнили. А премьера «Метели» так и не состоялась. Нас попросту вышвырнули со сцены.

Для Тазикеновой тот смотр стал последней каплей терпения. Сначала ее голос, сдерживающий гнев, несся от судейского столика:

— Ну, хоть 4 балла поставьте... Хоть 3... Хотя бы за голос... Детдомовский ведь мальчишка... А с этими песнями я разберусь!

Потом она подошла ко мне:

— Сережа, что за ерунду вы спели? Есть столько хороших песен, задорных, пионерских. Почему вы только свое поете? Я ведь вас предупредила: все тексты мне на стол, на проверку. Не послушались... Теперь на себя пеняйте! Завтра на работу можете не приходите. Вы уволены.

Уволен так уволен! Я не шибко огорчился. Без работы, знал, не останусь: предложений о сотрудничестве было достаточно... Знал так же, что Шатунов, что бы ни случилось, не покинет меня...

Я полностью перебрался в ДК «Орбита». И с головой погрузился в организацию диско-клуба. Шатунов на лето уехал в свой Тюльган. Когда же начался учебный год, мне неожиданно позвонила из интерната № 2 замдиректора по культурно-массовой работе (кажется, такая у нее должность была) и сказала:

— Кузя, приходи... Снова поработаем... А кто старое помянет...

Я не стал ломаться. Чиркнул в своем блокнотике на память: «12.09.87 — Второй день рождения «ЛМ» — и отправился к Юрке Шатунову. От ставки в интернате я отказался и из ДК «Орбита» увольняться не стал. Решил, что так в интернате мне будет повольготнее.

Мы репетировали новые песни. Я по-прежнему проводил дискотеки

для ребяташек. И какое-то время Тазикенова меня не доставала. Относительно спокойный период длился аж до февраля 1988 года. А в феврале произошло два заметных для судьбы «ЛМ» события...

Во-первых, вышел первый наш с Юркой альбом (я об этом уже рассказывал). Он загулял по стране семимильными шагами и... словно стал катализатором разрушительной активности Валентины Николаевны, ее новых кавалерийских атак против меня. Если прежние тазикеновские претензии ко мне я мог еще как-то объяснить, то все, что сделала она после выхода альбома, моей логике неподвластно.

Меня обвинили, что я развращаю мальчика ранней славой... Что он зазнался... Нисколько! Юра попросту даже не осознавал, что случилось, что мы с ним натворили. Понимание того, что он значим, пришло к нему лишь в Москве, когда мы уже перебрались под крыло Разина. Но даже тогда это проявлялось не в звездной болезни, не в эгоизме, а в виде формальных требований того, что он действительно заслужил, заработал: компьютер, видак, мотоцикл.

Еще меня начали упрекать, что я использую Юру в коммерческой деятельности. Что зашибаю на нем бабки. Что мы с ним даем подпольные концерты. А мы вне стен интерната всего два раза выступали. Кроме злополучного смотра в честь Лукича, еще на одном таком же фестивале (этот-то фестиваль и стал вторым февральским событием)... Причем тогда я как раз был против, чтобы Юрку тревожили. Он перед этим умотал из интерната к своим родичам — а сбегал он чаще и чаще — и, повинувшись моде, захлестнувшей тогда инкубатор, смастерил себе поджиг. Стрелком оказался еще тем — и нечаянно прострелил себе руку. Правую, кажется. Приехал — а у него рука распухла.

Тазикенова напоминает:

— Не забудьте про фестиваль.

Я говорю:

— Какие выступления? Его в больницу нужно.

— Отработаете, потом в больницу. Только один уговор: сначала споете «Детство, детство...» Потом какую-нибудь советскую песню. А третье можете свою...

Кое-как с «благословения» директора отработали мы концерт. Спели, естественно, то, что посчитали нужным. Когда за кулисы ворвалась Тазикенова, я понял: все, точка, в интернат мне путь заказан... Но Валентина Николаевна была удивительно спокойна:

— Сережа, как ты не можешь понять, что это не какой-нибудь салон... Это же зал, где сидят дети, школьники...

Если бы я знал, как обманчиво это спокойствие!

Мы не стали дискутировать о различии светского салона и школьного зала. Поехали с Юркой в больницу. Там ему вытащили дробь, сделали промывание. (Из-за этого прострела, кстати, пошел слух, что Ю. Шатунов пытался покончить с собой. Кто-то в этом слухе уже нуждался...)

Вот такой у нас был концерт — «подпольный». А других не было, хотя приглашение сыпалось за приглашением... В те февральско-мартовские дни мне иногда казалось, что мою кассету с «Белыми розами» кооператоры из «Звукозаписи» обули в сапоги-скороходы (не одних же доверчивых авторов обувать!). ...С каждым днем все больше поклонников отиралось возле интерната. Там и местных-то во всю гоняли, чуть что — сразу милицию вызывают. А здесь такой наплыв, что одной оренбургской милицией его не погасить. Подростки слонялись под «инкубаторскими» окнами, чтобы хоть краем глаза посмотреть, что

В общем, заставили... Дубы же, господа... Последовательные поборники принципа: круглое носить, квадратное — катать...

Пошел я на распилку, в самый эпицентр адской «музыки». И стальной вой словно околдовал меня. Я оцепенело что-то пытался сделать, хватал какие-то бревна, куда-то их пристраивал и чувствовал, что адская «музыка» все сильнее леденит нутро. А потом раздался ее кульминационный аккорд — вж-ж-жих! — и я отстраненно увидел, что на желтые доски льется с моей левой руки кровь. Тупо посмотрел на руку. Диск циркулярки снес с двух пальцев подушки, на третьем разорвал сухожилия, последняя фаланга там не знаю на чем и держится.

Приехали...

«Доиграешься, Кузнецов!» — вспомнил я прозорливого начальника. Того, что мечтал озвучить свое мероприятие совковым гимном.

Доигрался...

Два пальца в госпитале мне кое-как «отреставрировали»... А третий так и остался с разорванными сухожилиями, с вывернутой в сторону фалангой. Хоршо, хоть совсем его не отрезали. А собирались...

Выйдя из госпитала, я понял, что крутым гитаристом мне уже не стать. Ни-ког-да! Струнные — теперь не про мою честь... Но ведь остались не менее любимые клавишные!

Пришел в клуб. Посмотрел на зачехленный аппарат. Барабаны на глаза попались. Это, думаю, уже на крайний случай...

Сел за клавишные. Подтянул рукава хэбэшки. Размял левую руку со следами швов. Ну, поехали. Либо пан, либо пропал... И заиграл «Старый лес», мысленно проговаривая слова:

Старый лес, мы ведь не понимали:

Лето не будет вечным,

Осень нас разлучит.

Старый лес... По полосе асфальта

Я покидаю место нашей любви.

А лес все молчит...

Ничего, получилось.

И спасибо тебе, мой Старый лес, что твой образ был в той песне, которая тогда, в пустом армейском клубе, вернула мне надежду.

Ты же знаешь, Старый лес, что без музыки мне не выжить. Мы же не раз об этом с тобой говорили, мой всепонимающий Старый лес...

4. Гроза

пригородных дач

Для подростков ли мои песни? Нет. Другое дело, что их слушают и подростки. Они оказались самыми верными и последовательными поклонниками. Но песни предназначены им в той же мере, в какой — и взрослым.

Песни я писал для всех. И слушали их все. По крайней мере тогда, когда «Ласковый май» был в зените.

Ни в одной стране мира не могло произойти того, что произошло у нас: какая-то провинциальная группа в считанные недели взлетела на эстрадный Олимп и заявила во всеуслышанье: «Здравствуйте, я — «Ласковый май»! Прошу любить и жаловать...»

И любил... И жаловали...

Почему? Может, действительно, как объясняют, сложились в Союзе некие предпосылки, и людям захотелось отвернуться от проблем, за-

общаться с уголком земли, который его окружает в данный момент. Иначе бы он понял, что деревья добры не только на родине, что травы ласковы на любом боку земного шарика... Не хватать на чужбине может только родных людей, друзей. Или того, что равнозначно им.

Старый лес был и остается для меня родственником и другом. Он стоит на реке Сакмара, это в черте Оренбурга. Собственно, это территория Дома отдыха. У меня там когда-то работала мама. Я, можно сказать, там и родился. С каждым деревом в этом лесу, с каждым муравейником, с каждым «громом, готовым упасть», у меня действительно кровная связь, без поэтических метафор. В Старом лесу у меня прошла большая часть детства. Точнее, не В лесу, а С лесом. Ведь Старый лес — член нашей семьи.

Мне не хватало его в армии. Как и мамы. И я болел тоской по этому неказистому местечку в Оренбуржье.

Чтобы образ Старого леса не тускнел, не забывался, чтобы он был постоянно со мной, я и написал:

В летнем парке кончился сезон,
И снимают на зиму плакаты.
И забудет старый желтый клен
Музыку, что слушал здесь когда-то.
Почернеет желтая листва,
Упадет на круг, где каждый вечер
Выходили мы потанцевать,
Думая, что лето будет вечно...

Эта песня, естественно, не обо мне. Я просто взял и показал лицо своего леса людям, не знакомым с ним. Зачем? А зачем иногда показывают малоизвестным людям фотографии своих близких?..

Как песня «Старый лес» стала «песней Андрея Разина» — это уже другая история. Я пока рассказываю о том варианте, который мы исполняли в городке, пропахшем химикатами и оружейной смазкой.

Весь репертуар «Контакта-730» мы даже умудрились записать. Запись, правда, получилась так себе, но она стала первой записью моих песен.

И чуть не последней.

Однажды на утреннем разводе мой командир скомандовал:

— Кузнецов — на распилку!

У нас за городком стояла пилаорама, и иногда солдатские наряды отправлялись туда, чтобы из кряжей заготовивать доски. Когда пилаораму включали, звук металла, грызущего дерево (совсем еще недавно — живое дерево!), разносился над городком. А с ним — шлепанье сырых, с гробовым запахом, досок. Мне хотелось куда-нибудь сбегать от этой ужаснейшей какофонии, заткнуть уши. Звук пилаорамы взбирался на несколько октав выше, и становилось еще невыносимей. Если ад существует и если там есть потребность в музыке, то звуки, изрыгаемые циркуляркой, как нельзя лучше подошли бы для услады сатанинских ушей. Слава богу, меня судьба и от этой музыки, и от этой работы до последнего времени оберегала. И вот:

— Кузнецов! На распилку...

Я взмолился:

— Я даже не представляю, с какой стороны к этой вашей системе подходить. Я ни разу на пилаораме не работал. Не дай бог, попаду под нее!.. Пальцы — мой хлеб.

— Не можешь — научим, — отрезал командир. — Не хочешь — поставим!

за птица такая — Юра Шатунов... Бедная Тазикинова! (Я все еще не подозревал, что оренбургскую милицию Валентина Николаевна собирается использовать вовсе не для разгона поклонников...).

Станным был тот месяц. И радостным, сладким, как переспелая черемуха. Тверко-дурманящим голову от мысли, что я на правильном пути, мои творческие принципы меня не подвели. И одновременно горьким, словно дым пожара. Тревожным.

Откуда веет дымом — я перестал сомневаться в последний день марта. По весне Шатунова все труднее было усадить за парту, его побег из интерната становился все продолжительнее. Все это незадолго было связано с «Ласковым маем». 31 марта я появился в «инкубаторе» и услышал от Тазикиновой:

— Чеши отсюда, Кузнецов! Я сделаю все возможное, чтобы вы с Шатуновым не работали вместе.

Но я еще надеялся, что «Ласковый май» не погиб. Что одумается Валентина Николаевна... Надеялся, что какие-то шаги навстречу будет делать Юрка, оттуда, изнутри интернатского бастиона. Под эту глупую свою надежду я даже принял два приглашения выступить с концертами. Из толп зывал выбрал тех, кто предлагал альтруистические варианты. Во-первых, дал согласие на проведение дискотеки в ДК «Россия». Прельстило, что сборы пойдут в Детский фонд (я тогда еще верил, что деньги оттуда попадают действительно обедленным судьбой детям). Заранее написал заявление, кому адресую всю выручку. Но дискотеку запретили. Постаралась Валентина Николаевна.

Второе приглашение, на которое я делал свою ставку — приглашение в ДК «Дружба». Там проходила тусовка местных групп и Сереги Сарычева из «Альфы». Сборы от этой тусовки планировалось направить на строительство в Оренбурге памятника воинам-интернационалистам. Но перед самым началом концертов их организаторам позвонили из горисполкома и категорически запретили выступление «Ласкового мая», таинственно-зловеще намекнув для остротки, что Кузнецовым, мол, кое-кто интересуется... Я как-то тогда не вник, почему горисполком ввязался в эту историю. Просто не хотел вникать, хотел работать. И по-прежнему надеяться, что Шатунов тоже хочет работать. Со мной.

Глупый Кузя! Какими смешными кажутся мне сейчас эти надежды.

Увы, тогда я не смог подметить смену шатуновского настроения. А мог бы... События давали мне блестящую подсказку.

Однажды я по старой памяти заглянул в интернат, а там телевидение. Операторы уже зачехляют свои камеры. Оказывается, весть о «Ласковом мае» докатилась и до неповоротливых оренбургских телевизионщиков. Письма к ним косяком полетели, как птички стаи на юг. Вот они и настрожились: что за феномен такой — прет квашней из кастрюли. И решили сделать передачу. Позвонили в интернат. Директор на запись согласилась, но поставила одно условие: только Кузю не снимать! Ни-ни! Вот телевизионщики и нагрянули в детдом. Сначала записали множество бесед со случайными прохожими: как они относятся к «Ласковому маю». Ответы, в основном, были положительными, и у молодых людей, и у пожилых. Потом задали несколько вопросов Шатунову. А после этого попросили Юрку спеть что-нибудь под гитару. И этот друг замочил им Леонтьева: «И вновь... что-то там тако-ое... ма-ач-ты выплывают...»

Самого Юрку на съемочной площадке не застал, но когда мне рассказали, как он классно подменил Валерия Леонтьева, у меня в глазах потемнело.

Это же безобразие. Безликость. Это страшное обезличивание себя — деть чужие песни. Уйти от своего репертуара — это себя опустить и унижить в глазах многих. Не захотел мою песню петь — не надо. Не в этом дело. Все равно какая-то индивидуальность должна была проявиться в выборе песни. «Мачты выплывают!».. Индивидуальность уплывает, а не какие-то странные мачты!!!

Я спешно позвонил на телевидение. Не надо, говорю, ребята, эту песню показывать. Вы просто обезличиваете и его, и меня. Ему-то, в первую очередь, медвежью услугу оказываете.

Мне ответили: «Кузнецов, ты портишь ребенка. Не вмешивайся, не трогай его». Вот таким образом посоветовали. А передача вышла. С информацией, что я ушел из интерната. Что такой-то и такой-то я. Что хоть и преподаю писать песенки, но понял, что не мое дело воспитывать детей.

А я и вправду понял, что не мое это дело.

Кстати, оказалось, что та передача сохранилась в записи, и совсем недавно ее прокрутили по общесоюзной программе. По областному-то ТВ — ладно, вышла ну и вышла, это было два года назад, но сейчас-то зачем эту лажу?.. (И это после того, как мы с ними сотрудничали; уже группой «Мама», «фанеры» делали, музыкальные заставки бесплатно...) Я написал им письмо через областную молодежку, что все это нехорошо... А они также через газету мне ответили. Не помню их формулировок, но короче — они правы.

Повтор этой передачи довольно-таки болезненно резанул по мне. Потому что вспомнились, отчетливо и остро, события двухлетней давности. Вспомнился первый эфир этой передачи, по-новому осветилась Юркина измена своему репертуару и слова телевизионщиков о том, что я порчу ребенка. И условие Тазикеновой о моем неучастии в телепрограмме. Оказывается, все, что Валентина Николаевна делала в отношении меня до этого, было второстепенным, побочным. Все это были щепки от того леса, к которому она втайне примеривалась с топором. Валентина Николаевна готовилась к главному удару. Такому, чтобы одним взмахом снести и «Старый лес», и «Белые розы». Сровнять до фундамента «Чужой город», а «Метель» над ним смешать с «Летом», наслать на «Цветы» «Вечер холодной зимы».

Чтобы избавить подростка Юру Шатунова от моего дурного влияния, она решила, что выгнать меня из интерната — полдела, что надо покончить и со мной, и с добрым именем «Ласкового мая» раз и навсегда.

В апреле 1988 года наступательные позиции Валентины Николаевны были обеспечены — и она нанесла единственный, но решительный удар. Должный стать бесповоротно победным.

За несколько месяцев до этого в интернате случилась кража. Украли один «конец» — поганенький усилитель «Эско» — и цветомузыку, суммарно — рублей на 150—200... Я первым обнаружил пропажу. Пришел в свою комнату, а окно разбито, и кой-какого аппарата нету. Я заявил в местную полицию, спустя несколько часов они приехали, сняли отпечатки, что-то там поколдовали и умчались восвояси. Искали, искали ворюшку — так ничего и не нашли. На этом дело и заглохло. Казалось бы...

Но когда понадобилось растоптать меня, историю с пропажей аппаратуры бережно вспомнили. Как-то прихожу у домой, а у меня обыск. Обстоятельный, пугающий, напоминающий о 37-м годе. Объясняют мне: ищем ту самую аппаратуру. И странно ищут-то... «Конец», усилитель то есть, предмет достаточно объемный, а шмонают такие закоулки, куда

Создавая свою группу, мы совсем забыли о важнейших солдатских правилах: «Не высовывайся! Подальше от начальства — поближе к кухне!» Хотя, как я уже говорил, начальства в нашей части было едва ли не больше солдат, и избежать их пристального внимания все равно бы не удалось.

Однажды после танцев кто-то из офицеров взобрался на сцену, понаблюдав, как мы зачехляем аппаратуру, стараясь не занозить рук, и скомандовал:

— Так, друзья... Тут через неделю намечается одно мероприятие. Нужно, чтобы вы подготовили к нему Гимн Союза Советских Социалистических Республик.

Вот так-то... Не более, не менее. Нужен им гимн «совка» — и хоть расшибись, но сделай гимн.

Начали объяснять:

— С нашим инструментом только гимн потенциальных врагов Отечества играть... Чтобы разом весь патриотизм в них изничтожить... Что называется: музыкой по неприятелю!..

Но разве что докажешь? Советские командиры — самые лучшие командиры в мире. Они разбираются во всем, и в музыке в том числе.

Офицер настаивает:

— Ничего, и наш Гимн сыграете. Я ваши танцульки послушал, немножечко прикинул, и вижу: прозвучит Гимн...

— Да вы что? В этом стиле, в попсовом, только похоронки играть. Да и то если покойник сам к аппарату пожалует, чтобы технику никуда не таскать — развалится ведь... Не будем мы Гимна делать! — Издеваетесь? — злится командир. — Ну, смотрите, доиграетесь..

Еще вспомните меня!

...Немного забегаю вперед, к ЧП на пилораме, я скажу, что действительно вспомнил и теперь неоднократно вспоминаю и тот разговор, и того офицера. Нет, ни в коей мере не виною я его в случившемся. Может, в том случае и не он виноват. Но знаю, если не его угроза («Доиграешься!») настигла меня тогда, то значит, его угроза еще несется ко мне, петляя во времени и пространстве, и когда-нибудь-таки настигнет. Потому что нет ничего случайного в нашем взаимосвязанном мире. Любая недружественность, даже словесная, — угроза ли то, оскорбление, просто злое слово — обязательно находит адресата и доставляет ему боль. Поэтому, кстати, в этих своих заметках я стараюсь быть осторожным, сдержанным, объективным, а если вдруг какое-то злое слово нечаянно вырвется с моей стороны, то я хочу заранее нейтрализовать его извинением (в химзашите все-таки служил, учился обороняться, а не нападать).

Песню про «Союз нерушимый республик свободных...» мы в свой репертуар включать не стали. Мы, как и договаривались с ребятами, пели только свои песни.

Жизнь не может напрягать человека постоянно. Среди 730 дней «контакта» с армией были у меня дни светлые, чистые и добрые. Но даже из этих дней больше всего помнятся сейчас те, когда я писал первые свои песни. Впрочем, песни я писал не днем, а ночью, потому что свободное время у солдата, как известно, по ночам.

В армии появились «Маскарад», «Вечер холодной зимы», «Встрени». И «Старый лес» впервые прозвучал в армейском клубе.

Последняя песня родилась, может быть, от ностальгии по Оренбургу. В принципе, я не патриот своей малой Родины. Мне кажется, что если человек кричит: «Ностальгия!» — и рвется туда, где когда-то родился и жил, — такой человек никогда не пытался мысленно по-

скали — вот и «обрамили» его старыми досками. И смешно, и стыдно... Не за нас стыдно, за космическую державу.

Состав группы по тем условиям получился простеньким. Много надо ли было? Бас-гитарист. Лидер-гитара. Барабаны, живые. Вокал. Ну, и я — на клавишных (брат в руки гитару посчитал преждевременным).

Прежде чем начать репетиции, я ребятам предложил:

— Давайте петь только свои песни. А то хана! В серости потонем. Конечно, и свое может серым оказаться, но лучше уж в своем барахтаться...

Ребята посмеялись. Согласились. Своих заморочек насчет того, какими должны быть песни, что я в них хочу вложить — никому навязывать не стал. Зачем?

Тактико-стратегическим направлением выбрали, конечно, попу. Плацдарм для действий нашей солдатской группы определили тоже по-армейски просто: клуб в жилом городке при части. А название для группы всплыло такое — не дать не взять, прямо позывные боевых учений: «Контакт-730». Никаких секретов в цифре «730» нет, каждого служивого, думаю, она повергнет в неопишуемый трепет и напечалит о семистах тридцати днях, о двух годах надоедливой службы.

И начались наши боевые гастроли. Устраивали в клубе танцульки, развлекали товарищей по службе, офицерских дочерей и жен.

Конечно, все, что мы тогда делали, было до ужаса примитивным. Но на безрыбье и рак рыба. Ребятам нравилось. Даже кое-какая популярность у нас появилась.

Кстати, тогда я впервые почувствовал, что популярность может доставлять не только радость, но и неприятности, и не в меньшей мере.

«Однажды меня поманил к себе пальцем мир огнюдь не музыкальных звуков — армия...»

и батарейку от фонарика не втиснешь. Не знаю, чего уж они там искали... Потом мне друзья объяснили, что по городу пошли базары, будто я балуюсь наркотиками. Может, склад марихуаны мечтали обнаружить? Поискали, попытали (не физически, слава богу) — и ушли.

Потом вызвали в милицию. Про кражу — ни слова. Про наркотики — ни слова. Новая тема наших доблестных стражей порядка заинтересовала. Следователь забросал меня вопросами, где я торговал кассетами с первым альбомом? Через кого торговал? Куда спустил бешеную прибыль? В общем, пытались раскрутить, правда ли, что я продал нашу с Юркой работу за 25 тысяч.

— Нет, — говорю, — неправда. Я отдал кассету в «Звукозапись» и получил за это чисто символически. Ровно столько, что хватило купить двое часов. Одни — себе, другие — Юре Шатунову.

На прощание следователь мне сказал:

— Дешевое у тебя творчество, Кузнецов!

Я лишь плечами пожал, потому что ни фига не понял: то ли это оценка моего творчества, то ли индульгенция, отпущение всех грехов: мол, действительно, Кузнецов, на 25 тысяч рублей твой альбом ну никак не тянет, не виноват ты, батенька...

Вот. Дело против меня скисло, как молоко на солнце. Победоносный удар, на который так рассчитывали директор интерната и примкнувшие к ней дамы из отдела культуры горисполкома, не удался. Не женских рук это дело. Но каково же было мое удивление, когда я узнал, что «ДЕЛЮ» действительно не женских рук. А рук... Юрочки.

Не знаю, чем уж они его так сильно загрузили, но Юра согласился написать заявление на меня. И написал, что видел украденный из интерната аппарат у меня, на новой моей работе. И много другого написал, как это ни парадоксально. Чем его загрузили, что он буквально в считанные минуты переменялся, так и осталось тайной. В эти подробности я не вдавался.

Я просто вдавался в работу. В клавиатуру инструмента. В белые листы бумаги. И хотя я никогда не пытался и не пытаюсь в песнях и стихах передавать факты своей биографии — дело это дохлое, — но текст, соскользнувший однажды с пера, слегка напомнил мне обыск в моей квартире, допросы, слухи обо мне, загулявшие по Оренбургу. Напомнил слегка. Стихи все-таки не о Юре. Потому что предательство на земле было, есть и будет, и важнее подготовиться к возможной боли быть преданным. Хоть в стихах подготовиться. Вообразить себе эту боль — и пусть она, как противогриппозная прививка, чуть-чуть смягчит боль реальную, если та вдруг настигнет меня, тебя, всех нас... Увы, предательства избежали немногие.

Ты собираешься в обратный путь —

И у костра останусь я один.

Ну что ж, иди,

А мне не повернуть,

Я не хочу сойти на полпути.

Как жаль, что выбрал именно тебя себе в друзья,

В хранителя всех тайн...

Но не держать же мне тебя в цепях...

Иди обратно, и болтай, болтай...

Не думай, я не буду проклинать тебя,

Твои фальшивые черты.

Прекрасно, что есть свойство забывать.

И дай мне бог, не стать таким, как ты!

В милицию меня больше не вызывали. Валентина Николаевна

Тазикенова приуспокоилась. Юра Шатунов, случайно попавший мне на глаза, сказал, что больше работать со мной не будет. И если бы Саша Ларионов появился на моем пути раньше и подарил бы свою замечательную фразу, то все происшедшее я оценил бы с олимпийским спокойствием:

— ЖАЛКО ТАК...

Жалко, что 31 марта 1988 года мой «Ласковый май» распался во второй раз. Как оказалось — теперь уже навсегда...

8. Лево руля?..

Нет, курс прежний!

В мае 1988 года ко мне прицепилась Оренбургская филармония: — У нас по области идет фестиваль «Русское поле». Давай, Кузя, мы твой «Ласковый май» на гастроли запустим.

— А нету больше, — отвечаю, — «Ласкового мая». И Шатунов мне теперь как-то до фени.

— Слышали, слышали... — бодренько заявляет представитель филармонии. — Ничего, музыканты ругаются — только тешатся. Мы все организуем. И Шатунова из интерната отпросим. И директрису к порядку призовем. В этом фестивале заинтересован сам облисполком. Кстати, заодно и песни твои зарегистрируем там. Чтоб не выглядели они бесхозной добычей.

По поводу «добычи» я внутренне ухмыльнулся. По тем временам регистрация песенного материала была формой цензуры. Если Тазикенова простодушно предлагала «все тексты на стол на проверку», то научно-методический центр (или как там эта «бенкендорфщина» называется?) при отделе культуры облисполкома действовал тоньше: делал видимость заботы об авторском праве. И никаких гастролей без подобной «заботы» быть не могло...

Я пожал плечами: попробуйте...

С регистрацией моих песен все прошло гладко. 20 мая Оренбургский облисполком зарегистрировал (читай: «отцензурировал») «11 именованных».

А вот с Шатуновым вышла осечка. Обескураженный «филармонист», как школьник, отчитанный за непослушание, развел руками: «Шатунова директор не отпускает...» Потом он вновь обрел былую уверенность:

— Ничего. Давай Пахомова запустим... Тоже верная «касса»...

Я подумал и согласился. За несколько дней до этого мы с Костей раздали по «Звукозаписям» (не отказывался уже никто!) новый альбом, в его исполнении. Гастроли могли послужить рекламой этому альбому. А главное, могли подсказать: существовать ли новому «Ласковому маю». Так о му.

...Костя появился у нас после того, как мы с Шатуновым «раскрутили» первый альбом. Пришел — и сразу быка за рога:

— Хочу петь...

Я его прослушал, вроде все нормально. Слышит хорошо. Голосом владеет неплохо, голос хороший, чистый. Но я сразу понял: это не «мой» голос, мне такой не нужен. Однако, поскольку у нас мертвым грузом лежало несколько песен, которые не подходили Юре, я решил записать их с Костей. Подошел к Шатунову:

— Юрий Васильевич, как ты, если я с Пахомовым запишу то, что тебе нежестко?..

жужжащим аппаратом, вскарабкиваются по куполу, дрожат в зените, скатываются к ногам, а тысячи мальчишек и девчонок, зажав дыхание и задрвав головы, следят за их движением и комкают в потных ладонках билеты, не подозревая, что в настоящий мир никакого билета не надо. Он рядом. Стоит лишь опустить голову и оглянуться.

3. У циркулярки

звук немзыкальный

Мир музыки, мир гармоничных звуков притягивал меня все больше и больше.

В двенадцать лет гитара в моих руках была, как и для многих подростков, всего лишь способом самоутверждения. Но после реанимации, после перенесенной операции, после щелчка, который неожиданно сделал меня восприимчивым к красоте мира, к его гармонии, — после всего этого я вдруг почувствовал, что мои пальцы могут извлекать из струн не только заунывные «Колокола» или приблатненного «Цыпленка жареного...», но и что-то свое... Иногда сочетания случайных аккордов разносились по нашей двухкомнатной квартире — стены словно растворялись, и, казалось, цветущие тополя, ноготки на неухоженной клумбе, все-все живое вокруг негромко резонирует с этими случайными звуками. А иные аккорды — такие же случайные, неумелые — вдруг оказывались заменой слов, которые я в то время не релася произносить вслух, слов о том, что весь мир — живой, что самое большое счастье — это не идиотская пятерка в дневнике, не победа в какой-нибудь бессмысленной драке, а вот это ошущение родства всех всему. Счастье — если ты вовремя заметил под занесенной ногой божью коровку и шагнул чуть шире, чтобы не наступить на нее.

Однако случайные звуки редко складывались так, что удавалось с их помощью хоть чуточку выразить себя. Чаще всего они сбивались на того же «Цыпленка жареного...» Требовались знания, навыки. Нужно было осваивать технику игры. Я обложился самоучителями. Я терзал гитару, сбивая пальцы до крови. Я всерьез занялся техникой игры.

Потом пришла повестка из военкомата. Меня требовательно поменял к себе пальцем мир отнюдь не музыкальных звуков, мир отрывистых команд, автоматных очередей, лязганья танковых траков. Я безропотно подчинялся этому миру, слегка надеясь, что мои музыкальные навыки пригодятся и там.

Служил в Саратовской области. В одном поселочке недалеко от областного центра. В войсках химзащиты. Часть наша оказалась маленькой: на тридцать солдат — чуть ли не пятьдесят офицеров. Заниматься приходилось многим: обучались приемам дегазации, разливали продукт, загружали-разгружали вагоны со всяким химическим дерьмом. И первое время, конечно, было не до музыки.

Но позже, когда свободных минут чуть поприбавилось, мы с ребятами решили сколотить свою группу.

Худо-бедно, но в клубе оказался кое-какой старый аппарат. Начальство разрешило им пользоваться. А акустику мы сделали сами. Попросили доски...

— Вои, — говорят, — у забора какое-то гнилье валяется. Берите, пользуйтесь на здоровье.

Мы собрали эти ненужные доски, сколотили из них колонки, а чем их начиняли — смешно сказать... 25-ватный КИНАповский динамик оты-

тебе понравилось, где — ненасилие и родство душ, то ты, с забинтованными-то глазами, останешься нигде. Тебя не будет.

Когда я вышел из больницы, с удивлением обнаружил, почувствовал, что мир, который я там открыл, существует. Глаза видят одно, а душа — другое. Идиотская оболочка подчиняется чему попало — то светوفору, то окрику класной руководительницы, то виду рыжего апельсина... А душа — лишь некоему одному, кто больше нас, мудрее нас и кто просит от нас лишь одного — родства душ.

После больницы я перестал ходить в планетарий. Мне гораздо интересней стало то, что вокруг нас, среди нас, в нас, — а не на далеких звездах. Что обращать внимание на звезды? Чего искать там? Инопланетян? Параллельные миры? Но параллельный мир — он рядышком. На звездах я поставил крест. И крыши тоже забросил. С крыш не различить расторопного муравья, красок на травяном листике, мост — соломинку через крохотную трещину в земле. Да и огромные деревья не хотят обращать на тебя внимания, если ты — среди звезд. И выше людей мне быть расхотелось.

Возненавидел я и зоопарки со звериными цирками. В том, как дети и взрослые радуются мишке на канате, мне вдруг увиделась патология. Чему радоваться?! Насилию над зверем?! Не должен этот зверь заниматься какой-то ерундой, абсолютно бесполезной для него. Не должен после выступления возвращаться в противную, вонючую клетку и гусоваться там на соломе.

Ни в зоопарк, ни в планетарий больше я не ходил. Принципиально. Случайно найденный мною стерженек-детонатор взорвал все мои представления о мире.

А в 13 лет я пошел работать. И одновременно продолжал учиться. В то время официально работать в этом возрасте было запрещено, но мама мне помогала. Она тогда была директором Дома отдыха и каким-то образом приткнула меня рядом. Я там киношки покручивал. Сколько зарабатывал? О, много — целую кучу. 42 рубля 50 копеек в месяц. Деньги я приносил домой, отдавал мамке, потому что у нас всегда была проблема с деньгами. Что она там получала? — 160 рублей... Надо было на что-то жить.

А музыка втягивала меня больше и больше. Все увереннее бацал на гитаре. Потом к фоно подобрался. Мелодию хорошую где-нибудь услышишь — пытаешься ее подобрать. В 18 лет дернулся в музыкальное училище, но вовремя понял, что это такое, и, слава богу, ушел.

Взрыв детонатора, больница, плотная повязка на глазах и беспросветная мгла вне времени и пространства то забывались, то вновь всплывали в памяти. Моя космогония, мои представления о мире и душе то путались, схлестнувшись с догматическими истинами из школьных учебников, которые я зубрил под выпускные экзамены, то снова становились стройными и ясными, шлифовались потихонечку, когда я подыскивал для них слова. Но главное, они, эти представления о порядке в мире, уже жили во мне в виде чувства... Непонятного. Неведомого. Незнаваемого. Хотя пройдет еще много лет, когда я пойму, что это чувство во мне — самое главное и что все мои песни должны быть им согреты. Еще поймется, что душа есть и во времен года. И если уж мечтать о ненасилии и о родстве душ, то надо жить так, чтобы каждый май был для тебя ЛАСКОВЫМ.

Кстати, еще раз о «звездах». Иногда мне кажется, что наш эстрадный мир — это большой, большой планетарий. «Звезды», рожденные

Он:

— Валяй!

Так начал складываться Костин репертуар. В него вошли песни «Вечер холодной зимы», «Что ж ты, лето», «Цветы»... Потом, уже специально для Кости, я написал «Встречу», «Самый первый полет»... (Позже я сдуру переписал их Разину. В чем вина полностью моя...) С этим репертуаром мы и двинули по области.

Работали мы на этих гастролях концертов 50. По 2, по 3 на день. И получали «бешеные» деньги — аж по 5,50 с концерта! Приезжаем с Костей на стадион — давай аппаратуру разгружать. Разгрузили, отыграли. Давай ее в автобус затаскивать. Перебираемся к местному Дворцу культуры... Там тоже самое. Разгрузили — отыграли — погрузили. А впереди еще третья площадка... И это все за несчастные гроши. Поэтому, наверное, ничем хорошим те первые гастроли не запомнились. Хотя принимали нас неплохо. Аплодисменты, цветы, поклонницы.

Знаки зрительского внимания Костя принимал без тени смущения. От этого мне было неловко. Я-то знал, что все это не для него. В действительности все это предназначалось Шатунову. Потому как шли на него. Потому что слышали первый альбом. Хотя... первые гастроли... У любого может голова от успеха закружиться... Не только у шестнадцатилетнего паренка, каким был тогда Константин.

Я все больше и больше поражаюсь разнице между Юркой и Костей. Шатунов бешеный. Иногда в шутку я грубовато называл его «клок бешеной плоти». Редко бывало, чтобы его выход на сцену обходился без маленьких происшествий. То о колонку споткнется — опрокинет ее. То за какой-нибудь провод зацепится — провод отключится. То микрофон уронит.

Пахомов же был уравновешенным мальчиком. Несколько самолюбивым. Очень начитанным. Он не курил и категорически выступал против алкоголя (кажется, до сих пор этими вещами не балуется). Конечно, в обыденной жизни такой букет достоинств только украшает человека. Но на эстраде, на мой взгляд, нужен бунтарь. По крайней мере, мне нужен был бунтарь... Я видел, что у Пахомова собственная музыкальная стезя. И он обязательно найдет ее, если ему чуточку помочь, поддержать его.

Обо всем об этом — о его будущем, о музыке, эстрадной и классической, мы говорили с Костей в редкие минуты отдыха между концертами. Оказалось, он не любит дискотни, не поклонник попсовых дел. Его влекла серьезная музыка. Возможно ли было с Шатуновым подискутировать о классике?... Да он бы через две секунды уснул!.. Косте же было интересно, кто из Великих у меня в кумирах. И я рассказывал ему, почему люблю Антонио Вивальди, почему у Людвигу Ивановича Бетховена мне нравится только 14-я и почему ненавижу Прокофьева и Скрябина.

— Потому что атональны? — догадывался Костя, и это был вопрос не мальчика, но мужа.

Еще в своих заумных беседах мы касались астральных вопросов. Но на откровения все же я с Костей не шел. Они ему были не нужны. Он был самодостаточен.

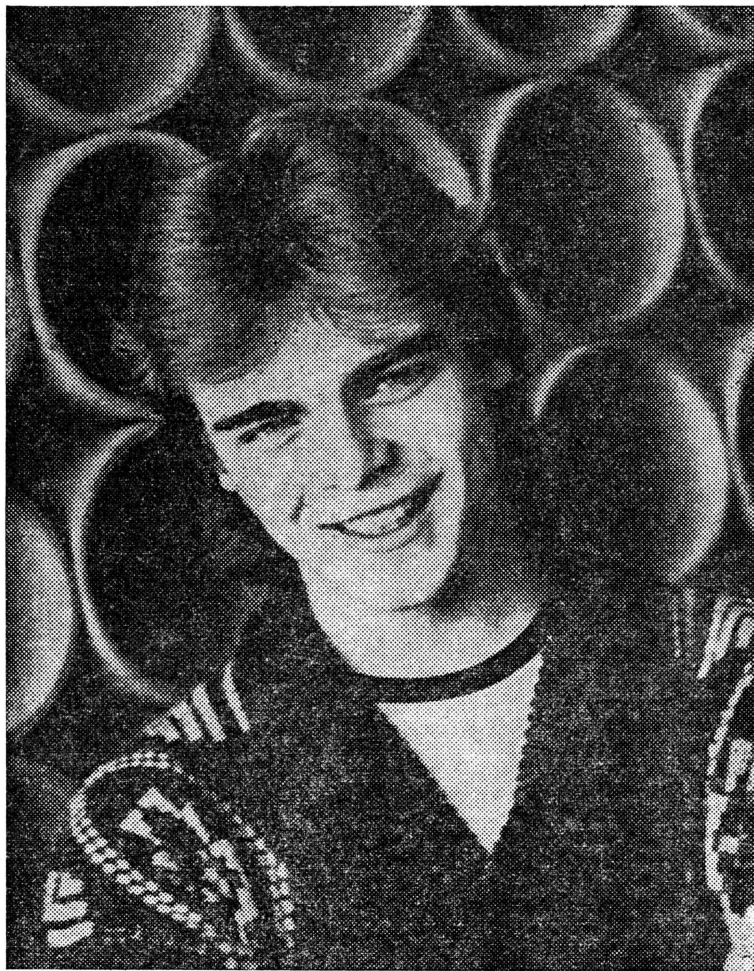
Пахомовское отношение к попсе изменил, возможно, один эпизод, который случился почти к концу гастролей.

Как-то после концерта ко мне подлетел один мужик:

— Ты Кузнецов?

— Я.

— Тогда — спасибо. Твоя музыка мне жизнь спасла.

«Пахомов был уравновешенным мальчиком...»

Фото В. Долганина

Но я знаю свою маленькую особенность, свою маленькую тайну, которая позволяет песням выживать. Есть во мне одно чувство — оно заполняет не определенную часть души, а всего меня, оно затягивает все возможные пустоты.

Я не знаю, как это чувство величают. Возможно, именно оно — то самое неуловимое Шестое... Но я знаю, когда, как и при каких обстоятельствах оно во мне родилось.

Однажды в детстве, как раз в пятом классе, я нашел где-то маленький стерженечек. Думаю, что же это такое... Конденсатор, наверное... Надо бы подзарядить! В 220 побоялся его включить, решил в радиосеть...

Включил.

Он как шарахнет...

И все осколки-то от него в меня полетели.

Если я иногда буду оговариваться и подпускать в текст красивую фразу «в глазах потемнело», — не верьте. В глазах у меня потемнело единственный раз в жизни. В тот раз.

Потемнело.

Почернело.

Померкло.

Потому что осколки полетели не столько в меня, сколько в мои глаза.

Оказалось, что «подзарядил» я не конденсатор, а детонатор. Для его срабатывания достаточно полтора вольта, а в радио — там поболее. Вот и сработало.

Отвезли меня в реанимацию. Кто вез, как везли и что со мной в реанимации делали — я, естественно, не помню.

Пробыл я там несколько часов. По ту сторону...

Реанимация, она меняет людей. И вышел, вернее — вывезли меня оттуда совсем другим человеком. Я даже не могу объяснить, что произошло. Что-то ЩЕЛКНУЛО, заклинило. В отношении психики. После этого как-то изменились взгляды.

Конечно, тогда я этих перемен в себе не сразу заметил. Да и слов таких еще не знал, какими те перемены можно было бы обозначить. Но что-то во мне происходило. Происходило...

В больнице я пробыл два месяца. Полтора из них мне не разрешали вставать. Только на спине. С завязанными глазами. (У меня на глазах была операция. Сейчас правый глаз почти ничего не видит.)

Лежишь в беспросветной мгле час, другой, третий... День, другой, третий... Неделю, другую, третью... Боль. Скука. Одиночество (маме не разрешали в больнице дежурить). И начинаешь думать. Нет, не думать... В 12 лет много не надумаешь. Начинаешь чувствовать, что все, что вокруг тебя — это живое, живущее, думающее. Собака, которая залаяла под больничным окном — это не просто собака. У нее есть душа. Дерево, постучавшее зачем-то в стекло, — не просто дерево... И надо понять, почему оно легонечко прошло веточкой по стеклу. Даже у клочка земли, даже у реки — у всего этого есть душа.

Лежишь в больничной палате и чувствуешь, что нельзя забывать своего внезапного открытия. Иначе случится беда. Иначе тебя больше не пустят в тот мир, который открылся тебе, когда ты лежал на жесткой горизонтали и не видел ни света, ни окружающих стен, ни своей брэнной идиотской оболочки. Страшно не попасть больше в этот мир. Повязку с глаз снимут еще не скоро, и если некто могущественный распорядился не пускать тебя туда, где ты только что побывал, где

испытал, и если повезет — оно не раз еще может пригодиться... Была у меня в детстве и первая любовь. Правда, неразделенная. Но это тоже ничего не значит. Потому что, какая ни случилась, но любовь пришла вовремя.

Чувства, вынесенные из детства, — это эталон, который не оставляет нас никогда. Поэтому здорово, что в детстве у меня почти все было «как у людей»: смех и слезы, уныние и оптимизм, тревога и беспечность. Иначе не было бы и моих песен, понятных каждому.

Кстати, я бы не хотел, чтобы путали чувства и переживания. Переживания по поводу реальных событий и лиц, с их конкретикой, деталями, с их неуниверсальностью.

Я никогда не пишу о себе. Ничего не заимствую из своих эмоциональных будней. Своих переживаний я в песни не впускаю. Если ты испытал какое-то житейское волнение и хочешь написать об этом песню — песня не получится. Чем острее ты пытаешься эти переживания выразить — тем примитивнее они выглядят. К сожалению, многие авторы этого не понимают.

Мои песни рождаются от чужих переживаний. Чаще всего — детских. И от моих чувств.

Каждая песня сама ищет, через какой уголок души ей просочиться в свет: там, где грусть, или там, где радость, там, где любовь, или там, где ненависть...

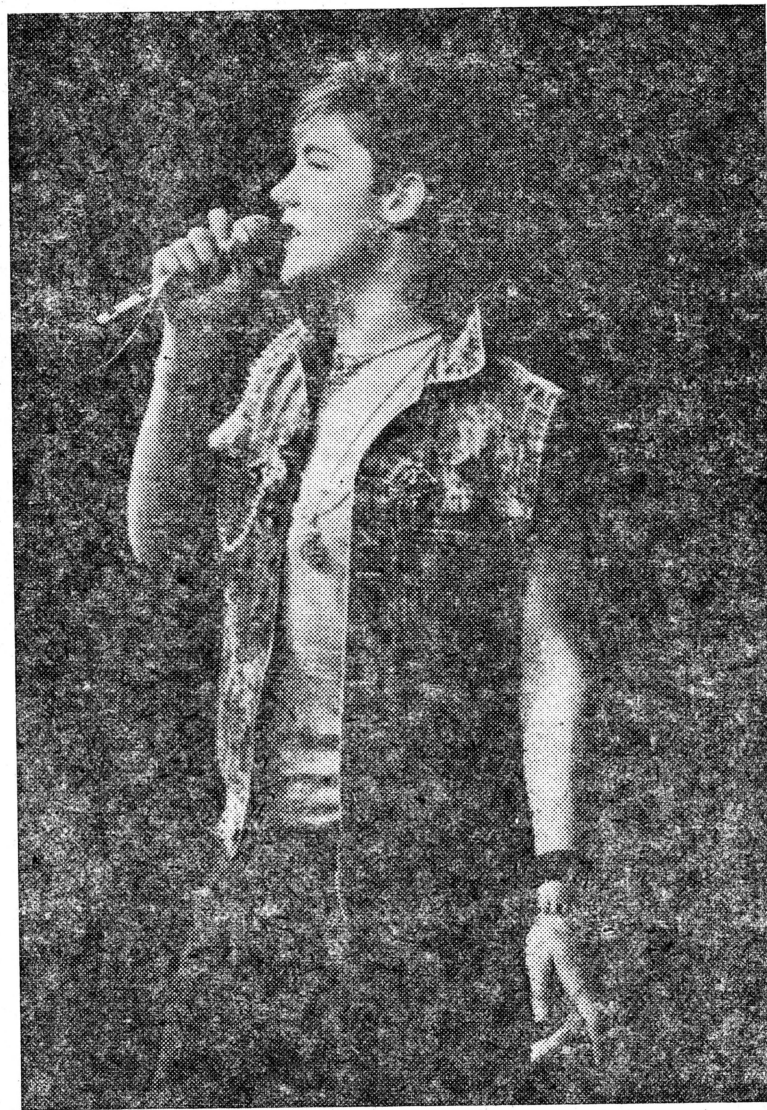
Главное для песни — пустоты не встретить на своем пути в мир. От пустоты песня погибает.

Горе тому, в ком умирает песня.

Дохлае дело, пытаться оценить свою душу. Наверняка и у меня в душе есть бреши, столкнувшись с которыми песни погибли бы.

«В детстве у меня было все — смех и слезы, уныние и оптимизм, тревога и беспечность...»

«Иногда в шутку я грубовато называл Шатунова: «клок бешеной плоти...»

Оказалось, что он в степи напоролся на острый предмет и проткнул себе печень. Ситуация была критической, и в какой-то маленькой больничке, то ли под Новосергеевкой, то ли еще под каким-то районным поселком — уж не помню, решились на операцию. Условий для общего наркоза там не оказалось, и сложное хирургическое вмешательство пришлось делать под местным обезболиванием. А чтобы отвлечь бедолагу от собственных внутренностей, ему врубили «Белые розы».

Костя молча слушал эту историю, а я радовался, что у него хватает такта не спрашивать, давно ли это было и под чью запись шла операция, под шатуновскую или его, пахомовскую...

После гастролей я решил, что еще какое-то время можно поработать с Костей. Это укоротит его дорогу к собственной цели. Мне же поможет заполнить мучительную паузу, которая возникла из-за поиска нового солиста.

Пуда соли во время фестиваля «Русское поле» мы с Костей не съели. Огня и воды не прошли. Медных труб — тоже (не в духовом оркестре гастролеровали). Но изматывающий график работы, обессиляющие погрузки — разгрузки аппарата — это все выдержали. И Костя оказался надежным коллегой.

Между тем Оренбург, его культуртрегерская верхушка, переживали глубокий шок: к ним приехал ревизор... то бишь Андрей Разин. Он обставил свой приезд по классической гоголевской схеме, известной еще из знаменитого «Ревизора», и оренбургское чиновничество повело себя так же классически, в духе провинциального трепетания перед могущественным «центром». О том, как развивалась эта комедия, рассказано немало, в том числе и самим Разиным. Мне трудно здесь что-либо добавить, поскольку свидетелем этих события я не был. Все происходило без меня.

Разин появился у меня дома к концу своей «инспекционной» поездки. Предложил с ним завязаться. Я тут же согласился. Оренбургская атмосфера, сложившаяся к тому времени вокруг меня, ничего хорошего не сулила. Разин же обещал золотые горы. Конечно, узнай я своевременно некоторые факты, связанные с разинским приездом в Оренбург, я бы насторожился. Но эти факты всплыли гораздо позже. Выяснилось, в частности, что отношение Андрея ко мне было вовсе не таким однозначным, каким он его представил, явившись ко мне домой. То ли он сомневался, не помешаю ли я ему в «новом» деле... То ли вел какую-то свою игру... По крайней мере, когда он посетил редакцию областной молодежи, то на эпитеты в мой адрес не скупился. Вячеслав Моисеев, сотрудник газеты, вспоминает об этом так:

«Однажды жарким летним днем в мой кабинет вошли двое — директор областного научно-методического центра А. И. Рублев и неизвестный мне худощавый молодой парень среднего роста.

— Вот, — сказал Алексей Иванович, — товарищ из Москвы. Хочет с вами поговорить.

Парень предъявил командировочное удостоверение на бланке, Министерства культуры, а также корочки, в коих значилось, что податель сего Разин А. А. работает в студии «Рекорд» опять-таки при Министерстве культуры...

...Андрей Разин принялся ругать нашу редакцию за то, что мы осмелились напечатать статью о «Ласковом мае» без согласования с директором школы-интерната № 2 В. Н. Тазикиной. Много интересного узнал я в тот день от товарища Разина — и что мальчик травмирован свалившейся на него славой, а ему надо учиться, и что директор интерната озабочена дурным влиянием на Юру Сергея Кузнецова, и

стом. На крыше всегда хорошо. Ощущение совсем другое, чем на земле. Ты выше всех, все видишь и от этого как будто все понимаешь. Ну, и звезды...

Мы пропадали на крыше целыми днями. Особенно первое время, когда не работал лифт. На улице делать нечего — и мы с пацанами ходили друг к другу в гости. Но спускаться с девятого этажа не больно-то в кайф, а потом еще на восьмой надо подниматься (у меня друг жил на восьмом)... Поэтому мы пробирались друг к другу через верх, через лифтовый люк и крышу. Наши дома соединялись углом, — через этот угол перелезешь, уняв страх высоты, и снова — нырк в лифтовый люк. Но чаще всего на крыше задерживались. Там у нас была своя детская тусовка: анекдотики рассказывали, курили, спиртное распивали, летом брали с собой гитару. Как видите, занятия от педвальных не очень отличались, но ощущение высоты добавляло им какой-то новый оттенок. Представлялось, когда ты всем этим занимаешься над людьми, почти среди звезд — то на тебя, небожителя, и пальцем показать никто не смеет.

Лифт же помогал нам отлынивать от школы. Возьмем с собой курево, гитару, «мафончик», — садимся в лифт. Едем. А если в нем сильно подпрыгнуть, то он застрянет между этажами, и надолго, чисто по-совдеповски... Все, есть на что сослаться, когда в школе терзать начнут. Сидим в лифте между этажами по три, по четыре часа. Кочуем. Музыку слушаем.

Из музыки мне в то время нравилась «АББА». Еще — «Бони М». А позже появился «Спейс». «Волшебный полет», альбом 1977 года. До «Спейса» я эстраду мало слушал, а «Волшебный полет» услышал и о-бал-дел. Но это уже в 13 лет случилось, уже после того крутого перелома, который произошел со мной в пятом классе. И появившись «Волшебный полет» на год раньше, до того несчастья, что перевернуло мне душу, может быть, он остался бы и незамеченным.

Когда нам надоел надоедал подвисший между этажами лифт, я брал гитару. Этим инструментом начал баловаться с 12 лет. Брал гитару, ребята откашливались, прочищали горло, и в несколько глоток мы начинали:

— ...Что за-зве-нят опять ко-ло-кола-а-а-а,
И ты войдешь в распахнутые две-ери...

Если мелодичная «АББА» не очень действовала на нервы лифтера, то наше пение врывалось в домоуправление, как смерч, и будило кого положено. Если не помогали знаменитые «Колокола», пели Токарева, Новикова... Блатнячок-с. Нас освобождали. Хотя других за эти же песни в те времена, наоборот, упрятавали куда подальше. В детском возрасте формируются все основные понятия. Все склонности, пристрастия, вкусы. Но это в течение жизни может как-то меняться. А вот всю гамму чувств, основной душевный опыт детство дарит раз и навсегда. Если кто-то из друзей нанес тебе психическую травму — горечь этого запомнится на всю жизнь. Если ты влюбился в свои двенадцать — та светлая нежность останется в тебе надолго, навсегда.

Мне кажется, я счастливый человек, потому что мой душевный опыт вроде не зияет прорехами, как голенище валенка, из которого вырезали пыжи. В детстве у меня были друзья. Тот факт, что с большинством из них я теперь не общаюсь, ни о чем не говорит. Да, друзья, взрослея, могут превратиться в знакомых, просто в знакомых, но чувство, которое объединяло нас маленьких, ни во что превратиться не может. Оно просто есть в тебе — и все. Ты его знаешь, ты его

Создание сборного коллектива Шатунов — Пахомов. Начало гастролей — 18.09.88.

Перезапись на «Рекорде» — 1.10.88. (Тогда мы «Белые розы» по новой переписали).

Приход в группу Прико и Игошина — 3.01.89.

Приезд Славы Пономарева — 11.02.89.

Создание группы «Мама» — 25.03.89.

Первое выступление «Мамы», Питер — 7.05.89». (И приписано «Ура!»).

Все, дальше я ничего не вел, потому что ничего существенного не произошло.

Я долго держал блокнот открытым на этой страничке, уместившей всю историю «Ласкового мая», моего «Ласкового мая», и думал, что если расшифровать все эти даты, — действительно придется писать книжку. А может, стоит ограничиться лишь некоторыми датами? Рассказать, что стоит за ними — и будь что будет...

Но начать тогда придется с другой даты: 7 января 1964 года. Ее в блокноте нет. Я и без того это число помню. Это мой день рождения.

Если не рассказать о себе, о своем детстве — многое останется непонятым...

2. Крест на звездах

Лет до двенадцати я очень любил ходить в планетарий. В Оренбурге под него отдали одно из самых лучших зданий — бывший караван-сарай, постоялый двор для азиатских купцов. С высоким бело-снежным минаретом, видимым издали.

Я брал билетик, забивался в прохладное помещение под куполом бывшей мусульманской мечети и слушал лекции, были и небывлицы про Космос. Люди, читавшие лекции, сомнениями не страдали. Им было известно абсолютно все: что движет светилами, почему за кометами тянутся хвосты, почему так часто и так необратимо гаснут звезды. Они знали, что бога нет и что предназначение человека — покорить Вселенную. Лекция заканчивалась, и начиналась демонстрация звездного неба. Гас свет. На ободке купола возникали черные силуэты домов, слегка схожие с теми, деревянными в большинстве, что на самом деле раскинулись во все стороны от караван-сарая. Врубался жужжащий аппарат — и на куполе вспыхивали пылинки звезд. Созвездия неторопливо проплывали по извеске купола и скатывались куда-то под ноги. А восточная часть мечети занималась розовым... Восход солнца вручную.

Я выходил из планетария, и все, что меня окружало, казалось скучным, пыльным, рутинным. Вот звезды — это да...

Совковые дети — дети подвалов. Заботливая страна отдала им то, чем гордилась по праву все семьдесят лет: свои подземелья. В подвалах работали детские клубы, в подвалах дети занимались спортом, музыкой, театром... Пили и курили, обучались сексуальной азбуке и пробовали на вкус матерные словечки. И меня бы подвалы не обожали стороной, но там не было звезд. Звезды видны были только с крыши.

Одно время мы с мамой жили в Степном поселке, это окраинный район Оренбурга. Несколько лет стояли на очереди — и нам дали хорошую квартиру на девятом этаже нового дома. И раньше, чем свою квартиру, я обжил крышу девятиэтажки. Крыша была любимым ме-

что Кузнецов наркоман, пьяница и еще чего похуже (вообще им прокуратура занимается), и что Юру эксплуатируют и наживаются на нем...

...Я начал тихо звереть, когда Разин по третьему кругу принялся объяснять, что мы были неправы, напечатав заметку «Неизвестные «звезды». Я не мог уяснить, что же ему от нас надо. А надо ему было, как я теперь понимаю, чтобы мы с дрожью в голос заверили, что больше никогда-никогда не станем писать о «Ласковом мае» и уж, конечно, не поместим впредь ни одной фотографии группы. Для чего это было нужно Разину? Могу только предполагать. Разин понимает, что при почти полном отсутствии информации о «Ласковом мае», он может легко вживиться, «трансплантироваться» в нее, чтобы стать неотъемлемой ее частью. К тому моменту, когда группа появится на телевидении, зазвучит по радио, когда о ней начнет писать центральная пресса, он, Андрей Разин, «как тут и был» с самого начала...

Наверное, догадка Славы верна. Но мне в то время, летом 1988 года, не хотелось видеть в приезде Андрея никакой крамолы. Я видел в нем такую озабоченность судьбой группы, какую до этого не встречал ни у кого. Он четко и энергично расписал перспективы, план действия, и я понял, что с этим администратором не пропадеешь.

4 июля я отправился в Москву. Я знал, что этот день сулит мне какой-то новый этап в жизни. Вот какой только — плохой ли, хороший — не догадывался. И сейчас удивляюсь, что собственная рука, волею необъяснимой интуицией, вывела тогда в «историческом» блокноте: «4.07.88 Рождение «левого» «Мая». Хотя интуиция тут ни при чем. Просто в первый же день я узнал факты, которые меня насторожили. В Москве я с удивлением обнаружил, что Разин под нашу фонограмму уже несколько дней проводит концерт некоего мифического «Мая». Да не где-нибудь в доверчивой глубинке, а в центре столицы — в ЦПКиО им. Горького...

Потом...

Потом...

Потом...

В общем, конфликты с Разиным у меня начались с самого начала. И с самого начала были все основания назвать то безобразие, которое он делал — «левым» «Маем».

Нелюбовь у нас в народе к левой стороне. И всякую халтуру почему-то называют левой (левый рейс, левый заработок). И плюются-то, отгоняя нечистого, через левое плечо. Может, в нечисти все и дело? Может, издавна заметил народ, что все нечистое на совесть подбирается к человеку слева, там, где ближе доверчивое сердце и где не защищена оружием рука?

...Пели в разных концах страны под шатуновскую фонограмму «левые» солисты. Разваливался, погибал мой «Ласковый май», не успев воспрянуть из пепла. И даже Пахомов не мог спасти положения. (По тем причинам, о которых я уже сказал, брат в Москву Костю я вообще не собирался. Им заинтересовался Андрей, и при первой же встрече с Костей у меня дома, в Оренбурге, пригласил Костю с собой. Если бы не Андрей Александрыч, Пахомов бы до Москвы не добрался, он должен был благодарен Разину за это, хотя тот его и гасил постоянно, перекрывал кислород... Например, однажды запретил ра-

ботать в Питере, где мы выступали...) Угасал «Май»... Будто нарушив календарную череду, вплыл в осень, в промерзлый ноябрь. Немудрено, что в это тоскливое время я вспомнил о Шатунове. Дай, думаю, сле- таю к нему...

Юрий Васильевич встретил меня как ни в чем не бывало. Все, что было связано с конфликтом между нами, сошло с него, как с гуся вода.

Мы с ним поговорили. Он мне рассказал, что недавно его вызвала Тазикенова и спросила:

— Хочешь в Москве учиться?

Он ответил:

— Еще чего...

— Нет? Ну все, иди! — и ничего не объяснила: почему в Москву, зачем, с кем... Оказалось, этот вызов был связан с официальным за- просом Разина, цель которого — перевести Юру в интернат № 24 горо- да Москвы. Разин не собирался отказываться от Шатунова, Шатунов был нужен и ему.

Все это я рассказал Юре. Юра сразу же загорелся:

— Кузя, я с тобой поеду в Москву!

— Нельзя, — сказала я. — Снова скажут, что я тебя своровал.

А сам подумал, оставь Юрку здесь, его снова так загружат, что потом никаким способом не вырвешь.

Я позвонил Разину. Узнав о моих планах, он заявил:

— Никакого самовольства! Хорошо, что ты с ним встретился, вос- становил отношения. Но больше ничего не предпринимай. Это дело криминальное. Я сам его выцарапаю...

Организаторского таланта Андрея Александровича я еще не знал во всем объеме, зато знал все «таланты» Тазикеновой. А тут еще сам Шатунов настаивает: «Поехали...» Ну поехали так поехали. Я взял билеты, и 3.09.88 мы с Шатуновым оказались в Москве, у Разина, ко- торый просто обалдел от нашего поступка. Он тут же начал оформлять Юрку в школу-интернат № 24. Когда все формальности с устройством Юры в интернат закончились, он подключился к нашим гастролям. Барнаул, Северодонецк, Запорожье... Другие города и веси...

Концертные поездки эти были отлично организованы. Во-первых, все-таки гастролировала группа, пользующаяся феноменальным успе- хом, на 100 процентов обеспечивающая кассу, поэтому люди, которые нас приглашали, расхибались в доску, чтобы все проходило четко, слаженно. Нам давали возможность хорошего отдыха. Бассейн — по- жалуйста... Пострелять — пожалуйста... Покататься на машине — по- жалуйста... Природа, шашлык — ради бога... Успех гастролей, конечно, во многом зависел и от наших администраторов. От Разина. От Арка- дия Кудряшова. Как организаторы они оказались действительно высо- чайшими профессионалами. Оформление сцены, свет, костюмы — все стало качественнее. Массу сил Разин потратил на рекламу, чтобы под- держать те слухи, легенды, мифы, которые в огромном количестве ви- тали среди наших поклонников. Плакаты и фотографии расходились в огромных количествах. Просто в чудовищных...

Мне стало казаться, что все наладилось, что «Май» опять тепл и ласков, что Андрей прислушивается к моим словам, что я опять имею в группе прежний вес. Как-то я привез в Москву из Оренбурга Сергея Серкова. Говорю:

— Разин, давай возьмем барабанщика...

А Серков — это же шатуновский друг, это же два ханыги — не

После премьер организовывались пышные банкеты. Эта традиция была, есть и, по-моему, еще долго будет жить. Хорошая традиция. Мама брала меня с собой, и я, пыжась от гордости, что нахожусь в артистической среде, садился где-нибудь за краешек стола с бутылкой газировки и слушал, слушал... И потихоньку стал различать для себя, что актерская профессия — это еще не гарантия доброты, честности, искренности в человеке, что среди актеров есть всякие люди... Но, к счастью, хороших людей в драмтеатре было больше, и первое мое разочарование в театральной изнанке не оставило во мне глубокого следа.

В одном из спектаклей на сцене появлялось жуткое Чудовище. Оно изрыгало из себя огонь и дым, его глаза горели, иглы на хребте стояли дыбом. При появлении Чудовища я каждый раз вжимался в кресло, напрочь отрываясь от реальности. Когда к Чудовищу попри- вык, — решил рассмотреть его вблизи. Пробрался за сцену, устроил засаду за ящиками с реквизитом и стал ждать. Чудовище последний раз громыхнуло где-то поблизости и устало выкатило на обозриваемый мною пятачок за кулисами. Молния на его брюхе вдруг расстегнулась, и из живота зверины вылез Владимир Яковлевич Бурдаков (я уже познакомился с ним, знал, что это добрый, чуткий человек, хороший артист; недавно он трагически погиб, его подло убили возле самого театра какие-то подонки). Превращение Чудовища в добрейшего че- ловека Владимира Яковлевича очень смутило меня, будто приятней было б, если Чудовище, отыграв свою роль, кинулось бы на меня, кляцая всамделишными зубами... Но и это разочарование было мимо- летным. Я потрогал шкуру Чудовища, потыкал пальцами в его глаза- лампочки, поискал, куда спрятаны батарейки... и подумал, разве плохо, если внутри каждого чудовища — добрый человек...

Но раз на раз не приходится. Я — про разочарования. Теперь, ког- да у меня есть кое-какой опыт, я искренне хочу предостеречь тех по- клонников эстрады, которые готовы на все — лишь бы прошмыгнуть за кулисы, к своему улыбочивому кумиру. Вместо кумира вас может поджидать там обыкновенное Чудовище, а очаровавший вас улыбку вы увидите на полу, приклеенной к сброшенному с плеч наряду.

... — Вам понравился концерт? — допрашивали меня поклонницы. — Вы для своей работы взяли что-нибудь отсюда?

— Концерт понравился, — ответил я на прощанье. — А насчет за- имствования... Чего я могу для себя взять от себя...

Пока девочки думали над моим ответом, я улизнул от них, в свою очередь раздумывая над их словами, над их предложением написать книгу. Может, действительно пора?

Дома я нашел тот самый «исторический» блокнот. Раскрыл его на страничке, которую когда-то крупно подписал:

«ГРУППА «ЛАСКОВЫЙ МАЙ» имени Общественного Транспорта, Настежь Распахнутых Окон и Слезливых Поклонников Самой Не- серьезной На Свете Музыки Диска».

Ниже шли даты.

«День рождения «Ласкового мая» — 6.12.86.

Первый распад — 31.03.87.

Второй день рождения — 12.09.87.

Выход первого альбома (Шатунов) — 16.02.88.

Второй распад — 31.03.88.

Выход второго ролика (с Пахомовым) — 6.05.88.

День рождения левого «Мая» — 4.07.88. (К тому времени я при- ехал в Москву, к Разину.)

шивала?.. Ну тот, что мне ответил: мол, Саша еще не вернулся с завода, он сегодня во вторую смену, болванки точит. Я тогда его еще обматерила... Может, напрасно обматерила? Может, тот голос не соврал?

— Обматерила ты его напрасно,— соглашаюсь я.— А чей был голос — откуда мне знать? Я ведь и понятия не имею, по какому телефону ты решила нас искать...

Пока девочка пытается припомнить цифры номера, по которому она пыталась наладить с нами «дружественные» отношения, налетает следующая. Ее вопросец прост как ленинская правда:

— А кто прав?

Отвечаю обтекаемо:

— М-да... Все, наверное, правы...

— И все же...

— Ну, это долгий разговор... Целую книгу написать надо, чтобы на него ответить. Чтобы люди узнали мою версию событий, сопоставили ее с той, которую Разин имеет — а выводы уж сами делали.

— Так и напишите!.. Пора...

Пора ли? Я надолго задумался.

Конечно, кое-какие записи у меня есть. Есть, в частности, «исторический» блокнот. Там, среди черновиков, среди незаконченных и законченных стихотворений,— несколько страничек с датами. Думаю, что мало кто, кроме меня, помнит эти даты. Уж слишком они личные... Хотя все относится к истории «Ласкового мая». Даже если историю только этих дат развернуть в небольшие рассказы — то получится... книжка, не книжка, но представление, откуда заструился по стране тот ручеек, «Ласковый май», и кто возводил плотины на его пути, пытаюсь остановить его ток, и кто, в конце концов, свернул ему русло — такое представление возникнет...

— А действительно, напишите книжку! — загорелись девочки.— Только, чур, так, чтобы мы прочитали — и как будто за кулисами побывали. Вы же со всеми «звездами» знакомы, общаетесь с ними...

Я не стал огорчать девочек, что особого желания общаться со «звездами» у меня нет. Не стал объяснять, что сегодня это общение может быть полезным, а завтра — наоборот. Тут свои профессиональные секреты, своя профессиональная психология. Чем популярнее человек, тем большую силу имеет он в определенных кругах, в музыкальных тусовках. Слишком тесное общение со знаменитостями эстрады может вылиться в неприязни. Могут и загасить, если чем не угодил. Например, хочешь в какой-нибудь программе поработать, а работать не будешь, потому что не захочет какая-нибудь капризная «звезда», имеющая на эстрадном рынке астрономический вес. Очень часто гасят на «ящике», потому что музыкальный и телевизионный мир плотно завязаны. Нашу «Маму» часто и много снимали. Снимут, пообещают: «Все нормально, Кузя! Скоро эфир будет». А никакого эфира... Что-то там срывается. Поэтому я не общаюсь со звездами. Кроме тех, с кем близкие, товарищеские отношения. Это Ромка Жуков, Саша Хлопов, еще несколько человек.

Огорчать девочек не стал, но все же риторически спросил:

— А как разочарует вас эстрадная изнанка?..

Мне однажды в детстве такое разочарование испытать пришлось.

Одно время мама работала главным администратором драмтеатра в Оренбурге. И я частенько там тусовался. Был на спектаклях, многие из них наизусть помню — «Забить Герострата», «Память сердца», «Русские люди»...

разлей вода, и воровали вместе, и курили... Шатунов: «О, я двумя руками «за!» А Разин посмотрел:

— Нет, по внешности не подходит. Вези его обратно.

Я говорю:

— Только через мой труп! Это же какая травма для ребенка, когда его взяли в Москву, обули, одели, показали ему, что такое более-менее нормальная жизнь... А потом обратно — в г... Или ты его оставляешь, или я уезжаю вместе с ним.

В общем, уломал. И даже гордился, как ребенок, своей победой. Потом точно так же перетасил из Акбулакского интерната еще двух юных талантов — Игоря Игошина и Сашу Прико. Хотя здесь Разин уже не возражал.

О Прико мне хочется сказать немного подробнее, потому что это мой нынешний солист. И он, и Игорь Игошин, который теперь тоже у меня, учились в Акбулакском детдоме. Их самодеятельность я слышал давно, еще до переезда в Москву. Я частенько навещался в Акбулак, потому что Слава Пономарев после нашего конфликта с Тазикиной снова перебрался туда. Он создал там самодеятельную группу, в которой участвовали Саша и Игорь. Мне нравилось, как они поют, как играют.

И вот в январе 1989 года я решил перетасить их в Москву (наверное, уже жила во мне уверенность, что Шатунов — отрезанный ломоть). Приехали с Кудряшовым в Акбулак. Обратились к администрации. Нам отказали.

А Саша с Игорем уже окончили 8 класс. Они были вольны сами определиться, что им делать, чем им заниматься. Поэтому мы с Аркадием объяснили ребятам ситуацию и сказали:

— Хотите — поехали!

Так они появились в Москве.

Сашка неплохо играл на клавишных, и его поставили на «расческу». Этот инструмент имел богатую историю. Когда-то на нем играл Маруани из «Париж — Франция — Транзит». Потом «расческу» перекупили «Земляне». А уже у них ее приобрел Андрей Разин. Говорит, что за 5 тысяч. Кроме солидной истории, инструмент имел еще солидный вес и солидные размеры. Сашка же был маленького росточка (это сейчас он вымахал). И вот он бегаёт по сцене с этим инструментом, крутится, а клавишные раз — и поволокут его...

Он жалуется после концерта:

— Кузя, меня заносит с этой «расческой».

Я отшучиваюсь:

— Что ж, придется перевести тебя в солисты. Уж если Разин туда просится, то тебе-то сам бог велел...

Шутки шутками, но мысль сделать из Прико классного солиста у меня действительно появилась. По многим параметрам он подходил для этого.

Саша хороший парень. У него много-много родных братьев и сестер. (Сейчас два младших Прико учатся в том интернате, где начинался «Ласковый май»). Так что забот у Саши — целая куча, и он с ними неплохо справляется.

Саша любит тяжелую музыку. Его кумиры — Дэвид Ли-Род, Осборн, Хэлловин... А попусу жалуется только мою.

Я думал, увлечение Саши «металлом» — достаточная характеристика его характера. Я наконец нашел того человека, которого искал с поры первого конфликта с Шатуновым. По совпадению, достаточно объяснимому немногочисленностью акбулакских воспитанников, Юра и Саша

были друзьями еще там, в далеком от Москвы Акбулаке. Разве не украсят сцену эти два друга-разбойника, если окажутся вместе в одной программе на одинаковых ролях? Разве не укрепится тем самым образ «Ласкового мая»?

В общем, какое-то время я находился в прекраснодушнейшем заблуждении, что «Ласковый май»... пусть не мой, как прежде, но наш. Наш!

Я даже смирился с тем, что Разин из администратора стал солистом «ЛМ». Произошло это так. Как-то он сказал, неплохо бы и ему поиметь собственный альбом... Мол, и на эстраде в свое время блистали, и поклонниц преданных имели... Я шибко сомневался в голосовых данных Андрея Александровича, но все же согласился на такой альбом. Правда, с одним условием: ни в коем случае не выдавать этот альбом как «ласковомаяевский». Он согласился. С горем пополам мы записали несколько песен («Старый лес», еще кое-что). И вдруг я с удивлением обнаруживаю, что этот альбом подан как очередной альбом «Ласкового мая». Меня это надолго вывело из себя. А потом свякся, плюнул на это дело: солист ну солист...

Однако прекраснодушествовал я недолго. Все ясней и ясней становилось: нет, не наш этот новый «Ласковый май», а их. Вновь и вновь приходилось убеждаться, что наши администраторы часто не могут провести черту, где, что можно в моральном плане, а что нельзя, часто переступают эту черту... Да, натиск, пробивные способности, чувство конъюнктуры, самодисциплина — это, вероятно, хорошо, но когда все это хозяйство не дружит с совестью...

Я не знаю, кто виноват, но сложнее стали наши взаимоотношения с Юрой Шатуновым. И хуже. Он стал тянуться к Разину и Кудряшову, стал с ними откровеннее, чем со мной. Собственно, любой музыкальный «колхоз» должен быть добровольным, и любой волен выбирать, к кому тянуться и с кем общаться. Но Юра вдобавок начал всем демонстрировать свое плохое отношение ко мне. Может, он видел уже, что наши с Разиным дороги расходятся, и торопился таким образом определиться?.. Хотя, не буду гадать... Он стал вести разговоры, причем за глаза, что композиторы — это люди временные... Что одного в любое время можно поменять на другого...

Это его слова, Юрины...

Кто для него в то время казался главным? Не знаю, надо спрашивать у него самого. Может, директор группы, может — администратор...

Потом он взялся утверждать, что песни, которые исполняет, написал он сам. Мол, я их только аранжировал.

Что угодно, но песни свои я никому не отдам и не устану об этом повторять. Они для меня самое дорогое.

Подобное отношение Шатунова ко мне сковывало меня, мешало работать. Разин и компания ждали от меня новых вещей. Я же знал, что какие-то из них придется исполнять Шатунову, и чувствовал себя закованным в лед... Не могу я так... Просто физически не могу написать песню для того, кто ко мне плохо относится...

В общем, все пошло как-то не так. Я остро почувствовал, что там нужен не я, а нужна моя башка, которая выдает какую-то продукцию. Конкурентноспособную продукцию. А песня — это не продукт. И композитор — это не конвейер.

И я решил уйти. В марте 1989 года мы с Сашей Прико записали альбом «Взрослые», первый Сашин альбом (туда вошли песни «Все», «Взрослые», «Медленно уходит осень», «Розовый закат»; последнюю песню Разин переименовал в «Розовый вечер» — это уже когда они

Но только выбрался в фойе, как был бесславно узнан. Никудышний из меня конспиратор. Разве специалист плаща и маски стал бы налаживать свой маршрут мимо служебного входа, мимо входа за кулисы? Разве забыл бы он, что там подкарауливают своего кумира, своего ненаглядного Юрочку, самые преданные поклонницы «ЛМ»? У которых молниеносная реакция. Которые помнят в лицо всех, кто хоть как-то связан с «Ласковым маяем» (даже меня, не примелькавшегося на телеэкранах и в газетах Кузю, помнят!). Которые обладают массой информации о группе. Но хотят узнать еще больше.

Вобщем, узнали вашего Кузю. И приперли к стенке.

С поклонниками я обычно не общаюсь. Да и их интерес, как правило, сфокусирован на солистах, — не до меня. Тот ажиотаж, когда рубашку рвали даже на водителе гастрольного автобуса — он уже в прошлом. Сейчас этого нет и не будет. Да и не нужно этого. Не нужно кумиров. Мы бы были удовлетворены спокойным дружеским интересом к нам.

Но тогда, во время моего «неофициального» похода на концерт, ситуация была обострена недостатком информации, массой слухов о том, что случилось между мной и Разиным, мной и Шатуновым. Так что я попал в водоворот нового всплеска интереса к собственной персоне, в самый его эпицентр. Вопросы посыпались, как четверти в crescendo.

— А правда, что за вашей спиной самая мощная рекетирская группа?

— А Пахомов с вами еще не поссорился?

— А чей был голос, когда я вам звонила и про Сашу Прико спра-

«Не нужно кумиров. Мы удовлетворены спокойным, дружеским отношением к нам...»

I. ...А вместо глаз у Чудовища лампочки

Когда-то средневековые глашатаи, извещая народ о смене в королевской династии, громко кричали на городских площадях: «Король умер! Да здравствует король!». Народ горевал, что нет уже в живых старого правителя, и радовался приходу нового.

Если бы мой уход из «Ласкового мая» не был обставлен скандалами, исковыми заявлениями, оскорбительными выпадами его нынешних руководителей, я бы известил поклонников о своем разрыве с группой с помощью того же ораторского приема древних глашатаев. Только поменял бы местами печаль и радость: «Да здравствует разинский «Ласковый май»! Мой «Ласковый май» умер...»

А может, и не стал бы выпендриваться. Умер — ну и умер. Жизнь-то все равно продолжается, и есть у меня теперь новый коллектив — «Мама», любимая «Мамка».

Отношений ни с Шатуновым, ни с Разиным я теперь не поддерживаю. Лишь иногда случайно сталкиваемся в «Рекорде», в студии Чернавского, где и они, и мы пишем свои альбомы.

А недавно я был на концерте «Ласкового мая». Не то, чтоб во мне жгучая ностальгия по прошлому разыгралась... Все прозаичнее. Они сперли несколько наших песен, которые мы с Прико записали — и мне хотелось послушать, как эти песни звучат в их исполнении.

Концерты шли в спорткомплексе «Олимпийский». Я зашел в кас-сы. Как пугеый, взял билет. Шесть рублей не пожалел...

Тайком, чтобы никто не узнал, проник в зал.
Послушал.

Концерт как концерт. Штамповка. Только оформлен очень красиво. (Нам до такого оформления далеко. «Мама» у нас пока в серых, далеко не от Кардена, провинциальных одеяниях.)

И песенки мои неплохо прозвучали. Думал, что они хоть свою аранжировку сделают. Нет. Даже аранжировка моя осталась.

Андрей Александрыч были не в ударе, говорили мало, хотя Разин на концертах обычно любит порассуждать.

Публика, естественно: «Ур-ра! Ан-дрю-ша! Ю-роч-ка! Ур-ра!» — кричала. А я спокойненько потягивался в кресле, радуясь за своих коллег.

Были, конечно, мгновения, когда сквозь скорлупу профессионального интереса к концерту вдруг прорывалось очень личное. Отголоски каких-то обид, теплые воспоминания о том, что навсегда ушло в прошлое, сожаление о шатуновском предательстве. Но я приказал себе не расслабляться, не уподобляться неистовым фанатам, которые оттягивались на всю катушку, не стесняя себя в эмоциональных проявлениях.

Дослушал концерт почти до конца.

Порадовался за «Ласковый май», за коллег по эстраде: молодцы, держатся...

И отправился было потихонечку домой — жить себе дальше, работать, грустить и радоваться. Засыпать мертвецким сном после удачно сработанной песни и пропущенного по этому поводу стопарика. Или бес-сонно ворохотаться в неясном предчувствии новой песни.

скупил наш магнитоальбом и на «минуса» наложили шатуновский голос).

Когда работа над «Взрослыми» закончилась, я сказал Разину:

— Вот теперь я ухожу. У меня появился солист, с которым мне интересно работать. У меня есть идея собственной группы. И у меня нет желания, чтобы мое имя связывали с твоим «Ласковым маем».

— Хорошо,— сказал Разин.— Уходи. А с оплатой твоих песен поступим так: ты записываешь с Шатуновым еще один альбом, напоследок, а мы тебе за это будем каждый месяц выплачивать определенную сумму. Несколько лет подряд.

— Ребята,— говорю я,— не надо привязывать меня к себе на несколько лет. Давайте я запишу Юре новый альбом, а вы заплатите мне всего лишь за четыре месяца, но сразу после окончания работы. И больше я от вас ничего требовать не буду.

Они говорят: нет!

Ну, нет, так нет! Все! Я ушел!..

Потом они выпустили новый альбом. Там на фоне моей музыки идет вступление: Кузнецов, мол, музыкальный рэкетир. Затребовал с Юры Шатунова 100 тысяч рублей. У нас нет таких денег, поэтому мы решили с ним расстаться... А дальше идет опять моя музыка и мои песни. Хо-ро-шо!..

После моего ухода Разин стал шить на меня уголовку.

Есть вещи, которые нельзя прощать... Юра еще раз вспомнил свои оренбургские навыки обращения в суд и сделал то, на что его подтолкнул Разин: начал писать разные заявления на меня... Теперь уже в московские инстанции...

Это его проблемы.

Можно простить, когда человек предал тебя один раз. Даже это можно. Но второе предательство не прощается.

Я не о Шатунове конкретно. Но и в отношении Шатунова: это предательство — которое ни-за-что!..

Я не желаю Юре ничего плохого. Я желаю ему только хорошее. Но помощи от меня — никакой... Даже если ему будет очень тяжело. Я не смогу. Не сумею. Для меня это невозможно.

Вместо последней главы

Ты просто был...

Откуда знать, с кем ты теперь
И кто твой друг,
Что не забыл, что все же помнишь.
Я много знал друзей.
Но повстречавшись вдруг
С таким, как ты,
О многом понял.
Ты был правдивей всех со мной,
И столько раз
Напрасно злился я на правду —
Ты был из тех, кто не бросал
Похвальных фраз.
И был со мной всегда на равных.

Ты просто был
Частицей меня.
Хватало сил
Терпеть мои капризы.
Ты просто был
Из правды и огня.
И не любил
Почтовых писем.

Мы затевали полуночный разговор
О том, что зло имеет маску,
О том, что дружба продается с давних пор
И друга ложь всегда опасна.
Откуда знать, где ты теперь
И кто твой друг,
И нас ничто не может сблизить.
Ты так внезапно изменил весь мир вокруг
И не любил почтовых писем

И, в заключение

Вот и все. Наша «Мама» живет и работает. Нас у «Мамы» шестеро. Кроме меня, это — Саша Прико, солист, Игорь Игоршин, барабанщик. На клавишных инструментах Сережа Седов (он из того же детского дома в Акбулаке). Саша Ларионов — это гитара. Саша перешел к нам из группы «Магнит». Недавно в группе появился второй солист — Саша Семернин (как-то мне предложили прослушать юного москвича из интерната № 19. Мне этот эрудит, который в основное время изучает в интернате хинди, понравился, и я записал ему две песенки, сейчас пишу еще).

Материальное положение у нас не ахти. То благополучие, которое было в «Мае», — кончилось. Мы теперь работаем изредка, обычно в месяц — один город, одни гастроли. Не потому, что нет работы (приглашений куча!), просто не хочется суетиться. И распространением альбомов занимаемся мало.

...Как-то перед прошлым Новым годом мы отлучились из дома на два часа. Возвращаемся и видим: все стены подъезда расписаны приветствиями, ругательствами и прочими «неандертальскими» лозунгами. Поклонники... Я прикинул, во что мне обойдется ремонт подъезда. Покрушался. Но где-то в душе шевельнулась радость: «Мама» выплывает из небытия, «Мама» кому-то нужна...

...В этих заметках я не сказал всего. Мне страшно, что вдруг из-за лишней моей болтливости не будут выпущены те песни, которые мне еще предстоит сделать.

Кое-что не могу сказать по тем соображениям, что еще не пришло время. К некоторым вещам общество еще не готово. Когда-нибудь расскажу. Если доживу, конечно.

А пока... До встречи на концертных площадках, многотерпеливые мои читатели...

Июнь 1991.

Литературная запись Юрия ШИНКАРЕНКО

Фотографии из семейного архива Кузнецовых

Журнальный вариант

© С. Кузнецов, Ю. Шинкаренко

© «Уральский следопыт» Состав., оформление

Редьга!
В наше сложное
время лучше
добрее друг к другу!
и главное: быть самим собой!!!
Шинкаренко / Кузнецов / Кузнецов

Сергей
КУЗНЕЦОВ

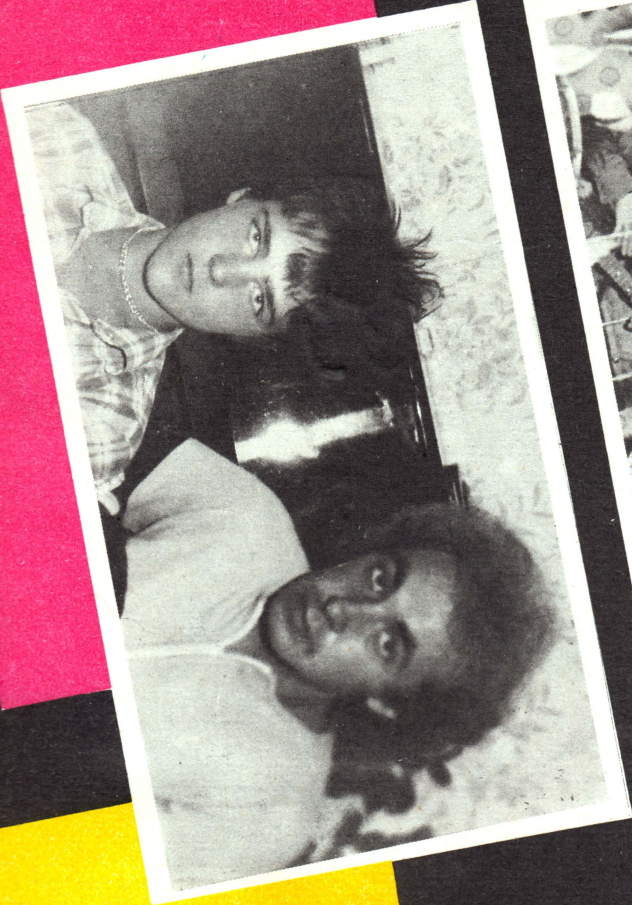
ТЫ ПРОСТО БЫЛ...

Документальная
повесть

Сергею Кузнецову — пять лет

* МАМА *

Оформление СЕРГЕЯ ГРИГОРЬКИНА

Матри
орудия
Сергей Кузнецов,
основатель группы *ЛАСКОВЫЙ МАЙ*

Ты просто был...
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЗАПИСЬ
Юрия
Шинкаренко